

ISSN 0205-9592

Том 45, Номер 3

Май - Июнь 2024

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НАУКА

— 1727 —

СОДЕРЖАНИЕ

Том 45, № 3, 2024

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

Научные традиции как механизм преемственности психологического познания. Часть 1. Состояние и трудности изучения

Ю. Н. Олейник, А. Л. Журавлев

5

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Эмоциональное отношение и мотивы неприязни как предикторы дискриминационных установок

Р. М. Шамионов

15

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Роль “эффекта истории” в формировании ожидаемого результата в процессе решения задач

А. А. Медынцев

26

Развитие ментальной регуляции психических состояний студентов в процессе обучения

А. О. Прохоров, А. В. Чернов

41

К вопросу о типологизации индивидуальных особенностей учения школьников

С. В. Зайцев

54

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Утилитарная этика: вклад черт темной тетрады и отчуждения моральной ответственности

Д. С. Корниенко, М. В. Балева, Н. П. Ячменёва

64

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Человек и фобии частей его тела: половые/гендерные аспекты

И. В. Грошев, Ю. А. Давыдова

76

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ

Апробация шкалы эстетических эмоций на российской выборке

М. А. Шестова, М. Р. Забелина, У. И. Васильченко, К. В. Анохина, Е. А. Волдинер

90

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Основные направления инженерно-психологических исследований А.И. Галактионова (к 100-летию со дня рождения)

А. Л. Журавлев, Е. А. Трофимов, А. А. Костригин

108

НАУКОМЕТРИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Различия в структуре научного дискурса при индивидуальном и коллаборативном авторстве публикаций

А. Н. Воронин, А. С. Рафикова, И. В. Смирнов, М. А. Станкевич

118

ДИСКУССИЯ

Уроки советской психологии

Е. А. Сергиенко

133

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Владимиру Александровичу Барабанщикову — 75 лет

143

Владимир Александрович Мазилев

145

CONTENTS

Vol. 45, No. 3, 2024

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

Scientific Traditions as a Mechanism for Forming Continuity in the Development of Psychological Cognition.

Part 1. Status and Difficulties in Studying

Yu. N. Oleinik, A. L. Zhuravlev 5

SOCIAL PSYCHOLOGY

Emotional Attitude and Motives of Dislike as Predictors of Discriminatory Attitudes

R. M. Shamionov 15

COGNITIVE PSYCHOLOGY

The Role of the “History Effect” in the Formation of the Expected Result in the Problem-Solving Process

A. A. Medyntsev 26

Development of Mental Regulation of Students' Psychological States During the Learning Process

A. O. Prokhorov, A. V. Chernov 41

On the Issue of Typologizing the Individual Characteristics of School Children's Learning

S. V. Zaitsev 54

PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

Utilitarian Ethics: The Impact of the Dark Tetrad Traits and the Mechanisms of Moral Disengagement

D. S. Kornienko, M. V. Baleva, N. P. Yachmenyova 64

CLINICAL PSYCHOLOGY

Man, and Phobias of His Body Parts: Sexual/Gender Aspects

I. V. Groshev, Yu. A. Davydova 76

METHODS AND PROCEDURES

Approbation of the Aesthetic Emotions Scale on a Russian Sample

M. A. Shestova, M. R. Zabelina, U. I. Vasilchenko, K. V. Anokhina, E. A. Voldiner 90

HISTORY OF PSYCHOLOGY

Main Directions of A.I. Galaktionov's Engineering-Psychological Studies (To the 100th Anniversary of Birth)

A. L. Zhuravlev, E. A. Trofimov, A.A. Kostrigin 108

SCIENTOMETRIC IN PSYCHOLOGY

Differences in the Structure of Scientific Discourse with Individual and Collaborative Authorship of Publications

A. N. Voronin, A. S. Rafikova, I. V. Smirnov, M. A. Stankevich 118

DISCUSSION

Lessons of Soviet Psychology

E. A. Sergienko

133

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Vladimir Aleksandrovich Barabanshikov

143

Vladimir Aleksandrovich Mazilov

145

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9.019

НАУЧНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК МЕХАНИЗМ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ.

ЧАСТЬ 1. СОСТОЯНИЕ И ТРУДНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ

© 2024 г. Ю. Н. Олейник^{1,*}, А. Л. Журавлев^{2,**}

¹АНО ВО “Московский гуманитарный университет”;

111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5, Россия.

²ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей,
социальной психологии и истории психологии.

E-mail: yurii03@mail.ru

**Академик РАН, научный руководитель ФГБУН Институт психологии РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Поступила 15.04.2024

Аннотация. Рассмотрена и обоснована актуальность проблемы научных традиций и преемственности психологического знания как важного вопроса методологии современной психологии. Дан анализ дефиниций и понимания термина “традиция” в разработках психологов и специалистов смежных наук, обозначены основные трудности в развертывании исследований в этой области, очерчено их проблемное поле. Обозначена парадоксальность в исследовании традиций — осознание ее актуальности и важности для понимания динамики психологического знания, а также фиксация необходимости разработки и в то же время малое количество современных специальных публикаций на эту тему. Часто публикации, в названии которых используется термин “традиция”, характеризуют его лишь косвенно и достаточно обобщенно, а иногда подразумевают совершенно иной исследуемый феномен. Сделан вывод о том, что проблематика традиций в отечественной психологии в большей степени носит характер не проявленного, неотрелексированного знания.

Ключевые слова: методология психологии, история психологии, научные традиции, преемственность, научная школа.

DOI: 10.31857/S0205959224030014

В методологии и истории психологии, несмотря на напряженный труд специалистов, их творческую активность и познавательную настойчивость, еще достаточно проблем и вопросов, которые требуют своего разрешения или, по крайней мере, обсуждения. Одной из таких проблем является преемственность знания.

Как известно, именно *преемственность* является одной из отличительных черт развития научного знания по сравнению с другими формами познавательной активности ученых. Соответственно, когда говорится о преемственности научного знания, обязательно возникает вопрос о том, *как* осуществляется эта преемственность? Что является инструментом, т.е. способом передачи знания, и какой механизм обеспечивает

процесс трансляции результатов научного познания из одной исторической эпохи в другую, от одной концепции/теории к другой? Безусловно, это не единственные вопросы, которые возникают в этой связи, но в данной статье мы остановимся именно на анализе и обосновании научных традиций как инструмента и механизма преемственности.

Отметим сразу, что это не эгоцентрическая исследовательская позиция. Изучение традиций является действительно актуальной проблемой современной истории науки и, в частности, истории и историографии психологии. Об этом свидетельствует, например, обстоятельный труд “Прогресс в психологии: критерии и признаки” (2009), изданный Институтом психологии РАН, в котором

традиция рассматривается в контексте не только преемственности, но и инновации [21].

Разработка проблемы преемственности научно-го знания и традиций как одного из возможных ее механизмов решает важные задачи: позволяет реализовать ряд важных функций истории психологии (мировоззренческую и прогностическую, как минимум); обеспечивает исторический подход к научно-методологической деятельности в области истории психологии; способствует конструктивному решению серьезных методологических дилемм историко-психологического исследования, например, соотношения кумулятивизма—антикумулятивизма в динамике научного знания или роли интернализма—экстернализма как движущих сил развития науки; ориентирует на конструктивное решение вопроса о национальной специфике психологических исследований и научных школ, в том числе авторских или региональных (см., например: [18]). Эти задачи, которые могут быть, конечно, дополнены, достаточно понятны и не требуют развернутого обоснования. Тем не менее на одной позиции хотелось бы акцентировать внимание специально.

Важнейшими функциями истории психологии являются прогностическая и мировоззренческая [11]. Но разве можно полноценно реализовать эти функции, не рефлексировав, на каких идеях (в том числе из прошлого) выстраивается предлагаемый прогноз и какие теоретические положения и познавательные идеалы прошлого лежат в основе формирования актуальной мировоззренческой позиции исследователя? Поэтому предложить обоснованный прогноз развития науки в будущем можно, только опираясь на прошлое и настоящее, т.е. на определенные стабильные и повторяющиеся элементы структуры научного знания, явно или неявно представленные в современном научном познании. Вместе с тем это прошлое в современной жизни воплощено, как правило, в традициях, какой бы смысл ни вкладывался в это понятие.

Свидетельством актуальности проблемы преемственности, в частности, в формате традиций является анализ тематики проводимых конференций по психологии. Достаточно случайный, а не систематизированный поиск показывает, что научные конференции, связанные с акцентом на традициях, проводятся с завидной регулярностью. Укажем лишь некоторые из них: II Международная научно-практическая конференция “Преемственность психологической науки в России: традиции и инновации” (26–27 ноября 2015 г.); “Психология: традиции и инновации: материалы II Международной научной конференции” (март 2016 г.); Всероссийская

научно-практическая конференция с международным участием “Диагностика в медицинской (клинической) психологии: традиции и перспективы” (29–30 ноября 2016 г.); IV Международная научно-практическая конференция “Медицинская (клиническая) психология: исторические традиции и современная практика” (12–14 октября 2017 г.); традиционная научная конференция “Ананьевские чтения”, которая в 2018 г. прошла под названием “Психология личности: традиции и современность”; II Всероссийская научная конференция молодых ученых и студентов с международным участием “Специальная педагогика и психология: традиции и инновации” (2020 г.); III Всероссийская научная конференция молодых ученых и студентов с международным участием “Специальная педагогика и психология: традиции и инновации” (6–7 апреля 2022 г.); Первая всероссийская научно-практическая конференция “Традиции и инновации в психологии” (22 ноября 2022 г.); XV Всероссийская молодежная научно-практическая конференция “Теоретическая и прикладная психология: традиции и перспективы” (28 апреля 2023 г.) и др.

Как видим, практически каждый год проходят конференции, которые выдвигают эту проблему как центральную. Подчеркнем, что это данные довольно случайного поиска, при систематическом же анализе, думается, картина будет еще более наглядной. Но даже такой поиск позволяет говорить о том, что в научном сообществе сформирован востребованный и стабильный запрос на эту тематику.

СОСТОЯНИЕ И ТРУДНОСТИ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМ ТРАДИЦИЙ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Чем же сегодня удовлетворяется этот запрос? И здесь обнаруживается *первый интересный факт*. Самый простой запрос в системе РИНЦ диссертаций по ключевому слову “традиция” (поисковый фильтр — в названии, с учетом морфологии) показывает, что на 28.06.2023 система выдает 54 диссертации в более чем 44,5 млн публикаций (44 637 113), индексируемых в РИНЦ, на эту же дату. Ограничение поиска запросом “научная традиция” (при тех же фильтрах) еще более красноречиво — 13 диссертаций (!). При этом надо иметь в виду, что в качестве отдельных записей в базе РИНЦ указываются и авторефераты, и полные тексты диссертаций, т.е. одна диссертация может быть зафиксирована двумя записями — следовательно, их еще меньше. Даже с учетом того, что в числе диссертаций есть

крайне важные и фундаментальные [1; 26; 28 и др.], тем не менее вряд ли они в полной мере освещают все проблемы этого направления и отвечают современному состоянию развития научного познания, учитывая даты их защиты.

Анализ книг и статей существенного прироста информации не добавляет и картину улучшает незначительно. Многие публикации, особенно материалы конференций, в названии имеют термин “традиция”, хотя чаще всего проблема традиций в строгом научном смысле в них фактически не обсуждается. Например, в интересных материалах международного симпозиума “Научная школа Л.С. Выготского: традиции и инновации” (27–28 июня 2016 г.) из 48 статей, размещенных на 346 страницах, в названии ни одной из них не используется этот термин [16]. В сборнике тезисов докладов участников важной международной научно-практической конференции “Научная школа В.В. Давыдова: традиции и инновации” (21–24 сентября 2020 г.) в названиях 90 тезисов, опубликованных на 258 страницах, также нет этого понятия [17]. Надо сказать, что такое положение дел имеет отношение и к современным конференциям, прошедшим совсем недавно, например “Научная мысль: традиции и инновации” (29–30 мая 2023 г.) [15]. Еще удивительнее воспринимается то обстоятельство, что в материалах наиболее авторитетной и массовой по числу участников конференции по истории психологии “Московские встречи”, которая проводится периодически (в 2021 г. состоялась уже VII конференция), проблеме традиций посвящены единичные (в буквальном смысле слова) публикации. Например, в материалах IV конференции (2006) представлена лишь одна статья (Д.В. Беспалов), в названии которой содержится термин “традиция”, V (2009) — две (А.Н. Ждан, О.П. Старшинова), VI (2016) — ни одной, VII (2021) — одна (О.Е. Серова), и это несмотря на то, что в целом в материалах этих четырех конференций опубликована 391 статья 472 авторов [19, с. 14]. И даже в одном из недавно изданных коллективных трудов, посвященных, если судить по названию, непосредственно проблеме преемственности в отечественной психологии, среди 45 статей нет ни одной, специально посвященной проблеме традиций психологического знания, — понятие “традиция” не приводится в названии ни одной из работ, вошедших в описываемый сборник [9]. Действительно понятие “традиция” применительно к психологии оказывается своего рода “*терминологической Золушкой*” — несомненно, “работает” на благо психологического познания, но должной

оценки или даже элементарного внимания при этом не получает.

Конечно, приведенные данные не обязательно свидетельствуют, что в какой-либо из указанных публикаций нет речи, например, об идее или позиции Л.С. Выготского или В.В. Давыдова, проявляющихся в трудах их учеников и последователей как продолжение заложенной этими учеными традиции, или что в статьях материалов конференций и сборников по истории психологии не ставится вопрос о традициях в отечественной психологии. Вместе с тем очевиден и другой факт: традиции, особенно *научные*, редко становятся предметом специального анализа в психологии, а сам этот научный термин, если и используется, часто выступает своего рода “зонтичным понятием”, которое покрывает собой очень многое, что связано с динамикой научных идей или имеет отношение к изучению творческого наследия ученого. Тем самым конкретный смысл и содержание этого понятия размывается, и “традиция” выступает как своего рода собирательный термин, фиксирующий лишь сам факт обращения к идеям прошлого, в лучшем случае — изучение того, как эти идеи прошлого развиваются сегодня.

Встречаются ситуации и фактической подмены, и расширенного понимания термина. Например, А.Е. Воробьевой в 2017 г. опубликована интересная статья под названием “Международный этос науки и национальная научная традиция в формировании культуры гуманитарной научной организации”. При этом в исследовании, по материалам которого была подготовлена эта статья, фактически изучались организационная культура и организационные ценности научного учреждения (в данном случае — ИП РАН), а вместо заявленного в названии понятия “национальная научная традиция” в самом тексте используются “национальная специфика научной деятельности в России” и “национальная научно-исследовательская культура”. Что характерно, термина “традиция” нет даже в ключевых словах к этой статье [4]. И это не исключение, а скорее правило для публикаций по проблемам традиций. По сути, речь в данном случае идет о феномене “слова-ласки”, обозначенном в свое время в работах Нобелевского лауреата известного экономиста Ф.А. Хайека [33]. Ученый, развивая мысли Марио Пейя, изложенные в его книге “Слова-ласки: искусство говорить то, чего Вы не думаете” [38], таким словом обозначал прилагательное, которое “приобрело способность выхолащивать смысл тех существительных, к которым оно прилагается” [33, с. 200]. При этом он пояснял, что такие слова “подобно ласке, высасывающей птичьих яйца

и не оставляющей при этом видимых следов, такие слова лишают содержания любой термин, который они предваряют, оставляя его с виду неизменным. Слово-ласка выхолащивает любое понятие, давая человеку, вынужденному употреблять это понятие, возможность изгнать из него любые намеки на противоречие с его идеологическими установками» [33, с. 201].

Несмотря на тот факт, что Ф.А. Хайек говорил о прилагательных (в частности, о таких как “социальное”, “общественное” и др.), которые приводят к выхолащиванию сути следующего за ним существительного, представляется, что подобная ситуация возможна и применительно к существительным по отношению к прилагательным. Для этого достаточно познакомиться с теми словосочетаниями, в которых используется термин “традиция” (на единственное или множественное число не будем обращать внимания): культурная традиция; духовная традиция; национальные традиции; певческая традиция; свадебные традиции; военные традиции; корпоративные традиции; государственно-правовая традиция; фольклорные традиции; интеллектуальные исследовательские традиции; религиозная традиция; музыкальная традиция и т.д. Всюду мы обнаруживаем традицию — “традиция включает все, чем обладает общество в данный момент и что уже существовало к тому времени, когда нынешние ее держатели появились на свет. Это все, что не является продуктом чисто физических процессов внешнего мира... Традиционность соотносима практически с любым содержательным наполнением” [37, с. 12, 16, цит. по: 3, с. 252].

Не случайно звучат призывы “пересмотреть привычное всему научному миру понятие традиция”, расширить границы его общепринятого понимания: “Очевидно, что у традиции границы не те, что приняты всеобщие. Они превосходят привычное понимание до размеров, не укладывающихся в общественном понимании. Традиция — как вода, все ей любуются, употребляют, жизни нет без нее, она входит в состав всего живого, может быть обжигающим паром, блокирующей ледышкой, неповторимой гладью, в глубине которой жизнь” [10, с. 132]. При этом автор, «обращая внимание на масштаб использования термина, понятия, слова традиция в жизни», указывает, что “возникает странное впечатление, которое метафорически можно сравнить со сценой — “великан пленен лилипутами”» [Там же, с. 131].

Многие исследователи чувствуют эту “зонтичность” понятия “традиция”. В этой связи приведем позицию автора одной из крупных монографий

по проблеме традиций, известного польского социолога и историка идей Ежи Шацкого [35]¹. Проанализировав различные определения термина “традиция”, он приходит к выводам, во-первых, что «безнадежность многих споров о традиции состоит и состоит в том, что их участники по-разному толкуют “традицию”, в силу чего толкования эти не всегда могут быть сведены к общему знаменателю» [Там же, с. 280], во-вторых, что “некоторые дискуссии на тему традиции вообще потеряли бы смысл, если бы их участники задали себе вопрос, о чем они, собственно, спорят” [Там же, с. 281], в-третьих, “в суждениях о концепциях традиции должно найтись место для всех позиций, вносящих что-то важное в интересующую нас проблематику, независимо от того, с помощью какой терминологии эти позиции были изложены” [Там же, с. 283]. И далее ученый продолжает: “Мы хотим не столько дать обзор дефиниций, сколько представить наиболее важные *точки зрения*, подходы к проблеме связи современности с прошлым, которые мы обобщенно можем именовать проблемой традиции” [Там же, с. 283].

Исследователь выделяет три взгляда на понимание этого термина: *функциональный* (когда внимание сосредоточено именно на функции *передачи* определенных ценностей от одного поколения другому и механизме осуществления этого процесса); *объектный* (когда внимание уделяется тому, *какие ценности* подлежат передаче, *что* именно передается); *субъектный* (ориентирован на изучение *отношения* данного поколения к прошлому, согласия или протеста против передачи ему ценностей).

Отметим, что если представители других, кроме психологии, областей знания разрабатывают проблему традиций в разных ее аспектах — издаются публикации [24; 29; 31; и др.], защищаются диссертации по этой теме (в основном по философским, историческим, культурологическим научным специальностям), создаются концепции, реализующие культурологический подход к пониманию традиций (Э.С. Маркарян, В.Д. Плахов, В.Ю. Быстров, М.К. Петрова), то психологи пока “стоят в стороне” от целенаправленных и активных исследований в этой области. В любом случае получается, что проблематика традиций в отечественной психологии носит характер скорее не проявленного, неотрефлексированного знания. Другими словами, все понимают, что эти традиции есть, они проявляются в преемственных линиях

¹ Работа Е. Шацкого называлась “Традиция. Обзор проблематики” и была опубликована в 1971 г. На русском языке издана в 1990 г. в составе сборника работ ученого “Утопия и традиция”.

развития психологического знания, однако *четкое их выделение и обоснование остаются за рамками научного дискурса* специалистов в области психологии. И это *первое препятствие*, с которым сталкиваются специалисты по истории психологии, включающиеся в разработку данной проблематики. О других трудностях изучения традиций будет сказано ниже.

Таким образом, можно констатировать, что потребность (запрос) на более глубокое и полное понимание научных традиций и преемственности знаний есть, но она в большой мере не удовлетворяется. Или все же удовлетворяется, и, возможно, нет проблемы в чрезвычайно малом числе публикаций по этой теме? Как представляется, для выяснения этого вопроса следует продолжить начатый анализ.

ПРОБЛЕМА НАУЧНЫХ ТРАДИЦИЙ В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Стремление понять, какие же традиции можно “приписать” в целом отечественной психологии, опираясь на проведенные исследования и доступные публикации, приводит к констатации широкого разброса мнений в этом вопросе. Понятие “традиция” используется в самых различных вариантах и контекстах, например, фиксируются традиции применительно к отдельным направлениям и отраслям психологической науки — психологии рекламы [12], возрастной психологии — “традиционные исследования возрастной психологии” [5], или научным теориям, подходам и концепциям — “традиционные подходы исследования” [32]. Возникает закономерный вопрос: как *соотносятся* эти традиции, характерные для конкретных областей и направлений психологии, с традициями психологии как науки в целом? Вся совокупность первых (назовем их частными), может быть, и составляет общие традиции психологического познания? А если при этом между частными традициями содержится противоречие, что в психологии встречается нередко? Достаточно вспомнить естественнонаучный и гуманитарный подходы в психологии или многочисленные концептуальные подходы в психологии личности — деятельностный, психоаналитический, поведенческий, динамический, экзистенциальный и др. И первые, и вторые часто также рассматриваются как научные традиции. Или все же следует искать общепсихологические традиции в содержании интерпретации базовых, ключевых характеристик *природы психического*, представляющих в своей совокупности его (психического)

теоретическую модель, как это сделано в работе В.А. Кольцовой, Ю.Н. Олейника, Б.Н. Тугайбаевой [22, с. 150–153]? Вопрос непростой, но ожидающий своего ответа.

Специальных работ, посвященных выявлению и характеристике традиций в отечественной психологии, как отмечалось, не так уж много, а те из них, в названии которых используется этот термин, чаще всего лишь косвенно и достаточно обобщенно, а иногда и довольно абстрактно приводят сведения о них или подразумевают фактически совершенно иной исследуемый феномен. И это *второе препятствие*. Результаты показывают, что в психологических исследованиях термин “традиция” чаще всего:

1) присутствует в публикациях лишь как синоним понятий “изменения”, “тенденция” или “динамика” познавательных идей или знаний в той или иной сфере или проблемной области, даже если “традиции” и представлены в названии публикации [25; 34; и др.];

2) используется для фиксации определенных исследовательских позиций отдельного ученого или научного коллектива, фактически выступающих синонимами принципов, подходов, направлений исследований [2; 8; 36; и др.];

3) рассматривается как противопоставление какому-то другим понятиям (в первую очередь “научной революции”) или в качестве элемента более общего по объему понятия (например, “парадигма”), не фиксируя при этом специфических особенностей традиции как самостоятельного научно-го термина;

4) иногда отождествляется с понятием “концептуальный подход” (например, естественнонаучная и культурно-историческая традиции) или “типы понимания” — “три названные традиции (когнитивная, герменевтическая, экзистенциальная) исследования психики и типы понимания целей, методов и результатов психологического анализа” [7, с. 15; и др.];

5) рассматривается как прием идентификация личности с какой-то исследовательской группой, научной школой или сообществом (например, “Я работаю в традициях такой-то школы...”) [27; 30; и др.];

6) понимается как совокупность отличительных характеристик национальной (отечественной), по сравнению с мировой (всемирной), психологической мысли [6; и др.].

В литературе можно найти достаточно много трактовок термина “традиции”. Смысловая

многовариантность его использования в научных текстах, вероятнее всего, вызывает и многообразие ее дефиниций. Например, в науке под традициями и их движением в сторону прогресса понимают преемственность знаний, а в культуре — стиль и мастерство. Существует много работ, содержащих анализ, обобщение и сравнение различных определений этого термина [13; 20; 23; и др.]. Их анализ приводит к выводу, что *общепринятого определения* пока не сложилось. Более того, эти определения часто не соотносятся между собой и не всегда успешно представляют формы существования традиций в реальности.

Ситуация усложняется и тем, что часто речь идет о разных видах (типах) традиций. Например, одна из предложенных классификаций выделяет традиции цивилизационного (античная, римская, византийская, восточная); религиозного (христианская, языческая, исламская, буддистская, иудейская); культурно-хронологического (традиции Средневековья, Просвещения, Ренессанса); регионального (английская, французская, немецкая, русская и др.) типов; традиции как формы общественного сознания (религиозная, правовая, политическая, литературная, бытовая, научная) [14]. Более того, эти типы традиций могут пересекаться между собой. Такое многообразие выделяемых исследователями традиций (а ведь есть еще, как было показано выше, и более частные традиции) не способствует конкретности в понимании именно научных традиций психологии.

Таким образом, как правильно отмечается теми же авторами, традиция “выступает сложным, многоуровневым явлением, во многом определяющим функционирование социальных процессов той или иной области общественной жизни... Традиция как общенаучное, широкое понятие... выступает средством выявления закономерностей функционирования и развития тех процессов в рамках общественной системы, которые с трудом поддаются описанию в иной системе координат” [14, с. 58].

Вопросы, связанные с *задачами и перспективами* исследования преемственности и традиций, будут рассмотрены во второй части статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов А.Н. Научные традиции и проблема возникновения нового знания: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01 / Белорус. гос. ун-т им. В.И. Ленина. Минск, 1989.
2. Беспалов Д.В. Продолжение традиций социально-психологического эксперимента Льва Ильича Уманского (45-летие Курской школы молодежных
- лидеров “Комсорг”) // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии “IV Московские встречи”, 26–29 июня 2006 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006. С. 152–156.
3. Бусыгина И.М., Захаров А.А. Общественно-политический лексикон. М.: МГИМО-Университет, 2009. 276 с.
4. Воробьева А.Е. Международный этос науки и национальная научная традиция в формировании культуры гуманитарной научной организации // Международные коммуникации. 2017. № 2. URL: <https://intcom-mgimo.ru/2017/2017-02/science-ethos> (дата обращения: 16.10.2023).
5. Дубовская Е.М. Возрастная социальная психология: традиции и развитие // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 3. С. 5–10. DOI: 10.17759/sps.2023140301.
6. Ждан А.Н. Национальное начало в развитии науки: исследовательские традиции отечественной психологии в сопоставлении с всемирной научной мыслью // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы международной конференции по истории психологии “V Московские встречи”, 30 июня — 3 июля 2009 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010. С. 32–36.
7. Знаков В.В. Три традиции психологических исследований — три типа понимания // Вопросы психологии. 2009. № 4. С. 14–23.
8. Игнатенко М.С. Преемственность научных идей ученых — психологов Герценовского педагогического института в XIX — первой трети XX вв. // Письма в Эмиссия. Офлайн: электронный научный журнал (педагогические и психологические науки). 2015. № 6. URL: <http://www.emissia.org/offline/2015/2371.htm> (дата обращения: 16.10.2023).
9. Историческая преемственность в отечественной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Харитонов, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. 545 с.
10. Кобякова И.А. Наука, современность, традиция // Наука и современность. 2016. № 47. С. 128–132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-sovremennost-traditsiya> (дата обращения: 16.10.2023).
11. Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Знание истории психологии как условие повышения профессиональной компетентности пенитенциарного психолога // Международный пенитенциарный психолог. 2016. № 3. С. 11–15.

12. *Лебедев А.Н.* Две методологические традиции в организации научно-практических исследований и разработок в психологии рекламы // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 4. С. 89–97.
13. *Лурье С.В.* Традициология Э.С. Маркаряна: отличие от зарубежных теорий традиции // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2015. № 4 (19). С. 5–12.
14. *Мурахтанов А.В., Воротилина Т.Л.* Понятие традиции в социальных науках. Содержание, структура, значение // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Право. Вып. Гражданское общество, государство и право в переходный период. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2002. Вып. 1 (5). С. 53–58.
15. Научная мысль: традиции и инновации: Сборник научных трудов IV Всероссийской научно-практической конференции, 29–30 мая 2023 г. / Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова. М.: Директ-Медиа, 2023. 308 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=699736> (дата обращения: 20.12.2023).
16. Научная школа Л.С. Выготского: традиции и инновации: Материалы международного симпозиума (27–28 июня 2016) / Московский государственный психолого-педагогический университет. М.: Изд-во “Букиведи”, 2016. 344 с.
17. Научная школа В.В. Давыдова: традиции и инновации: Сборник тезисов участников международной научно-практической конференции, 21–24 сентября 2020 г. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. 258 с.
18. *Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л.* История отечественной психологии: коммуникативно-организационные и содержательно-тематические аспекты развития (вместо введения) // История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее: Материалы международной конференции по истории психологии “VII Московские встречи”, 1 июня — 3 июня 2021 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Ю.В. Ковалева, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. С. 11–31.
19. *Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л.* Научные школы как феномен в современной психологии: старые проблемы и новые вопросы // Ярославская психологическая школа: история, современность, перспективы / Отв. ред. А.В. Карпов. Ярославль: ЯрГУ; Филигрань, 2020. С. 81–87.
20. *Полонская И.Н.* Понятие традиции: проблема определения // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. № 2. С. 6–10.
21. Прогресс психологии: Критерии и признаки / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009. 336 с.
22. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1997. 576 с.
23. *Рагозин Н.П.* Традиция как объективная форма социально-исторической преемственности // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2016. № 17 (238). Вып. 37. С. 48–55.
24. *Розов М.А.* Философия науки в новом видении / Сост. Н.И. Кузнецова. М.: Новый хронограф, 2012. 440 с.
25. *Сафин В.Ф., Нурлыгаянов И.Н.* Традиции исследования самоопределения в отечественной психологии // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы международной конференции по истории психологии “V Московские встречи”, 30 июня — 3 июля 2009 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010. С. 380–383.
26. *Светлов П.Н.* Традиции как проявление исторической преемственности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Чуваш. гос. ун-т. Чебоксары, 2008. 141 с.
27. *Серова О.Е.* Формирование научной традиции историко-психологических исследований в Психологическом институте в период 1920–1990 годов // История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее: Материалы международной конференции по истории психологии “VII Московские встречи”, 1 июня — 3 июня 2021 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Ю.В. Ковалева, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. С. 687–699.
28. *Сопов В.В.* Социально-философский анализ феномена традиции: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Кемер. гос. ун-т культуры и искусств. Кемерово, 2007. 155 с.
29. *Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники: Учеб. пособие для вузов. М.: Гардарики, 1996. 399 с.
30. *Тихонова Э.В.* Традиции кантианства в русской философской и психологической мысли второй половины XIX — начала XX в. // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы всероссийской конференции по истории психологии “VI Московские встречи”, 30 июня — 2 июля 2016 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 358–368.
31. Традиции и революции в истории науки. М.: Наука, 1991. 264 с.
32. *Трущенко М.Н.* К вопросу о синдроме выгорания: традиционные подходы исследования и современ-

- ное состояние проблемы // Психология: традиции и инновации: Материалы I Междунар. науч. конф. (г. Уфа, октябрь 2012 г.). Уфа: Лето, 2012. С. 1–8. URL: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/35/2658/> (дата обращения: 13.02.2024).
33. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Пер. с англ. М.: Изд-во “Новости” при участии изд-ва “Catallaxy”, 1992. 304 с.
 34. Холондович Е.Н. Предисловие: Традиции и возможности развития исторической психологии как научной отрасли // Историческая психология: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. А. Журавлев, Е. Харитоновна, Е. Холондович. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020. С. 7–22. DOI: 10.38098/thry.2020.25.72.001.
 35. Шацкий Е. Утопия и традиция / Пер. с польск.; Общ. ред. и послесл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990. 454 с.
 36. Юревич А.В. Психология и методология. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2005. 312 с.
 37. Shils E. Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1983. 342 p.
 38. Pei M. Weasel words: The art of saying what you don't mean. Harper & Row, 1978. 208 p.

SCIENTIFIC TRADITIONS AS A MECHANISM FOR FORMING CONTINUITY IN THE DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGICAL COGNITION. PART 1. STATUS AND DIFFICULTIES IN STUDYING

Yu. N. Oleinik^{1,*}, A. L. Zhuravlev^{2,**}

¹*Autonomous Nonprofit Organization of Higher Education
“Moscow University for the Humanities”;
111395, Moscow, Yunosti str., 5, Russia.*

²*Federal State-Financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldg. 1, Russia.*

**PhD (Psychology), Head of the Department of General, Social Psychology and the History of Psychology.
E-mail: yurii03@mail.ru*

***Member of RAS, Scientific Adviser of Institute of Psychology RAS.
E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru*

Received 15.04.2024

Abstract. The relevance of the problem of scientific traditions and continuity of psychological knowledge as an important issue in the methodology of modern psychology is considered and substantiated. An analysis of the definitions and understanding of the term “tradition” in the developments of psychologists and related specialists is given, the main difficulties in deployment of research in this area and their problem field are outlined. The paradoxical nature in the study of traditions is indicated — the recognition of its relevance and importance for understanding the dynamics of psychological knowledge, as well as fixation of the need for development and, at the same time, a small number of modern special publications on this topic. Often publications that use the term “tradition” in their titles characterize it only indirectly and rather generally, and sometimes imply a completely different phenomenon under study. It is concluded that the problems of traditions in Russian psychology mostly have the character of unexpressed, unreflected knowledge.

Keywords: methodology of psychology, history of psychology, scientific traditions, continuity, scientific school

REFERENCES

1. Antonov A.N. Nauchnye tradicii i problema vzniknoveniya novogo znaniya: Avtoref. dis. ... dokt. filos. nauk: 09.00.01. Belarus. gos. un-t im. V.I. Lenina. Minsk, 1989. (In Russian)
2. Bespalov D.V. Prodolzhenie tradicij social'no-psihologicheskogo eksperimenta L'va Il'icha Umanskogo (45-letie Kurskoj shkoly molodezhnyh liderov “Komsorg”). Istoriya otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoy mysli: Postigaya proshloe, ponimat' nastoyashchee, predvidet' budushchee: Materialy mezhdunarodnoj konferencii po istorii psihologii “IV Moskovskie vstrechi”, 26–29 iyunya 2006 g. Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'cova, Yu.N. Olejnik. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2006. P. 152–156. (In Russian)

3. *Busygina I.M., Zaharov A.A.* Obshchestvenno-politicheskij leksikon. Moscow: MGIMO-Universitet, 2009. 276 p. (In Russian)
4. *Vorob'eva A.E.* Mezhdunarodnyj etos nauki i nacional'naya nauchnaya tradiciya v formirovanii kul'tury gumanitarnoj nauchnoj organizacii. Mezhdunarodnye kommunikacii. 2017. № 2. URL: <https://intcom-mgimo.ru/2017/2017-02/science-ethos> (date of access: 16.10.2023). (In Russian)
5. *Dubovskaya E.M.* Vozrastnaya social'naya psihologiya: tradicii i razvitie. Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2023. V. 14. № 3. P. 5–10. DOI: 10.17759/sps.2023140301. (In Russian)
6. *Zhdan A.N.* Nacional'noe nachalo v razvitii nauki: issledovatel'skie tradicii otechestvennoj psihologii v sopostavlenii s vseмирnoy nauchnoj mysl'yu. Istoriya otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoy mysli: cenit' proshloe, lyubit' nastoyashchee, verit' v budushchee: Materialy mezhdunarodnoj konferencii po istorii psihologii "V Moskovskie vstrechi", 30 iyunya — 3 iyulya 2009 g. Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'cova, Yu.N. Olejnik. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2010. P. 32–36. (In Russian)
7. *Znakov V.V.* Tri tradicii psihologicheskikh issledovanij — tri tipa ponimaniya. Voprosy psihologii. 2009. № 4. P. 14–23. (In Russian)
8. *Ignatenko M.S.* Preemstvennost' nauchnyh idej uchenyh — psihologov Gercenovskogo pedagogicheskogo instituta v XIX — pervoj treti XX vv. Pis'ma v Emissiya. Offlajn: elektronnyj nauchnyj zhurnal (pedagogicheskie i psihologicheskie nauki). 2015. № 6. URL: <http://www.emissia.org/offline/2015/2371.htm> (date of access: 16.10.2023). (In Russian)
9. Istoricheskaya preemstvennost' v otechestvennoj psihologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.V. Haritonova, E.N. Holodovich. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2019. 545 p. (In Russian)
10. *Kobyakova I.A.* Nauka, sovremennost', tradiciya. Nauka i sovremennost'. 2016. № 47. P. 128–132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-sovremennost-traditsiya> (date of access: 16.10.2023). (In Russian)
11. *Kol'cova V.A., Olejnik Yu.N.* Znanie istorii psihologii kak uslovie povysheniya professional'noj kompetentnosti penitenciar'nogo psihologa. Mezhdunarodnyj penitenciar'nyj psiholog. 2016. № 3. P. 11–15. (In Russian)
12. *Lebedev A.N.* Dve metodologicheskie tradicii v organizacii nauchno-prakticheskikh issledovanij i razrabotok v psihologii reklamy. Psikhologicheskii zhurnal. 2000. V. 21. № 4. P. 89–97. (In Russian)
13. *Lur'e S.V.* Tradiciologiya E.S. Markaryana: otlichie ot zarubezhnyh teorij tradicii. Kul'tura i obrazovanie: nauchno-informacionnyj zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv. 2015. № 4 (19). P. 5–12. (In Russian)
14. *Murahtanov A.V., Vorotilina T.L.* Ponyatie tradicii v social'nyh naukah. Soderzhanie, struktura, znachenie. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Pravo. Vyp. Grazhdanskoe obshchestvo, gosudarstvo i pravo v perekhodnyj period. Nizhnij Novgorod: Izd-vo NNGU, 2002. Vyp. 1 (5). P. 53–58. (In Russian)
15. Nauchnaya mysl': tradicii i innovacii: Sbornik nauchnyh trudov IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 29–30 maya 2023 goda. Magnitogorskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet im. G.I. Nosova. Moscow: Direkt-Media, 2023. 308 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=699736> (date of access: 20.12.2023) (In Russian)
16. Nauchnaya shkola L.S. Vygotskogo: tradicii i innovacii: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma (27–28 iyunya 2016). Moskovskij gosudarstvennyj psihologo-pedagogicheskij universitet. Moscow: Bukivedi, 2016. 344 p. (In Russian)
17. Nauchnaya shkola V.V. Davydova: tradicii i innovacii: sbornik tezisov uchastnikov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 21–24 sentyabrya 2020 g. Moscow: FGBOU VO MGPPU, 2020. 258 p. (In Russian)
18. *Olejnik Yu.N., Zhuravlev A.L.* Istoriya otechestvennoj psihologii: kommunikativno-organizacionnye i soderzhatel'no-tematicheskie aspekty razvitiya (vmesto vvedeniya). Istoriya otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoy mysli: znat' proshloe, analizirovat' nastoyashchee, prognozirovat' budushchee: Materialy mezhdunarodnoj konferencii po istorii psihologii "VII Moskovskie vstrechi", 1 iyunya — 3 iyunya 2021 g. Eds. A.L. Zhuravlev, Yu.V. Kovaleva, Yu.N. Olejnik. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2023. P. 11–31. (In Russian)
19. *Olejnik Yu.N., Zhuravlev A.L.* Nauchnye shkoly kak fenomen v sovremennoj psihologii: starye problemy i novye voprosy. Yaroslavskaia psihologicheskaya shkola: istoriya, sovremennost', perspektivy. Ed. A.V. Karpov. Yaroslavl': YarGU; Filigran', 2020. P. 81–87. (In Russian)
20. *Polonskaya I.N.* Ponyatie tradicii: problema opredeleniya. Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Seriya: Obshchestvennye nauki. 2006. № 2. P. 6–10. (In Russian)
21. Progress psihologii: Kriterii i priznaki. Eds. A.L. Zhuravlev, T.D. Marcinkovskaya, A.V. Yurevicha. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2009. 336 p. (In Russian)
22. Psihologicheskaya nauka v Rossii XX stoletiya: problemy teorii i istorii. Ed. A.V. Brushlinskiy. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 1997. 576 p. (In Russian)
23. *Ragozin N.P.* Tradiciya kak ob"ektivnaya forma social'no-istoricheskoy preemstvennosti. Nauchnye vedomosti. Seriya Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2016. № 17 (238). Vyp. 37. P. 48–55. (In Russian)
24. *Rozov M.A.* Filosofiya nauki v novom videnii. Sost. N.I. Kuznecova. Moscow: Novyj hronograf, 2012. 440 p. (In Russian)
25. *Safin V.F., Nurlygayanov I.N.* Tradicii issledovaniya samoopredeleniya v otechestvennoj psihologii. Istoriya otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoy mysli: cenit'

- proshloe, lyubit' nastoyashchee, verit' v budushchee: materialy mezhdunarodnoj konferencii po istorii psihologii "V Moskovskie vstrechi", 30 iyunya — 3 iyulya 2009 g. Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'cova, Yu.N. Olejnik. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2010. P. 380–383. (In Russian)
26. Svetlov P.N. Tradicii kak proyavlenie istoricheskoy preemstvennosti: Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11. Chuvash. gos. un-t. Cheboksary, 2008. 141 p. (In Russian)
 27. Serova O.E. Formirovanie nauchnoj tradicii istoriko-psihologicheskikh issledovanij v Psihologicheskom institute v period 1920–1990 godov. Istoriya otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoy mysli: znat' proshloe, analizirovat' nastoyashchee, prognozirovat' budushchee: materialy mezhdunarodnoj konferencii po istorii psihologii "VII Moskovskie vstrechi", 1 iyunya — 3 iyunya 2021 g. Eds. A.L. Zhuravlev, Yu.V. Kovaleva, Yu.N. Olejnik. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2023. P. 687–699. (In Russian)
 28. Sopov V.V. Social'no-filosofskij analiz fenomena tradicii: Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11. Kemer. gos. un-t kul'tury i iskusstv. Kemerovo, 2007. 155 p. (In Russian)
 29. Styopin V.S., Gorohov V.G., Rozov M.A. Filosofiya nauki i tekhniki. Moscow: Gardarika, 1999. 399 p. (In Russian)
 30. Tihonova E.V. Tradicii kantianstva v russkoj filosofskoj i psihologicheskoy mysli vtoroj poloviny XIX — nachala XX v. Istoriya otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoy mysli: sud'by uchenyh, dinamika idej, sodержanie koncepcij: Materialy vserossijskoj konferencii po istorii psihologii "VI Moskovskie vstrechi", 30 iyunya — 2 iyulya 2016 g. Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'cova, Yu.N. Olejnik. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2016. P. 358–368. (In Russian)
 31. Tradicii i revolyucii v istorii nauki. Moscow: Nauka. 1991. 264 p. (In Russian)
 32. Trushchenko M.N. K voprosu o sindrome vygoraniya: tradicionnye podhody issledovaniya i sovremennoe sostoyanie problemy. Psihologiya: tradicii i innovacii: materialy I Mezhdunar. nauch. konf. (g. Ufa, oktyabr' 2012 g.). Ufa: Leto, 2012. P. 1–8. URL: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/35/2658/> (date of access: 13.02.2024). (In Russian)
 33. Hajek F.A. Pagubnaya samonadeyannost'. Oshibki socializma. Per. s angl. Moscow: Izd-vo "Novosti" pri uchastii izd-va "Catallaxy", 1992. 304 p. (In Russian)
 34. Holondovich E.N. Predislovie: Tradicii i vozmozhnosti razvitiya istoricheskoy psihologii kak nauchnoj otrasli. Istoriicheskaya psihologiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Eds. A. Zhuravlev, E. Haritonova, E. Holondovich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2020. P. 7–22. DOI: 10.38098/thry.2020.25.72.001. (In Russian)
 35. Shackij E. Utopiya i tradiciya. Per. s pol'sk.; Ed. V.A. Chalikova. Moscow: Progress, 1990. 454 p. (In Russian)
 36. Yurevich A.V. Psihologiya i metodologiya. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2005. 312 p. (In Russian)
 37. Shils E. Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1983. 342 p.
 38. Pei M. Weasel words: The art of saying what you don't mean. Harper & Row, 1978. 208 p.

УДК 159.9:316.6

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ И МОТИВЫ НЕПРИЯЗНИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ДИСКРИМИНАЦИОННЫХ УСТАНОВОК¹

© 2024 г. Р. М. Шамионов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;
410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Россия.

Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии
образования и развития.

E-mail: shamionov@mail.ru

Поступила 20.01.2024

Аннотация. Эмоциональное отношение к представителям аутгрупп может дифференцироваться в зависимости от мишени дискриминации. Установление роли эмоциональных отношений и мотивации неприязни в приверженности к определенным сочетанным видам дискриминационных установок будет способствовать выработке мер противодействия им. Цель исследования — изучить эмоциональные отношения к представителям аутгрупп и мотивы неприязни, являющиеся предикторами дискриминационных установок. В исследовании приняли участие 190 человек обоего пола (мужчин — 36.6%), в возрасте 20–40 лет. Использованы опросные методы прямой и косвенной оценки дискриминационных установок, аффективных реакций в отношении представителей дискриминируемых групп, мотивы неприязни, методы математической обработки данных (описательная статистика, корреляционный и регрессионный анализы, метод моделирования). Выявлена сочетанность форм эмоционального отношения и мотивации в предикции видов дискриминационных установок, а также прямые и косвенные эффекты эмоциональных отношений на генерализованные формы дискриминационных установок. Эмоциональными отношениями к представителям аутгрупп, обуславливающими общую дискриминационную установку, выступают злость и тревога, а интерес и отвращение способствуют ее снижению. Предикторами дискриминационных установок по отношению к социально незащищенным группам выступают страх (положительно), интерес и жалость (отрицательно); диссидентским группам — злость и страх; аутсайдерским — злость и отвращение, социально статусным группам — раздражение и агрессия (положительно), отвращение и интерес (отрицательно). Наиболее сильными мотивационными предикторами дискриминационных установок являются мотивация конкуренции на рынке труда в случае диссидентских, социально статусных и даже социально незащищенных групп, а также неприязнь, основанная на эмоциональном отношении в случае диссидентских и социально аутсайдерских групп. Различные эмоциональные отношения и мотивация неприятия к представителям аутгрупп объясняют значительную часть дисперсии генерализованных форм дискриминационных установок. Генерализованные дискриминационные установки характеризуются неоднородной эмоциональной обусловленностью и полимотивированностью.

Ключевые слова: дискриминационная установка, эмоциональное отношение, мотивация дискриминационного поведения, ингруппа, аутгруппа.

DOI: 10.31857/S0205959224030024

ВВЕДЕНИЕ

Эмоционально-оценочное отношение к Другому есть неперенный атрибут человеческих взаимоотношений. В основе этого отношения лежат социально-психологические эффекты восприятия себя и других и социального сравнения. С развитием общества и процессами глобализации,

свободного передвижения по всему миру, борьбой за человеческие ресурсы развитых стран мира усиливаются контакты между людьми как представителей различных групп, в том числе и тех, которые воспринимаются с предубеждениями и в отношении которых формируются дискриминационные установки. Г. Олпорт считал, что негативные мнения в отношении чужой группы без достаточных доказательств являются межгрупповыми предрассудками (1956). Между тем они все глубже проникают

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00529, <https://rscf.ru/project/24-28-00529/>

в систему социальных отношений, когда Другой представлен как член иной социальной группы. Поэтому проекция на Другого всего комплекса отношений к “его группе” (аутгруппе) становится важнейшим элементом деструкции в системе социальных взаимоотношений. Исследователи отмечают, что дискриминационные установки в значительной степени предсказывают дискриминационное поведение [25]. В современном обществе имеется множество мишеней дискриминации и характерна множественная и скрытая дискриминация, проявляющаяся в различных жизненных контекстах [4].

Дискриминационная установка — это основанная на представлениях предрасположенность личности к поведению, направленному на ограничение активности и лишение определенных прав других людей, складывающаяся в процессе социализации и регулирующая целостное отношение и поступки человека к представителям аутгрупп.

Эмпирические исследования дискриминационных установок, развернувшиеся в последние десятилетия, касаются их характеристик применительно к различным группам и их представителям, механизмов распространения и поддержки, наиболее значимых социальных и личностных факторов. Важнейшим обстоятельством распространения дискриминационных установок является их поддержка другими представителями общества. Людям не нужно оправдывать свои предубеждения (подлинные предубеждения), если они являются социально приемлемыми; в противном случае они могут оправдывать их, например, своей аутентичностью [26]. Кроме того, внешние угрозы, как, например, это происходило совсем недавно в отношении угрозы заражения COVID-19, усиливают этноцентризм и предубеждения в отношении внешней группы, связанной с происхождением заболевания [19].

Воспринимаемые ценности представителей аутгрупп служат дополнительным основанием для формирования дискриминационных установок. Убеждение в том, что другие придерживаются общих ценностей, снижает дискриминационные установки, что было экспериментально установлено в “воспринимаемой ситуации” демонстрируемой аутгруппой ценности гендерного равенства/неравенства [22].

Поддержка дискриминационных установок может быть связана и с социально-экономическими переменными. В частности, в исследованиях ранее было показано, что дискриминация по возрасту больше распространена в странах с низким уровнем дохода на душу населения, меньшим

влиянием традиций и ценностей религии [1]. Помимо того, имеются и доказательства в пользу наличия личностных факторов дискриминационных установок. В частности, было показано, что люди с низким уровнем стоворчивости и открытости и высоким уровнем нейротизма, психопатии, макиавеллизма и нарциссизма в целом придерживались более предвзятого отношения к Другому [20]. Установлено также, что низкий самоконтроль связан с усилением предрассудков (в частности, гендерных стереотипов и расовых предрассудков) [24]. Имеются данные о том, что вовлеченность в экзистенциальные проблемы связана с ценностью универсализма, который, в свою очередь, связан с более низким уровнем обобщенных предрассудков [21].

В последние годы исследователи отмечают, что дискриминационные установки проникают все больше в цифровую среду. Соответственно, дискриминационное поведение, выражающееся в оскорблениях, запугивании, унижениях, нередко характеризует лиц, имеющих негативные предубеждения [9].

Одним из важнейших достижений исследователей стало установление сочетанности дискриминационных установок на уровне определенных групп. Так, в исследованиях Дж. Даккита и К. Сиблей [16], а также К. Канталь с коллегами [10] установлены три основные дискриминируемые группы (опасные, ущемленные и диссидентские). В соответствии с нашими данными, полученными на российской выборке, эмпирически подтверждены диссидентские и ущемленные (аутсайдерские) группы и выделены две другие — социально незащищенные и социально статусные (опасные не подтверждены) [6].

Согласно известной модели содержания стереотипов [14], компонентам дискриминационных установок (когнитивный, аффективный и поведенческий) соответствуют стереотипы, предубеждения и собственно дискриминация. Эта модель отражает разный уровень действия дискриминационных установок в зависимости от места, которое занимает тот или иной компонент. Очевидно, неясное представление об объекте установки в сочетании с эмоциональной неприязнью и сильной напряженностью поведенческого компонента может служить основой для проявлений явной дискриминации. Неслучайно в исследованиях Фиске отмечается, что эмоции в значительной степени предсказывают дискриминацию [18]. Иначе говоря, эмоционально-оценочное отношение выступает звеном в целостном дискриминационном поведении человека в отношении к представителям аутгрупп. Неслучайно

и то, что различные комбинации воспринимаемых характеристик и квалифицируемых как “свой—чужие”, “близкие—далекие” и т.п. сопровождаются аффективными реакциями. Важнейшими для суждения о других выступают два базовых компонента социального восприятия — теплота и компетентность как характеристики Другого [2]. Поэтому, как оценки Другого по этим характеристикам и их соотношение, так (очевидно) и аффективные реакции могут в значительной степени отражать наличие и степень дискриминационной установки в отношении него.

Последние исследования в этой области утверждают, что предвзятость может возникнуть только в том случае, если эмоции специфичны для аффекта, который обычно вызывается этим конкретным меньшинством [23]. Можно предположить в связи с этим, что объединенные группы объектов дискриминационных установок будут связаны с определенными эмоциональными реакциями. Кроме того, дискриминационные установки в отношении разных групп могут быть связаны с разными мотивами.

Цель исследования — изучить эмоциональные отношения к представителям аутгрупп и мотивы неприязни, являющиеся предикторами дискриминационных установок.

Гипотеза. Предполагается, что различные группы дискриминационных установок связаны с разными эмоциональными отношениями к представителям аутгрупп. Мотивы неприязни служат прямыми и опосредующими предикторами дискриминационных установок к представителям определенных групп.

МЕТОДИКА

В исследовании приняли участие 190 человек (мужчин — 36.6%, женщин — 63.4%) в возрасте 18–43 лет ($M = 22.78$). Выборка формировалась методом снежного кома на основе добровольного участия респондентов. Приглашения на опрос были

разосланы случайным образом. Исследование проведено с помощью Google-формы.

Проблема инструмента в исследованиях дискриминации и дискриминационных установок обсуждается довольно длительное время. Однако, несмотря на ограниченность опросных методов субъективной оценки собственной неприязни, социальной дистанции или испытываемой эмпатии к представителям определенных социальных групп, их использование позволяет оценить общую склонность субъекта к дискриминации. Исследования продемонстрировали, что показатели нетерпимости и готовности к дискриминации дают сходные результаты с показателями “мер ощущений” и социальной дистанции несмотря на то, что они существенно более экстремальны, чем простая неприязнь [13]. Поэтому нами использованы методики прямой и косвенной (в различных сферах) оценки дискриминационной установки, аффективной реакции на восприятие представителей аутгрупп [5; 7], анкета на оценку социально-демографических характеристик (возраст, пол, место проживания и др.). Для обработки данных использован статистический программный комплекс IBM SPSS Statistics 26. Вычислялись общие статистики, проведен корреляционный (по методу Пирсона) и регрессионный (пошаговый метод) анализ, метод моделирования структурными уравнениями использовался с применением приложения AMOS.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Как видно из табл. 1, около 27% общей дисперсии дискриминационной направленности личности объясняются аффективными состояниями. Результаты регрессионного анализа позволили установить, что основными аффективными предикторами общей дискриминационной направленности личности являются такие проявления по отношению к другим, как злость, тревога (положительно) и интерес, отвращение (отрицательно).

Таблица 1. Аффективные состояния как предикторы дискриминационной направленности личности.

	<i>B</i>	Стд. ошибка	Бета	<i>t</i>	<i>p</i>
(Константа)	22.929	2.717		8.44	< 0.001
Злость	1.009	0.219	0.874	4.608	< 0.001
Интерес	–0.323	0.096	–0.301	–3.376	0.001
Отвращение	–0.5	0.188	–0.471	–2.664	0.008
Тревога	0.262	0.132	0.228	1.978	0.049

$$R^2 = 0.27; F = 15.29; p < 0.01$$

Примечание. *B* — нестандартизированные коэффициенты уравнения регрессии; Бета — стандартизированные коэффициенты регрессии; *t* — критерий Стьюдента; *p* — уровень значимости; R^2 — коэффициент детерминации (доля дисперсии зависимой переменной); *F* — коэффициент Фишера.

Обратимся к данным, отражающим специфику эмоциональных отношений, связанных с объединенными группами объектов дискриминационных установок (социально незащищенных, диссидентских, аутсайдерских и социально статусных) (табл. 2).

Как видно из табл. 2, эмоциональные отношения “специализируются” применительно к определенным дискриминируемым группам. Одни и те же эмоции могут выступать положительным предиктором в одном случае и отрицательным — в другом. Так, 29% дисперсии дискриминационных установок в отношении представителей социально незащищенных групп объясняются страхом, а интерес и жалость снижают силу этих установок. Лишь 11% дисперсии дискриминационных установок в отношении диссидентских групп объясняются переживанием злости (положительно) и страха (отрицательно). 21% дисперсии дискриминационных установок в отношении аутсайдерских групп объясняются позитивно состоянием злости и отрицательно — состоянием отвращения. Наконец до 20% дисперсии дискриминационных установок в отношении представителей социально статусных групп объясняется раздражением и агрессией (положительно) и отвращением и интересом (отрицательно).

Таблица 2. Эмоциональное отношение как предиктор дискриминационных установок к представителям дискриминируемых групп.

	<i>B</i>	Стд. ошибка	Бета	<i>t</i>	<i>p</i>
<i>Социально незащищенные</i>					
(Константа)	1.163	0.174	—	6.689	< 0.001
Страх	0.054	0.007	0.78	7.812	< 0.001
Интерес	−0.018	0.005	−0.269	−3.273	0.001
Жалость	−0.016	0.006	−0.23	−2.474	0.014
$R^2 = 0.29$; $F = 23.08$; $p < 0.01$					
<i>Диссидентские</i>					
(Константа)	1.335	0.179	—	7.451	< 0.001
Злость	0.062	0.017	0.69	3.661	< 0.001
Страх	−0.037	0.016	−0.435	−2.308	0.022
$R^2 = 0.11$; $F = 10.64$; $p < 0.01$					
<i>Аутсайдерские</i>					
(Константа)	1.035	0.135	—	7.694	< 0.001
Злость	0.062	0.013	0.862	4.845	< 0.001
Отвращение	−0.032	0.012	−0.486	−2.733	0.007
$R^2 = 0.21$; $F = 22.06$; $p < 0.01$					
<i>Социально статусные</i>					
(Константа)	1.427	0.184	—	7.744	< 0.001
Раздражение	0.055	0.013	0.838	4.352	< 0.001
Отвращение	−0.076	0.017	−1.105	−4.563	< 0.001
Агрессия	0.045	0.016	0.601	2.766	0.006
Интерес	−0.012	0.006	−0.173	−2.156	0.033
$R^2 = 0.20$; $F = 10.31$; $p < 0.01$					

В результате регрессионного анализа (табл. 3) также установлены мотивационные характеристики неприязненного отношения к представителям тех или иных дискриминируемых групп. Необходимо отметить, что наиболее сильными предикторами являются мотивация конкуренции на рынке труда (“они отбирают наши рабочие места”) в случае диссидентских, социально статусных и даже социально незащищенных групп, а также неприязнь, основанная на эмоциональном отношении (“они мне не приятны”), в случае диссидентских и социально аутсайдерских групп. Воспринимаемая угроза финансовому благополучию со стороны представителей аутгрупп снижает дискриминационные установки в отношении социально незащищенных, а угроза физической безопасности — в отношении представителей социально статусных групп.

Экономический оптимизм ($\beta = -0.310$) является значимым предиктором общей дискриминационной установки ($R^2 = 0.10$; $F = 5.64$; $p < 0.05$).

Для проверки гипотезы об опосредующей роли мотивов дискриминации в прямой связи между эмоциональным отношением к представителям аутгрупп и дискриминационными установками нами проведено моделирование путей (рис. 1). Размерности модели (табл. 4) показывают приемлемый

Таблица 3. Мотивы дискриминации как предикторы установок.

Мотивы	Нестандарт. коэфф.		Стандарт. коэфф. Бета	<i>t</i>	<i>p</i>
	<i>B</i>	Стд. ошибка			
<i>Социально незащищенные</i>					
(Константа)	1.207	0.106	—	11.414	< 0.001
Они отбирают наши рабочие места	0.211	0.038	0.406	5.559	< 0.001
Они угрожают моему финансовому благополучию	−0.114	0.042	−0.197	−2.696	0.008
$R^2 = 0.15; F = 15.78; p < 0.001$					
<i>Диссидентские</i>					
(Константа)	1.205	0.162	—	7.437	< 0.001
Они мне неприятны	0.157	0.051	0.224	3.045	0.003
Они отбирают наши рабочие места	0.108	0.049	0.164	2.221	0.028
$R^2 = 0.10; F = 9.94; p < 0.001$					
<i>Аутсайдерские</i>					
(Константа)	1.421	0.122	—	11.645	< 0.001
Они мне неприятны	0.105	0.04	0.19	2.623	0.009
$R^2 = 0.04; F = 6.88; p < 0.01$					
<i>Социально статусные</i>					
(Константа)	1.332	0.143	—	9.295	< 0.001
Они бескультурные	0.149	0.04	0.274	3.741	< 0.001
Они представляют физическую опасность для меня и моей семьи	−0.129	0.039	−0.248	−3.349	0.001
Они отбирают наши рабочие места	0.107	0.042	0.19	2.534	0.012
$R^2 = 0.14; F = 9.65; p < 0.001$					

Таблица 4. Модель путей: психометрические характеристики и их индексы.

Модель путей/критерии согласия	χ^2	<i>df</i>	χ^2/df	<i>p</i>	<i>CFI</i>	<i>AGFI</i>	<i>GFI</i>	<i>RMSEA</i>	<i>PCLOSE</i>
Индексы	59.150	46	1.29	0.92	0.994	0.908	0.960	0.039	0.731

Примечание. χ^2 — критерий согласия; *df* — степени свободы; *CFI* — индекс сравнительной подгонки; *AGFI* — скорректированный индекс добротности подгонки; *GFI* — индекс добротности подгонки; *RMSEA* — среднеквадратичная ошибка аппроксимации.

результат, все ковариации, дисперсии экзогенных переменных статистически достоверны. Объем выборки в анализируемом случае достаточен (Наследов, 2013).

В соответствии с моделью аффективные отношения и мотивы объясняют 25% дисперсии дискриминационных установок в отношении к представителям социально незащищенных групп, 13% дисперсии — к представителям диссидентских групп, 23% дисперсии — социально аутсайдерских групп и 19% дисперсии дискриминационной установки в отношении представителей социально статусных групп.

При этом 12% дисперсии мотивации бескультурия и 2% дисперсии мотивации конкуренции на рынке труда объясняется эмоциональным отношением.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Эмоциональные отношения к представителям аутгрупп объясняют около трети вариаций общей дискриминационной установки. Если злость и тревога являются положительными предикторами дискриминационной установки, то интерес и отвращение — отрицательными. Это говорит о том, что два противоположных по своей направленности переживания: интерес к Другому как проявление любопытства, захваченности и отвращения — как проявление брезгливости, отталкивания, токсичности, подрывают дискриминационную установку; первое — за счет привлечения, а второе — наоборот, за счет отталкивания. Злость и тревога — две взаимосвязанные эмоции, которые могут усиливать друг друга. В предикции дискриминационной установки злость как более сильный предиктор характеризует крайнюю неприязнь к объекту дискриминации

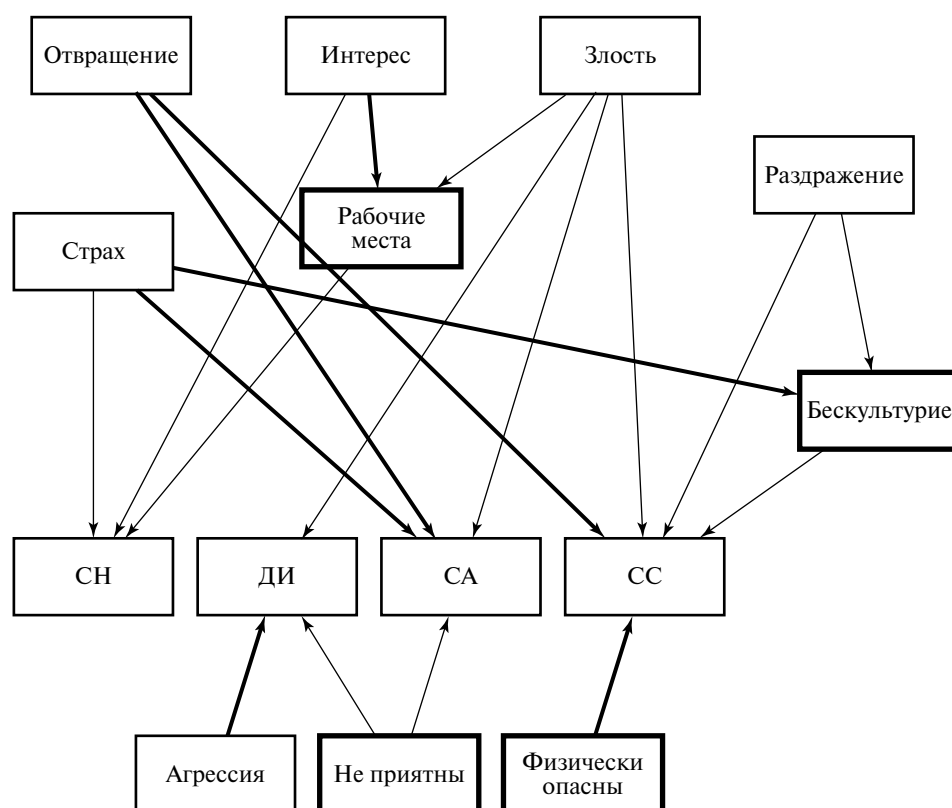

Рис. 1. Модель путей

Примечание. Мотивы дискриминации обозначены жирными прямоугольниками; отрицательные связи обозначены жирными направленными линиями.

(представителю аутгрупп), которое может достигать степени враждебности, а тревога — менее сильный предиктор характеризует предчувствие или ожидание негативных событий, связанных с представителем аутгруппы (иногда представители аутгрупп воспринимаются как те, от которых можно заразиться чем-либо в прямом медицинском смысле или переносом — в смысле прилипания ярлыков, распространенных в обществе). Данные предположения находят частичное эмпирическое подтверждение. Так, ранее было обнаружено, что предвзятость может возникнуть только в том случае, если эмоции специфичны для аффекта, который обычно вызывается конкретным меньшинством, т.е. гнев увеличивает предубеждение по отношению к группам, релевантным для гнева, и отвращение к группам, вызывающим отвращение [23].

Последующий анализ связан с выделением с использованием факторного анализа четырех видов дискриминационных установок на основании совместной изменчивости установок по отношению к представителям определенных групп [6]. Генерализация дискриминационных установок, отражающаяся в этих обобщенных группах, позволяет рассматривать их как целостности, образуемые в результате социального восприятия. Совместная

изменчивость дискриминационных установок свидетельствует о том, что высока вероятность выраженности этих установок в отношении представителей не одной аутгруппы, а сразу нескольких. Результаты ранее проведенных исследований также свидетельствуют, что восприятие предрассудков как сопутствующего явления увеличивает солидарность, основанную на стигме, что, в свою очередь, вызывает больший интерес к “коалиционным” усилиям по обеспечению справедливости [11].

В результате регрессионного анализа установлено, что сила дискриминационной установки в отношении представителей генерализованных аутгрупп может объясняться разным эмоциональным отношением как по виду, так и по валентности. Такое положение не кажется случайным в свете того, что индивидуальные различия в заботе о безопасности связаны с предубеждениями (эмоциональным отношением) по отдельным группам, а не к аутгруппам вообще [12]. В частности, страх как положительный предиктор дискриминационных установок к представителям социально незащищенных групп может свидетельствовать о собственных переживаниях, выступающих своего рода защитными в отношении восприятия лиц с физическими недостатками, пенсионеров, детей, жертв

преступлений, многодетных семей. Соответственно, жалость как проявление сочувствия и интерес к представителям аутгрупп, напротив, подрывают ее. Интерес, очевидно, связан с возможностью установления контакта, что, в свою очередь, снижает чувство угрозы [8].

Иначе обстоит дело с аффективными предикторами дискриминационных установок в отношении диссидентских групп (представители иных этнических групп, религий, мигранты и лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией). Здесь прямым положительным предиктором является злость, а страх, напротив, подрывает ее.

Аналогичны результаты анализа аутсайдерских групп (физически непривлекательные, с низкими доходами, с психическими расстройствами, представители субкультур (панки, хиппи и др.), бездомные), где также прямым положительным предиктором выступает злость, а подрывает ее — отвращение.

Злость, враждебность как предикторы дискриминационных установок по отношению к представителям диссидентских и аутсайдерских групп могут быть связаны с тем, что такой реакцией может замещаться собственная инаковость и страх оказаться на месте дискриминируемого.

Наконец дискриминационные установки в отношении особой группы лиц с социальным статусом (лица другой социальной общности, более успешные, лица с высоким доходом, политические деятели), обусловлены сразу четырьмя видами эмоциональных отношений. Учитывая, что большинство респондентов относятся к социальной категории “молодежь”, не имеющей советского опыта социализации и, соответственно, жесткой установки о “равных возможностях”, само выделение такой генерализованной группы дискриминационных установок говорит об отсутствии социальных лифтов в их представлениях. Эти установки объясняются высоким уровнем раздражения и агрессии, что характеризует сохраняющуюся напряженность в отношении к людям иной (более высокой) страты. Интерес и отвращение подрывают силу дискриминационной установки в отношении представителей этих групп (одни привлекают, а другие отталкивают). Эти результаты свидетельствуют о том, что лица, принимавшие участие в исследовании, не верят в то, что люди могут продвигаться вверх по социальной иерархии. Поэтому их установки в отношении лиц с социальным статусом связаны с раздражением и агрессией, ибо вера в социальную мобильность делает общую идею неравенства и системы, которые его порождают, более терпимой [15].

Полученные данные в некоторой степени согласуются с результатами ранее проведенных исследований, в соответствии с которыми предубеждения в отношении мигрантов, представителей иных этнических групп, физически непривлекательных людей, представителей другой социальной общности и молодежных субкультур, большинство которых включены в аутсайдерские группы, оказались наиболее эмоционально заряженными [3].

Мотивационные предикторы дискриминационных установок также распределены достаточно тенденциозно. Наиболее частым предиктором является мотивация конкуренции на рынке труда, которая является положительным предиктором дискриминационной установки в отношении представителей диссидентских, социально статусных и социально незащищенных групп. Неприятие (“они мне неприятны”) является предиктором дискриминационной установки в отношении представителей аутсайдерских и диссидентских групп. Мотивация приписываемого бескультурия связана с дискриминационной установкой социально статусных групп.

Вместе с тем представляемая угроза финансовому благополучию и даже физическая опасность являются отрицательными факторами дискриминационных установок. Это значит, что в действительности, реальной угрозы для финансового или физического благополучия дискриминируемые группы не таят, по крайней мере в субъективной оценке субъекта. Очевидно, дискриминационные установки в большей степени задаются социальными представлениями о справедливости (например, работа — своим) и ингрупповым фаворитизмом (чужие мне более неприятны, чем свои).

В результате моделирования структурными уравнениями нами получена эмпирически подтвержденная модель. В соответствии с этой моделью мотивация конкуренции на рынке труда является медиатором прямой (отрицательной) направленной связи интереса и дискриминационных установок в отношении к социально незащищенным группам; приписываемое бескультурие — прямой связи раздражения и дискриминационных установок в отношении к социально статусным группам. Примечательно и то, что страх и раздражение объясняют весомую долю дисперсии мотивации приписываемого бескультурия представителям аутгрупп и незначительную часть дисперсии мотивации конкуренции на рынке труда.

Таким образом, результаты наших исследований подтверждают гипотезу о неоднородной эмоциональной обусловленности генерализованных

дискриминационных установок и их полимотивированности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Распространение дискриминационных установок в значительной степени снижает потенциал развития общества и вредит межличностным взаимоотношениям. Поскольку в качестве мишеней дискриминационных установок выступают не только представители отдельных групп, но и генерализованные (коалиционные) группы, в отношении которых имеются схожие представления и действия, в данном исследовании рассмотрены эмоциональные и мотивационные предикторы дискриминационных установок в отношении четырех генерализованных групп. В результате исследований можно сделать несколько выводов.

Эмоциональные отношения регулируют интенсивность дискриминационных установок. Основными эмоциями, обуславливающими общую дискриминационную установку, выступают злость и тревога, а интерес и отвращение способствуют ее снижению.

До трети вариаций различных видов дискриминационных установок обусловлены эмоциональными отношениями. В зависимости от вида дискриминационной установки по критерию групп-мишеней эмоциональные отношения (например, страх) могут занимать роль провоцирующих и гасящих ее силу факторов. Предикторами дискриминационных установок социально незащищенных групп выступают страх (положительно), интерес и жалость (отрицательно); диссидентских групп — злость и страх; аутсайдерских — злость и отвращение, социально статусных групп — раздражение и агрессия (положительно), отвращение и интерес (отрицательно).

Наиболее сильными предикторами дискриминационных установок являются такие эмоциональные отношения, как злость и раздражение, снижают их интерес и отвращение. Наиболее сильными мотивационными предикторами дискриминационных установок являются мотивация конкуренции на рынке труда в случае диссидентских, социально статусных и даже социально незащищенных групп, а также неприязнь, основанная на эмоциональном отношении в случае диссидентских и социально аутсайдерских групп.

В результате структурного моделирования установлена медирующая роль мотивов конкуренции на рынке труда и приписываемого бескультурья прямой причинной связи эмоционального

отношения к представителям аутгрупп и дискриминационных установок в отношении представителей социально незащищенных и социально статусных групп.

Ограничения исследования. Результаты исследования имеют ряд ограничений. Эмоциональные отношения были запрограммированы инструментарием. Поэтому они охватывают ограниченное количество наиболее часто встречающихся квалификаций переживаний в отношении к представителям аутгрупп. Мотивация дискриминации является малоизученным феноменом, поскольку часто она скрывается под благовидным предлогом, например заботой об обществе, его безопасности и пр. Это ставит новые вопросы о побудительных основаниях дискриминации и поддержки дискриминационных установок в соотношении с легитимизацией в обществе их части для последующих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсуков В.Н. Оценка распространенности дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям в странах мира // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 82–90. DOI: 10.17223/15617793/429/10
2. Григорьев Д.С. Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 2. С. 215–244. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.2.9
3. Григорьева М.В. Аффективные факторы проявления дискриминационных установок личности в поведении // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 11(79). С. 51–56. DOI: 10.24158/spp.2020.11.9
4. Лабунская В.А. Виды дискриминации и ситуации актуализации дискриминационных практик // Этнолукизм: эмпирическая модель и методы исследования / Ред. В.А. Лабунская. Ростов н/Д.: Мини Тайп, 2018. 254 с.
5. Шамионов Р.М. Детерминанты дискриминационных установок по внешним признакам и проявлениям // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 4. С. 163–179. DOI: 10.17759/exppsy.2020130412
6. Шамионов Р.М. Индивидуальные ценности и идеологические установки как предикторы предубежденности по отношению к Другим // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 309–326. DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-3-309-326
7. Шамионов Р.М., Григорьева М.В. Методика измерения дискриминационных установок // Страховские чтения. 2020. № 28. С. 362–367.

8. *Aberson C.L.* Indirect effects of threat on the contact-prejudice relationship: A meta-analysis // *Social psychology*. 2019. V. 50 (2). P. 105–126. DOI: 10.1027/1864-9335/a000364
9. *Badaan V., Hoffarth M., Roper C., Jost J.T.* Ideological asymmetries in online hostility, intimidation, obscenity, and prejudice // *Scientific Reports*. 2023. V. 13 (1). P. 22345. DOI: 10.1038/s41598-023-46574-2
10. *Cantal C., Milfont T.L., Wilson M.S., Gouveia V.V.* Differential effects of Right-Wing Authoritarianism and Social Dominance Orientation on dimensions of generalized prejudice in Brazil // *European Journal of Personality*. 2014. V. 29 (1). P. 17–27. DOI: 10.1002/per.1978
11. *Chaney K.E., Forbes M.B.* We stand in solidarity with you (if it helps our ingroup) // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2023. V. 26 (2). P. 304–320. DOI: 10.1177/13684302211067143
12. *Cook C.L., Li Y.J., Newell S.M. et al.* The world is a scary place: Individual differences in belief in a dangerous world predict specific intergroup prejudices // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2018. V. 21 (4). P. 584–596. DOI: 10.1177/1368430216670024
13. *Crawford J.T., Brandt M.J.* Ideological (A)symmetries in prejudice and intergroup bias // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. V. 34. P. 40–45. DOI: 10.1016/j.cobeha.2019.11.007
14. *Cuddy A.J.C., Fiske S.T., Glick P.* The BIAS map: Behaviors from intergroup affect and stereotypes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007. V. 92. P. 631–648.
15. *Day M.V., Fiske S.T.* Understanding the nature and consequences of social mobility beliefs // *The social psychology of inequality* / Eds. J. Jetten, K. Peters. Cham, Switzerland: Springer, 2019. P. 365–380.
16. *Duckitt J., Sible C.G.* Right wing authoritarianism, social dominance orientation and the dimensions of generalized prejudice // *European Journal of Personality*. 2007. Vol. 21 (2). P. 113–130. DOI: 10.1002/per.614
17. *Ferguson M.A., Branscombe N.R., Reynolds K.J.* Social psychological research on prejudice as collective action supporting emergent ingroup members // *British Journal of Social Psychology*. 2019. V. 58 (1). P. 1–32. DOI: 10.1111/bjso.12294
18. *Fiske S.T.* Stereotype Content: Warmth and Competence Endure // *Current Directions in Psychological Science*. 2018. V. 27 (2). P. 67–73. DOI: 10.1177/0963721417738825
19. *Huber C., Brietzke S., Inagaki T.K., Meyer M.L.* American prejudice during the COVID-19 pandemic // *Scientific Reports*. 2022. V. 12. P. 22278. DOI: 10.1038/s41598-022-26163-5
20. *Koehn M.A., Jonason P.K., Davis M.D.* A person-centered view of prejudice: The Big Five, Dark Triad, and prejudice // *Personality and Individual Differences*. 2019. V. 139. P. 313–316. DOI: 10.1016/j.paid.2018.11.038
21. *Miglietta A., Rizzo M., Testa S., Gattino S.* Does existential flexibility associate with individuals' acceptance of inequality? A Study relating existential questing to values and to prejudice // *Europe's Journal of Psychology*. 2023. V. 19 (4). P. 321–334. DOI: 10.5964/ejop.9999
22. *Moss A.J., Blodorn A., Van Camp A.R., O'Brien L.T.* Gender equality, value violations, and prejudice toward Muslims // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2019. V. 22 (2). P. 288–301. DOI: 10.1177/1368430217716751
23. *Pascal E., Holman A.C., Milut F.M.* Emotional relevance and prejudice: Testing the differentiated effect of incidental disgust on prejudice towards ethnic minorities // *Frontiers in Psychology*. 2023. V. 14. P. 1177263. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1177263
24. *Schneider L.J.* Stereotyping, Prejudice, and the Role of Anxiety for Compensatory Control // *Social Psychological Bulletin*. 2022. V. 17. P. 1–25. DOI: 10.32872/spb.7875
25. *Wagner U., Christ O., Pettigrew T.F.* Prejudice and group-related behavior in Germany // *Journal of Social Issues*. 2008. V. 64 (2). P. 403–416. DOI: 10.1111/j.1540-4560.2008.00568.x
26. *White M.H., Crandall C.S.* Perceived authenticity as a vicarious justification for prejudice // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2023. V. 26 (3). P. 534–554. DOI: 10.1177/13684302221080466

EMOTIONAL ATTITUDE AND MOTIVES OF DISLIKE AS PREDICTORS OF DISCRIMINATORY ATTITUDES²

R. M. Shamionov

Saratov State University;

410012, Saratov, Astrakhanskaya str., 83, Russia.

ScD (Psychology), Professor, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development.

E-mail: shamionov@mail.ru

Received 20.01.2024

Abstract. The emotional attitude towards outgroup representatives may differ depending on the target of discrimination. Establishing the role of emotional relationships and the motivation of dislike in adherence to certain combined types of discriminatory attitudes will contribute to the development of measures to counteract them. The aim of the study is to establish emotional attitudes towards representatives of outgroups and the motives of dislike, which are predictors of discriminatory attitudes. The study involved 190 people of both sexes (men — 36.6%), aged 20–40 years. The survey methods of direct and indirect assessment of discriminatory attitudes, affective reactions towards representatives of discriminated groups, motives of dislike, methods of mathematical data processing (descriptive statistics, correlation and regression analyses, modeling method) were used. The combination of forms of emotional attitude and motivation in the prediction of types of discriminatory attitudes, as well as direct and indirect effects of emotional relationships on generalized forms of discriminatory attitudes, has been revealed. Anger and anxiety act as emotional attitudes towards representatives of outgroups, causing a general discriminatory attitude, while interest and disgust contribute to its reduction. The predictors of discriminatory attitudes towards socially vulnerable groups are fear (positive), interest and pity (negative); dissident groups — anger and fear; outsider groups — anger and disgust; social status groups — irritation and aggression (positive), disgust and interest (negative). The strongest motivational predictors of discriminatory attitudes are the motivation of competition in the labor market in the case of dissident, socially-status and even socially unprotected groups, as well as hostility based on an emotional attitude in the case of dissident and socially-outsider groups. Various emotional attitudes and motivations of rejection towards outgroup representatives explain a significant part of the dispersion of generalized forms of discriminatory attitudes. Generalized discriminatory attitudes are characterized by heterogeneous emotional conditioning and polymotivation.

Keywords: discriminatory attitude, affective reaction, motivation of discriminatory behavior, in-group, out-group.

REFERENCES

1. Barsukov V.N. Ocenka rasprostranennosti diskriminatsionnykh nastroyenij po otnosheniju k pozhiym ljudjam v stranah mira. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Tomsk State University Journal. 2018. V. 429. P. 82–90. DOI: 10.17223/15617793/429/10 (In Russian)
2. Grigor'ev D.S. Model' soderzhaniya stereotipov i etnicheskie stereotipy v Rossii. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 2020. V. 23. № 2. P. 215–244. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.2.9 (In Russian)
3. Grigor'eva M.V. Affektivnye faktory proyavleniya diskriminatsionnykh ustanovok lichnosti v povedenii. Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. 2020. № 11 (79). P. 51–56. DOI: 10.24158/spp.2020.11.9 (In Russian)
4. Labunskaya V.A. Vidy diskriminatsii i situatsii aktualizatsii diskriminatsionnykh praktik. Etnolukizm: empiricheskaya model' i metody issledovaniya. Ed. V.A. Labunskaya. Rostov-na-Donu: Mini Taip, 2018. 254 p. (In Russian)
5. Shamionov R.M. Determinanty diskriminatsionnykh ustanovok po vneshnim priznakam i proyavleniyam. Eksperimental'naya psikhologiya. 2020. V. 13. № 4. P. 163–179. DOI: 10.17759/exppsy.2020130412 (In Russian)
6. Shamionov R.M. Individual'nye tsennosti i ideologicheskie ustanovki kak prediktory predubezhdennosti po otnosheniyu k Drugim. Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika. 2019. V. 16. № 3. P. 309–326. DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-3-309-326 (In Russian)
7. Shamionov R.M., Grigor'eva M.V. Metodika izmereniya diskriminatsionnykh ustanovok. Strahovskie chteniya. 2020. № 28. P. 362–367. (In Russian)

² The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00529, <https://rscf.ru/project/24-28-00529/>

8. *Aberson C.L.* Indirect effects of threat on the contact-prejudice relationship: A meta-analysis. *Social psychology*. 2019. V. 50 (2). P. 105–126. DOI: 10.1027/1864-9335/a000364
9. *Badaan V., Hoffarth M., Roper C., Jost J.T.* Ideological asymmetries in online hostility, intimidation, obscenity, and prejudice. *Scientific Reports*. 2023. V. 13 (1). P. 22345. DOI: 10.1038/s41598-023-46574-2
10. *Cantal C., Milfont T.L., Wilson M.S., Gouveia V.V.* Differential effects of Right-Wing Authoritarianism and Social Dominance Orientation on dimensions of generalized prejudice in Brazil. *European Journal of Personality*. 2014. V. 29 (1). P. 17–27. DOI: 10.1002/per.1978
11. *Chaney K.E., Forbes M.B.* We stand in solidarity with you (if it helps our ingroup). *Group Processes & Intergroup Relations*. 2023. V. 26 (2). P. 304–320. DOI: 10.1177/13684302211067143
12. *Cook C.L., Li Y.J., Newell S.M. et al.* The world is a scary place: Individual differences in belief in a dangerous world predict specific intergroup prejudices. *Group Processes & Intergroup Relations*. 2018. V. 21 (4). P. 584–596. DOI: 10.1177/1368430216670024
13. *Crawford J.T., Brandt M.J.* Ideological (A)symmetries in prejudice and intergroup bias. *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. V. 34. P. 40–45. DOI: 10.1016/j.cobeha.2019.11.007
14. *Cuddy A.J.C., Fiske S.T., Glick P.* The BIAS map: Behaviors from intergroup affect and stereotypes. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007. V. 92. P. 631–648.
15. *Day M.V., Fiske S.T.* Understanding the nature and consequences of social mobility beliefs. Eds. J. Jetten, K. Peters. *The social psychology of inequality*. Cham, Switzerland: Springer, 2019. P. 365–380.
16. *Duckitt J., Sible C.G.* Right wing authoritarianism, social dominance orientation and the dimensions of generalized prejudice. *European Journal of Personality*. 2007. V. 21 (2). P. 113–130. DOI: 10.1002/per.614
17. *Ferguson M.A., Branscombe N.R., Reynolds K.J.* Social psychological research on prejudice as collective action supporting emergent ingroup members. *British Journal of Social Psychology*. 2019. V. 58 (1). P. 1–32. DOI: 10.1111/bjso.12294
18. *Fiske S.T.* Stereotype Content: Warmth and Competence Endure. *Current Directions in Psychological Science*. 2018. V. 27 (2). P. 67–73. DOI: 10.1177/0963721417738825
19. *Huber C., Brietzke S., Inagaki T.K., Meyer M.L.* American prejudice during the COVID-19 pandemic. *Scientific Reports*. 2022. V. 12. P. 22278. DOI: 10.1038/s41598-022-26163-5
20. *Koehn M.A., Jonason P.K., Davis M.D.* A person-centered view of prejudice: The Big Five, Dark Triad, and prejudice. *Personality and Individual Differences*. 2019. V. 139. P. 313–316. DOI: 10.1016/j.paid.2018.11.038
21. *Miglietta A., Rizzo M., Testa S., Gattino S.* Does existential flexibility associate with individuals' acceptance of inequality? A Study relating existential questing to values and to prejudice. *Europe's Journal of Psychology*. 2023. V. 19 (4). P. 321–334. DOI: 10.5964/ejop.9999
22. *Moss A.J., Blodorn A., Van Camp A.R., O'Brien L.T.* Gender equality, value violations, and prejudice toward Muslims. *Group Processes & Intergroup Relations*. 2019. V. 22 (2). P. 288–301. DOI: 10.1177/1368430217716751
23. *Pascal E., Holman A.C., Miluț F.M.* Emotional relevance and prejudice: Testing the differentiated effect of incidental disgust on prejudice towards ethnic minorities. *Frontiers in Psychology*. 2023. V. 14. P. 1177263. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1177263
24. *Schneider L.J.* Stereotyping, Prejudice, and the Role of Anxiety for Compensatory Control. *Social Psychological Bulletin*. 2022. V. 17. P. 1–25. DOI: 10.32872/spb.7875
25. *Wagner U., Christ O., Pettigrew T.F.* Prejudice and group-related behavior in Germany. *Journal of Social Issues*. 2008. V. 64 (2). P. 403–416. DOI: 10.1111/j.1540-4560.2008.00568.x
26. *White M.H., Crandall C.S.* Perceived authenticity as a vicarious justification for prejudice. *Group Processes & Intergroup Relations*. 2023. V. 26 (3). P. 534–554. DOI: 10.1177/13684302221080466

УДК 159.9.07

РОЛЬ “ЭФФЕКТА ИСТОРИИ” В ФОРМИРОВАНИИ ОЖИДАЕМОГО РЕЗУЛЬТАТА В ПРОЦЕССЕ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ^{1,2}

© 2024 г. А. А. Медынецев

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии
и психофизиологии творчества.

E-mail: medintseff@yandex.ru

Поступила 30.09.2023

Аннотация. В исследовании изучалась связь “эффекта истории” в формировании ожидаемого результата с процессом решения задач. Участники решали “ассоциативные задачи с выбором букв”. Каждая такая задача имела одно слово-решение. Задачи предъявлялись участникам в двух сериях — установочной и основной. В установочной серии участникам предъявлялись задачи, у которых слова-решения обладали схожими характеристиками. В основной серии участникам предъявлялись задачи, у которых часть слов-решений по своим характеристикам была похожа на слова-решения задач установочной серии, часть — частично похожа, а часть — не похожа совсем. Предполагалось, что при решении задач установочной серии у участников сформируется образ ожидаемого результата решения, который окажет влияние на решение задач в основной серии. Результаты исследования соответствуют выдвинутой гипотезе: образ ожидаемого результата, сформированного в установочной серии, замедлял решение задач, у которых слова-решения были частично и совсем не похожи на слова решения задач установочной серии. Формально полученные результаты могут быть объяснены с позиций теории целевой установки А.Г. Асмолова. Однако существуют косвенные доказательства в пользу того, что механизм эффекта может иметь другую природу.

Ключевые слова: акцептор будущего решения, ассоциативные задачи, семантический прайминг, целевая установка, эффект истории.

DOI: 10.31857/S0205959224030033

ВВЕДЕНИЕ

Исследование процессов, связанных с решением задач и проблем, является одним из важных направлений современной науки. В ряде работ показано, что одним из факторов, который влияет на процесс решения, выступает индивидуальный опыт решателя задач, приобретенный в прошлом.

В экспериментальной плоскости этот фактор может быть описан как “эффект истории”. Под этим термином понимается «широкий круг явлений, когда в результате действий экспериментатора, использующего различные типы задач, подсказок и иных способов воздействия на процесс решения, происходят значимые устойчивые (“исторические”)

изменения в содержании, структуре или динамике мыслительного процесса» [15, с. 45].

В качестве примера исследований, в которых имеет место эффект истории, можно привести эксперименты по изучению феномена механизации мышления, описанного в классической работе А.С. Лачинса и Е.Г. Лачинс. В этом исследовании было показано, что испытуемые, решившие задачу (требовалось отмерить определенное количество воды при помощи сосудов разной емкости) по определенному алгоритму, склонны использовать тот же алгоритм при решении похожих задач даже в том случае, если есть альтернативный и более эффективный способ решения [4; 27]. В работе Г.Г. Бирча и Г.С. Рабиновича испытуемым требовалось решить основную задачу: связать два висящих далеко друг от друга шнура (дотянуться рукой от одного до другого было нельзя). В комнате, где проводился эксперимент, были разбросаны различные предметы, включая электрический

¹ Данные собраны совместно с М.И. Левшиной.

² Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-28-01371, <https://rscf.ru/project/22-28-01371/>

выключатель и плоскогубцы (которые можно было привязать к концу шнура и, раскачав как маятник, выполнить основную задачу). Было обнаружено, что испытуемые, которые перед выполнением этой задачи выполняли некое установочное задание (например, собирали электрическую цепь) с использованием выключателя или плоскогубцев, в качестве маятника предпочитали не использовать предмет, применявшийся ранее. Испытуемые контрольной группы, у которых установочного задания не было, таких предпочтений не имели [21]. К “эффекту истории” можно отнести и влияние “наводящих задач” из исследований Я.А. Пономарева, где выполнение простого задания впоследствии ускоряло процесс решения более сложной задачи [14].

Конечно, влияние индивидуального опыта на решение задач не ограничено эффектом истории в узком его понимании. Значительное влияние на решение оказывает внеэкспериментальный опыт решателя. Так, эксперты в определенных областях знаний хуже справляются с заданиями Теста отдаленных ассоциаций, если им встречаются слова из этих областей [32]. Известный феномен “функциональной фиксированности” [6] также отражает влияние внеэкспериментального индивидуального опыта.

Однако в нашем исследовании мы ограничимся узким пониманием эффекта истории — влиянием индивидуального опыта, приобретенного в “коротких сериях” [24].

Обобщая такие работы, можно выделить две их особенности.

1. В этих работах контрольной серии предшествует установочная серия (или ряд установочных проб), в которой при решении однотипных задач формируется некий навык или имплицитное знание (навык использования подсказки, решения задачи по определенному шаблону и т.п.). То есть происходят те самые «устойчивые (“исторические”) изменения в содержании, структуре или динамике мыслительного процесса».

2. Сформированный навык переносится в контрольную серию, что отражается на эффективности решения в ней задач.

Следует особо отметить, что в таких работах эффект истории проявляется в процессах и механизмах, обеспечивающих поиск решения, затрудняя или облегчая его.

Вместе с тем известно, что мышление целенаправленно, т.е. имеет свой результат. О.К. Тихомиров писал: “Психологически мышление часто выступает как деятельность по решению задачи,

которая определяется обычно как цель, данная в определенных условиях” [17, с. 44]. Построение ожиданий относительно цели является фактором, организующим процесс решения [8]. То есть на процессы поиска решения влияют характеристики ожидаемого результата.

Можно предположить, что характеристики результатов, достигнутых при решении задач в прошлом, должны оказывать влияние на формирование ожидаемого результата при решении похожих задач в настоящем. В этом случае речь также будет идти об эффекте истории, но не в плоскости приобретения и изменения эвристик, знаний и навыков решения задач непосредственно, а в плоскости формирования результата будущего решения.

Выявление эффекта истории в формировании ожидаемого результата решения задачи являлось *целью* настоящей работы.

Теоретическим базисом, положенным в основу исследования явилась предложенная нами концепция акцептора будущего решения [13]. Данная концепция является попыткой адаптации некоторых (не всех) представлений системного подхода к методологии и феноменологии психологии мышления.

С позиций системного описания поведения предполагается, что любая деятельность является следствием особой “системной” организации психофизиологических процессов, системообразующим фактором которой является будущий результат — “образ потребного будущего” [1; 2]. В теории функциональных систем П.К. Анохина будущий результат представлен в форме акцептора результата действия — центральной части функциональной системы, которая и отвечает за реализацию любых форм поведения [2].

Согласно нашей концепции, акцептор будущего решения (назван по аналогии с акцептором результата действия) представляет из себя доминантоподобное нейрональное образование, выполняющее роль фактора организующего процесс мышления.

Подобно функциональной системе в своей основе акцептор будущего решения (далее — АБР или Акцептор) имеет результат потребного будущего — “образ” приемлемого решения задачи. Этот “образ” представляет собой консолидацию результатов прошлых решений, когда-либо достигнутых индивидом в проблемной ситуации аналогичной нынешней. Совокупность прошлых решений определяют такое свойство АБР как “ограничения акцептора”, которые могут быть сопоставлены с понятием “ограничения” (*constraints*) в работах Дж. Кноблиха и др. [25]. Решением задачи

является то решение, которое вписывается во все ограничения АБР, т.е. комплементарно ему. Поиск решения может быть описан как произвольно управляемый либо неуправляемый поток решений, которые поочередно сличаются с АБР. Решения, не комплементарные АБР, отсеиваются, комплементарное решение осознается как найденное [13].

Важно отметить, что на отрезке времени после формирования Акцептора и до появления комплементарного решения происходит “угасание” АБР, что обусловлено его физиологической природой и связанными с ней процессами торможения. На психологическом уровне угасание проявляется в постепенном снижении числа ограничений. Снижение числа ограничений, в свою очередь, приводит к увеличению вероятности нахождения комплементарного решения (решения, которые ранее не были комплементарны в силу большого числа ограничений, становятся комплементарными) [13].

Таким образом, согласно описанной концепции, механизм эффекта истории при формировании ожидаемого результата мышления связан с влиянием ограничений Акцептора.

Иными словами, можно предположить, что решение задач в установочной серии при условии, что ответы на эти задачи будут иметь некие общие характеристики, повлияет на решение схожих задач в контрольной серии. Это влияние будет выражаться в упрощении процесса решения задач, чьи ответы имеют схожие характеристики, и затруднении решения задач, чьи ответы этими характеристиками не обладают. Также предполагается, что с течением времени это влияние будет ослабевать, что отразится на более длительном времени решения задач с “нехарактерными” ответами.

Данное предположение послужило теоретической гипотезой настоящего исследования.

Для проверки гипотезы необходимо подобрать такие задачи и создать такой протокол эксперимента, которые позволили бы:

- а) минимизировать влияние подсказок, эвристики и прочих факторов, влияющих на процессы и механизмы непосредственного поиска решения;
- б) формализовать понятие “ограничения Акцептора” (эти ограничения должны быть воплощены в четких характеристиках, которыми обладают решения задач);
- в) допустить возможность манипуляции количеством этих характеристик, чтобы выявить их влияние на эффективность решения задачи.

Следует отметить, что методики, используемые в современных работах, для настоящего исследования не подходят. Это связано с тем, что авторы в основном исследуют факторы, влияющие на механизмы поиска решения, но не на формирование результата. Это предпочтение отражается в методологии этих работ. В исследованиях используются подсказки, помогающие или мешающие найти решение [19; 20; 26], семантический прайминг, влияющий на субъективное переживание, связанное с решением [23], и т.д.

Это привело к необходимости создания специального набора задач и протокола исследования. Вследствие этого был создан специальный тип задач, названный “ассоциативные задачи с выбором букв”.

В этих задачах решателю предъявлялся набор из трех букв и двух слов (например, “АРМИЯ, СОЛДАТ, Ж, Р, С”). От решателя требуется за определенное время придумать слово-решение. Слово считается решением, если соответствует двум условиям:

- 1) имеет в своем составе все три буквы (очередность не имеет значения, о чем решатель предупреждается специально);
- 2) образует устойчивые ассоциации с двумя предъявленными словами (“СЕРЖАНТ”).

Ответ задачи может быть только один.

Важной особенностью задач является наличие определенных ограничений у слов-решений. Их три:

- 1) слово-решение начинается с крайней левой буквы из тех, которые предъявляются испытуемому (“СТРОЙКА, ЗАРПЛАТА, Р, Ч, Й”) (слово-решение: “РАБОЧИЙ”));
- 2) Слово-решение состоит из двух слогов (“СПОРТ, БОРЬБА, С, М, Т”) (слово-решение: “САМБИСТ”));
- 3) Слово-решение является одушевленным (“ВОЙНА, ВОИН, С, Д, Л”) (слово-решение: “СОЛДАТ”)).

Ожидалось, что предъявление только таких задач в установочной серии сформирует у испытуемых Акцептор будущего слова-решения.

Сформированный Акцептор, в свою очередь, повлияет на процесс решения задач в контрольной серии.

Проведенное исследование состояло из процедуры создания задач и двух последовательно проведенных экспериментов.

СОЗДАНИЕ АССОЦИАТИВНЫХ ЗАДАЧ С ВЫБОРОМ БУКВ

Для создания задач был сформирован список существительных, будущих слов — решений ($M(ipm) = 24.5$; $SD(ipm) = 43.6$; $Min(ipm) = 0.4$; $Max(ipm) = 262.1$). Все существительные были взяты из частотного словаря современного русского языка [12].

Список слов был разослан экспертам. Задачей экспертов было придумать к каждому слову списка как можно больше слов-ассоциаций. Все эксперты были незнакомы друг с другом, что исключало возможный обмен результатами выполнения задачи.

В качестве экспертов выступили 17 человек: 9 женщин и 8 мужчин ($min = 18$ лет, $max = 27$ лет, $M = 22$ года).

После выполнения задания для каждого слова из списка отбирались только те слова-ассоциации, которые повторялись у 80% экспертов (у 14 человек).

Затем для каждого слова-решения подбирались три буквы.

В результате было создано 387 “ассоциативных задач с выбором букв”, среди них:

- 58 задач без ограничений в слове-решении (т.е. слово-решение могло начинаться с любой буквы, состояло из более чем двух слогов или одного слога и не было одушевленным);
- 164 задачи с одним ограничением (слово-решение было одушевленным, или начиналось с левой буквы, или состояло из двух слогов);
- 96 задач с двумя ограничениями (сочетание любых двух ограничений из описанных выше);
- 69 задач с тремя ограничениями (слово-решение начиналось с левой буквы, состояло из двух слогов и было одушевленным).

ЭКСПЕРИМЕНТ 1

Задачей Эксперимента 1 был отбор ассоциативных задач с выбором букв, чьи слова-решения имеют разное число ограничений, но которые решаются с одинаковой вероятностью и за одинаковое время.

Участники исследования. В исследовании приняли участие 43 человека: 30 женщин и 13 мужчин ($min = 19$ лет, $max = 26$ лет, $M = 24$ года), не принимавшие участие в создании задач.

Стимульный материал. В качестве стимульного материала было использовано 387 созданных задач.

Экспериментальная процедура. Перед началом эксперимента участникам объяснялся принцип решения задач и сообщалась следующая инструкция: “Все предъявляемые задачи можно решить. Однако если задача слишком сложна для вас, то можно отказаться от ее решения, нажав правую клавишу мыши”.

В ходе эксперимента участник сидел в кресле перед экраном монитора компьютера. Средний и указательный пальцы испытуемого лежали на левой и правой клавишах мыши. В распоряжении испытуемого была клавиатура. Задачи предъявлялись в случайном порядке. На решение задачи отводилось 30 с.

В случае если участник отказывался от решения задачи, он нажимал правую клавишу мыши. После нажатия на экране появлялось слово-решение.

Если участник решал задачу, то он нажимал левую клавишу мыши. На экране появлялась окно, в котором при помощи клавиатуры участник печатал найденное решение. После этого на экране также появлялось правильное слово-решение (рис. 1).

Регистрируемые характеристики решения. В ходе исследования регистрировались четыре характеристики:

- 1) индекс сложности задачи (отношение числа участников, верно решивших задачу, к общему числу участников, которым была предъявлена задача);
- 2) время решения задач (время от появления задачи до нажатия участником левой клавиши мыши в ситуации, если решение верное);
- 3) индекс отказов (отношение числа участников, добровольно отказавшихся решать задачу, к общему числу участников, которым была предъявлена задача);
- 4) латентный период добровольного отказа (время от появления задачи до нажатия испытуемым правой клавиши мыши).

Всего в эксперименте участник проходил семь серий. В первых шести сериях было 55 задач и 57 задач в последней серии. Предъявление задач в одной серии осуществлялось случайным образом.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА 1

На основании полученных результатов был проведен отбор задач для Эксперимента 2. Критериями отбора были следующие:

- 1) задача имеет только одно слово-решение (задачи, для которых участники находили альтернативные решения, отсеивались);

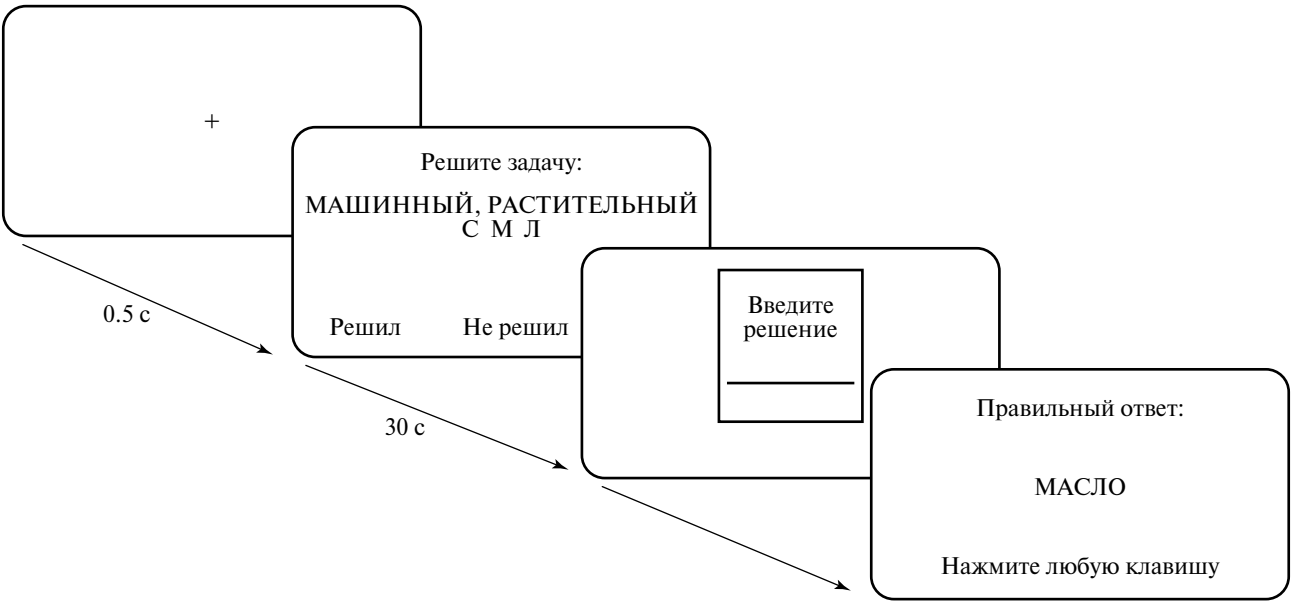

Рис. 1. Экспериментальная процедура решения задачи в Эксперименте 1

2) индекс сложности задачи должен равняться 0.3–0.7;

3) время решения должно быть в среднем 5–7 с.

По результатам исследования были собраны четыре однородные группы задач с одинаковым временем решения и индексом сложности. В эти группы вошли:

- 11 задач без ограничений;
- 11 задач с одним ограничением;
- 13 задач с двумя ограничениями;
- 13 задач с тремя ограничениями.

Характеристики групп задач разных типов, отобранных на втором этапе исследования, отображены в табл. 1 и 2.

Таблица 1. Индекс верного решения отобранных задач

	<i>N</i>	<i>Q</i> ₁	<i>Q</i> ₃	Межкв. разм.	Коэфф. вариаци., %	<i>M</i>	<i>SD</i>	Min	Max
Нет ограничений	11	0.5	0.7	0.15	28	0.6	0.17	0.3	0.9
Одно ограничение	11	0.6	0.7	0.08	9.8	0.6	0.06	0.5	0.7
Два ограничения	13	0.4	0.7	0.2	23	0.6	0.14	0.4	0.8
Три ограничения	14	0.5	0.7	0.14	16	0.6	0.1	0.5	0.8

Таблица 2. Время решения отобранных задач, с

	<i>N</i>	<i>Q</i> ₁	<i>Q</i> ₃	Межкв. разм.	Коэфф. вариаци., %	<i>M</i>	<i>SD</i>	Min	Max
Нет ограничений	11	48	6,7	2	20.5	5.7	1.1	4.2	7.5
Одно ограничение	11	4.7	5.5	0.7	14	5	0.7	4.4	6.8
Два ограничения	13	4	6	2	27	5	1.3	3	7
Три ограничения	14	4	6	1.7	23	5	1,2	3	7.2

Коэффициенты вариации в каждой из групп составили меньше 33%, что свидетельствует об их однородности.

После отбора группы задач дополнительно сопоставлялись по всем характеристикам решения. Результаты сопоставления продемонстрировали отсутствие достоверных различий между группами задач:

- индекс сложности (критерий Колмогорова—Смирнова: $D = 0, p > 0.05; F(3.45) = 0.55, p = 0.64$);
- индекс отказов (критерий Колмогорова—Смирнова: $D = 0.2, p > 0.05; F(3.45) = 1.3, p = 0.26$);
- время решения (критерий Колмогорова—Смирнова: $D = 0.75, p = 0.69; F(3.45) = 0.97, p = 0.41$);
- латентный период отказа решать задачу (критерий Колмогорова—Смирнова: $D = 0.1, p = 0.22; F(3.59) = 0.51, p = 0.67$).

Также отсутствовала значимая корреляция между характеристиками решения и числом ограничений в задаче (число ограничений — индекс сложности: Спирмена $Rho = 0.065$, $p = 0.61$; число ограничений — индекс отказов: Спирмена $Rho = 0.07$, $p = 0.59$; число ограничений — время решения: Спирмена $Rho = -0.19$, $p = 0.12$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРИМЕНТА 1

При обсуждении результатов исследований, связанных с решением задач лингвистического характера (ребусов, анаграмм и т.д.), всегда возникают вопросы о неконтролируемом влиянии характеристик стимульного материала на полученные результаты.

Так, известно, что на эффективность решения таких задач влияет ряд факторов. К примеру, значимым фактором выступает “возраст понимания слова”. Показано, что чем раньше слово становится понятным, тем выше скорость его прочтения и понимания смысла [22]. Схожим влиянием обладает частота встречаемости слов и слогов. Показано, что при решении анаграммы частотность слова-решения и частотность слогов, образующих анаграмму, может усложнять ее решение [11].

В результате Эксперимента 1 нами были отображены четыре группы задач, обладающие одинаковой сложностью, имеющие одинаковое время решения и одинаковый индекс отказа.

Таким образом, можно утверждать, что какие бы факторы ни усложняли или ни упрощали процесс решения ассоциативных задач с выбором букв в целом, в отобранных группах их влияние было выравнено.

ЭКСПЕРИМЕНТ 2

Задачей третьего этапа была проверка основной гипотезы исследования.

Участники исследования. В этом эксперименте приняли участие 53 человека: 34 женщины и 19 мужчин (min = 17 лет, max = 25 лет, $M = 23$ года).

Стимульный материал. В контрольной серии использовалось 48 задач (11 задач без ограничений, 11 задач с одним ограничением, 13 задач с двумя ограничениями и 13 задач с тремя ограничениями), отобранные в ходе Эксперимента 1.

Для установочной серии дополнительно было создано 30 задач с тремя ограничениями

и 33 нерешаемых задачи (ассоциативные задачи с выбором букв, для которых нельзя подобрать ответ). Процедура создания этих задач носила произвольный характер.

Экспериментальная процедура. Исследование проводилось в лаборатории. Перед началом исследования его участникам объясняли принцип решения задач и сообщали следующую инструкцию: *“В ходе исследования вам будут предъявлены два типа задач: решаемые и нерешаемые. Требуется определить, можно ли решить предъявляемую вам задачу. Как это определить — вы решаете самостоятельно. Если перед вами решаемая задача — надо решить ее и нажать на левую клавишу. Если перед вами нерешаемая задача — необходимо отказаться от решения, нажав на правую клавишу”*.

Процедура проведения эксперимента была такой же, как и процедура Эксперимента 1 (см. рис. 1), но с двумя изменениями:

1) исследование состояло из двух серий — установочной и контрольной. В установочной серии участникам в случайном порядке предъявлялись произвольно придуманные 30 задач с тремя ограничениями и 33 нерешаемые задачи. В контрольной серии участникам предъявлялось 48 задач, отобранных в Эксперименте 1;

2) в отличие от Эксперимента 1, при решении задачи слово-решение участникам не предъявлялось. Вместо этого им предъявлялось слово “Верно”, в случае если они нашли правильное слово-решение, и “Неверно”, в случае если слово-решение было неправильным. Если испытуемый отказывался от решения задачи (т.е. считал задачу нерешаемой), ему всегда предъявлялось слово “Верно”.

Учитывая, что в контрольной серии нерешаемых задач не было, такая манипуляция позволяла сохранять у участника уверенность в том, что нерешаемые задачи присутствуют не только в установочной, но и в контрольной серии.

Регистрируемые характеристики решения. При выполнении установочной серии никаких характеристик решения у участников не регистрировалось.

При выполнении контрольной серии регистрировались следующие характеристики:

1) тип задачи, которую решил или не решил участник (задача с одним, двумя, тремя ограничениями или задача без ограничений);

2) индекс верных решений (отношение верно решенных задач определенного типа к общему числу задач этого типа, предложенных участнику);

3) время решения задач разного типа (время от появления задачи до нажатия участником левой клавиши мыши в ситуации, если решение верное);

4) индекс добровольных отказов (отношение числа задач определенного типа, которые участник посчитал нерешаемыми, к общему числу предложенных ему задач этого типа);

5) латентный период добровольного отказа (время от появления задачи до нажатия испытуемым правой клавиши мыши, когда задача признается им нерешаемой).

После исследования с участниками проводилось интервью, в ходе которого, помимо прочих, задавались следующие вопросы:

- Заметили ли вы какие-то общие особенности у предлагаемых заданий?
- Каким образом вы отличали решаемые задачи от нерешаемых?
- Каким образом вы искали ответ к задаче?

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА 2

После анализа данных из выборки были удалены данные семи участников, решивших меньше пяти задач (всех типов). После удаления в анализируемую выборку вошли данные 46 человек: 30 женщин и 16 мужчин. Все вошедшие в выборку участники верно решили более одной задачи всех четырех типов.

В среднем участники решили 25.3 из 48 задач в контрольной серии. Медианное время решения составило 3.5 с. В среднем 21.2 задачи были восприняты испытуемыми как нерешаемые.

В среднем около 1.5 решения задач было признано ошибочным. Под ошибочными решениями понимались: непонятные слова, пропуски, слова, которые не образовывали с каждым из слов устойчивые ассоциации (например, для задачи “война, водитель, Т, К, С” — ответ “таксист” вместо “танкист”), или слова, которые имели в своем составе не все три предъявленные буквы. Данные ошибки могут объясняться невнимательностью участников к условиям или небрежностью при выполнении инструкции.

В интервью после исследования при ответе на вопрос: “Заметили ли вы какие-то особенности предлагаемых заданий?” ни один из участников ни о каких закономерностях не сообщил.

При ответе на вопрос: “Каким образом вы отличали решаемые задачи от нерешаемых?”:

— 15 человек ответили, что делали это интуитивно;

— 16 человек ответили, что обращали внимание на ассоциативную близость предъявляемых слов (если слова ассоциативно не связываются, значит, задача нерешаемая);

— 11 человек обращали внимание на частотность букв (если встречаются низкочастотные буквы, это нерешаемая задача);

— 4 человека сообщили, что нерешаемых задач в основной серии не было.

При ответе на вопрос: “Каким образом вы искали ответ к задаче?”:

— 14 человек ответили, что чаще всего решение появлялось само собой;

— 32 человека ответили, что сознательно подбирали ассоциации.

Индекс верных решений и время решения задач.

Анализ индекса верных решений показал нормальность распределения показателя (критерий Колмогорова—Смирнова: $D = 1$, $p < 0.05$). Однофакторный дисперсионный анализ продемонстрировал достоверные различия между значениями индекса верных решений задач разных типов ($F(3.180) = 7.5$, $p < 0.001$, $\omega^2 = 0.096$).

Сравнения по критерию Шеффе продемонстрировали достоверные различия между индексами решения задач без ограничений и задач с тремя ограничениями ($p < 0.001$), индексами решения задач с одним ограничением и задач с тремя ограничениями ($p = 0.041$), индексами решения задач с двумя ограничениями и задач с тремя ограничениями ($p = 0.042$) (рис. 2).

В остальных случаях достоверных различий не обнаружено (задачи без ограничений vs задачи с одним ограничением: $p = 0.6$; задачи без ограничений vs задачи с двумя ограничениями: $p = 0.7$; задачи с одним ограничением vs задачи с двумя ограничениями: $p = 0.9$). Значение индекса верных решений положительно коррелирует с количеством ограничений в задачах (Спирмена $Rho = 0.3$, $p = 6.4e-5$).

Анализ времени решения показал отличие распределения значений от нормального распределения (критерий Колмогорова—Смирнова: $D = 0.98$, $p < 0.001$). Сравнение медианного времени решения задач с разным числом ограничений показало достоверные различия (критерий Краскела—Уоллиса: $H = 12.5$, $p = 0.0057$).

Длительность медианного времени решения задачи отрицательно коррелирует с количеством

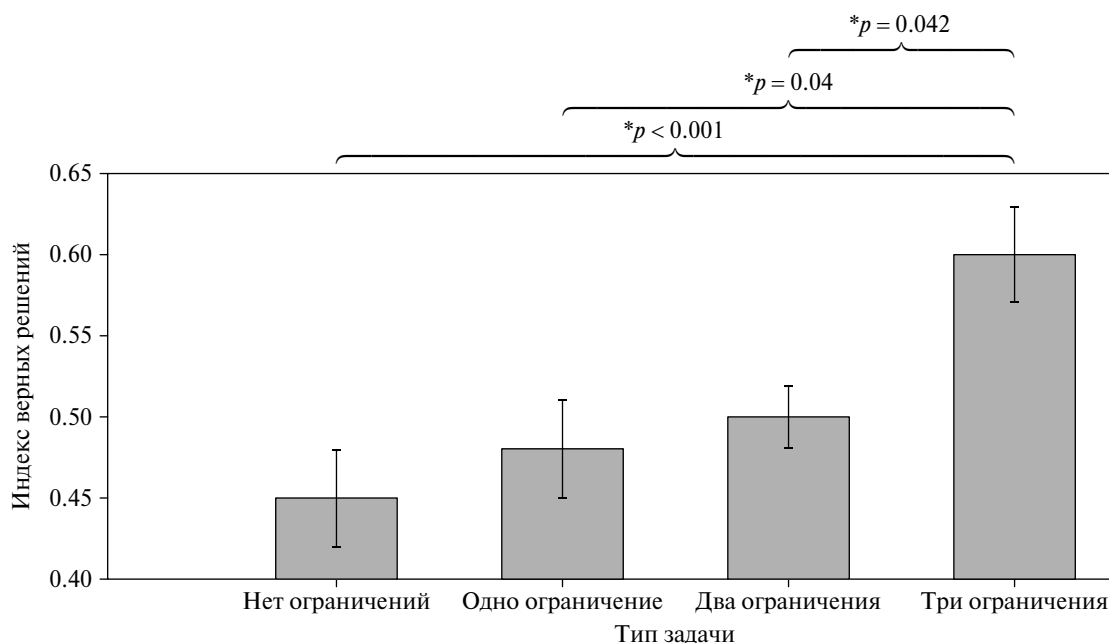

Рис. 2. Средние значения индекса решений задач разных типов в контрольной серии ($N = 46$)

Примечание. Фигурными скобками указаны значимые различия между задачами разных типов.

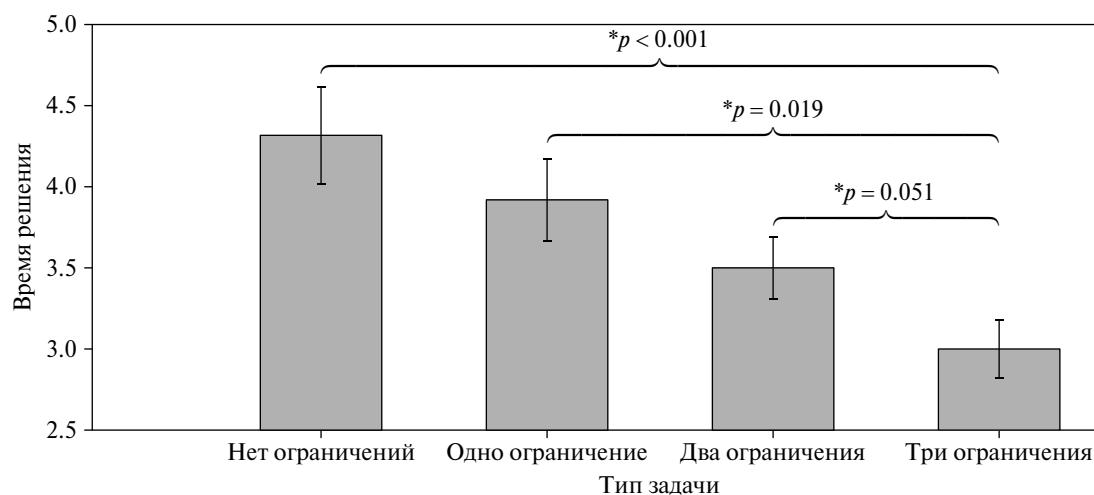

Рис. 3. Значения времени решения задач разных типов в контрольной серии ($N = 46$)

Примечание. Фигурными скобками указаны значимые различия между задачами разных типов.

ограничений в задачах (Спирмена $Rho = -0.26$, $p = 4.09e-4$).

Попарные сравнения медианных значений времени решения при помощи критерия Манна—Уитни показали достоверные различия между задачами без ограничений и задачами с тремя ограничениями ($U = 573$, $p < 0.01$), задачами с одним ограничением и задачами с тремя ограничениями ($U = 1329$, $p = 0.019$). Различие между задачами с двумя ограничениями и задачами с тремя ограничениями находится на уровне тенденции ($U = 1307$, $p = 0.051$) (рис. 3).

В прочих случаях достоверных различий не обнаружено (задачи без ограничений vs задачи

с одним ограничением: $U = 1092$, $p = 0.4$; задачи без ограничений vs задачи с двумя ограничениями: $U = 1241$, $p = 0.064$; задачи с одним ограничением vs задачи с двумя ограничениями: $U = 1152$, $p = 0.3$).

Латентный период добровольного отказа и индекс добровольных отказов. Сравнение латентного периода добровольного отказа от решения разных типов задач достоверных различий не показало (критерий Колмогорова—Смирнова: $D = 0.12$, $p < 0.001$; критерий Краскела—Уоллиса: $H = 1.3$, $p = 0.72$).

Анализ распределения показателей индекса добровольных отказов продемонстрировал нормальность распределения (критерий Колмогорова—Смирнова: $D = 0.02$, $p > 0.05$). Однофакторный

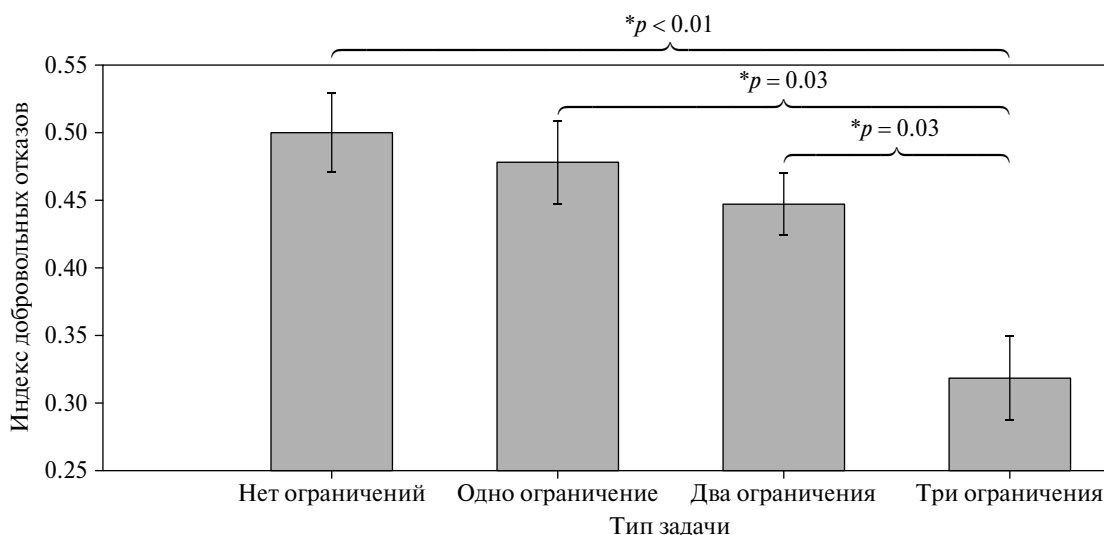

Рис. 4. Средние значения индекса добровольных отказов решать задачи разных типов в контрольной серии ($N = 46$)

Примечание. Фигурными скобками указаны значимые различия между задачами разных типов.

дисперсионный анализ показал достоверные различия между индексами добровольных отказов между разными типами задач ($F(3.180) = 7.4$, $p < 0.001$, $\omega^2 = 0.094$) (рис. 4).

Множественные сравнения по критерию Шеффе продемонстрировали достоверные различия между задачами без ограничений и задачами с тремя ограничениями ($p < 0.01$), задачами с одним ограничением и задачами с тремя ограничениями ($p = 0.03$), а также задачами с тремя ограничениями и задачами с двумя ограничениями ($p = 0.03$). В остальных случаях достоверных различий не обнаружено (задачи без ограничений vs задачи с одним ограничением: $p = 0.9$; задачи без ограничений vs задачи с двумя ограничениями: $p = 0.62$; задачи с одним ограничением vs задачи с двумя ограничениями: $p = 0.9$).

Значение индекса добровольных отказов отрицательно коррелирует с количеством ограничений в задаче (Спирмен $Rho = -0.3$, $p = 7.17e-5$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРИМЕНТА 2

Во-первых, следует отметить, что результаты Эксперимента 2 продемонстрировали наличие эффекта истории при решении ассоциативных задач с выбором букв. Это утверждение основано на том, что задачи, которые участники Эксперимента 1 решали одинаково с одинаковой вероятностью и за одинаковое время, в Эксперименте 2 решались иным образом.

Было показано, что задачи с тремя ограничениями решались быстрее, индекс решения таких

задач был выше, а индекс добровольных отказов был достоверно ниже, чем у задач с меньшим количеством ограничений. Следовательно, в Эксперименте 2 задачи, решаемые в установочной серии, действительно сформировали у участников «устойчивые («исторические») изменения в содержании, структуре или динамике мыслительного процесса» [15].

Во-вторых, наблюдавшийся эффект истории никак не влиял на механизмы и процессы непосредственного поиска решения. В установочной серии испытуемым не предъявлялось никакой закономерности или подсказки, которая облегчила бы поиск слова-решения и которую можно было бы перенести на решение задач контрольной серии.

Поэтому о сходстве полученных результатов с эффектами истории в работах А.С. и Е.Г. Лачиных и других авторов [4; 5; 14; 21; 27] говорить не приходится.

Правда, надо признать, что одно ограничение, а именно то, что слово-решение должно начинаться с левой буквы, имеет свойство подсказки. Это недоработка экспериментального дизайна. Но даже если предположить, что в установочной серии испытуемый имплицитно обучился опираться на левую букву для поиска нужного слова, только этим все результаты исследования объяснить невозможно.

Таким образом, можно сделать вывод, что наблюдавшийся в нашем исследовании эффект истории имел место при формировании ожидаемого результата решения.

ФИНАЛЬНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ

Кроме получения доказательств того, что эффект истории имеет место при формировании ожидаемого результата, важным вопросом работы было дать объяснение механизму эффекта.

Учитывая, что эффект имеет место при формировании результата, а не в процессе поиска, любые “процессорные” теории, т.е. теории, описывающие различные аспекты процесса поиска решения, для объяснения не подходят. Вследствие этого здесь не будут рассматриваться вопросы изменения репрезентации (см., например: [28]), роль рабочей памяти (см., например: [30]) или теория мониторинга процесса движения к цели [29].

Можно выделить три предположения, которые подходят для интерпретации полученных результатов:

1) наблюдавшийся эффект истории связан с функционированием АБР, что являлось гипотезой нашей работы;

2) в исследовании наблюдался семантический прайминг-эффект [7];

3) в установочной серии у участников сформировалась целевая установка [3], влияние которой отразилось в результатах контрольной серии.

Все они будут рассмотрены ниже.

Семантический прайминг. Прайминг-эффект можно определить как изменение способности опознавать или извлекать из памяти объект в результате предшествующей встречи с подобным ему объектом, что отражается в поведении испытуемого. Семантический прайминг опирается на смысловое сходство целевого стимула (стимула, на который дается ответ) и предшествующего ему стимула — прайма [16].

В исследованиях, связанных с решением задач, прайминг-эффект наблюдался в разных формах. В самой простой из них прайминг проявлялся в уменьшении времени решения задачи в ситуации, когда испытуемому предварительно сублиминально демонстрируют ее решение. Так, в исследовании Н.С. Куделькиной и А.Ю. Агафонова испытуемые решали анаграммы, предъявляемые на экране монитора компьютера. При этом части таких анаграмм за 500 мс предшествовало предъявление замаскированного слова-решения. Подобного рода прайминг оказал позитивное влияние на скорость решения анаграмм [10]. В другой работе сублиминальное предъявление правильного решения предшествовало появлению задачи “Восемь монет”, что также повлияло на процесс решения [15].

Очевидно, что подобная форма прайминг-эффекта в нашем исследовании не наблюдалась, так как никаких решений в установочной серии сублиминально предъявлено не было.

Однако этими примерами прайминг-эффект не ограничен. Согласно модели “распределенной активации” прайминг-эффект объясняется тем, что элементы решения хранятся в единой семантической сети и связаны друг с другом ассоциативными связями. При предъявлении стимула-прайма активируется его семантическая репрезентация. Эта активация, в свою очередь, распространяется на другие элементы сети, ассоциативно с ним связанные, и преактивирует их. Такая преактивация дает преимущество в скорости опознания и извлечения из памяти стимула, если тот связан с праймом семантически, по сравнению со стимулом, не имеющим такой связи [7].

Если использовать такое представление для объяснения результатов исследования, то можно предположить, что в установочной серии произошла преактивация не отдельного слова, а целого кластера слов, имеющих общие черты (всех слов, начинающихся с левой буквы, состоящих из двух слогов и являющихся одушевленными). Эта преактивация впоследствии помогла быстрее решать задачи с тремя ограничениями в контрольной серии.

Примеры преактивации целых кластеров слов, имеющих даже менее определенные черты, известны в литературе. Например, в исследовании В.Ф. Спиридонова и Е.А. Абисаловой испытуемые выполняли тест креативности Гилфорда (“Необычное использование предметов”). Перед его выполнением одной из групп испытуемых давалось задание провести некоторые манипуляции со словами, входящими в категории редко встречающихся (надо было составить предложение с ними и обобщить такие слова, назвав категорию). Оказалось, что оригинальность решений теста у испытуемых из этой группы оказалась выше по сравнению с контрольной группой [16]. То есть семантический прайминг редкими группами слов привел к повышению оригинальности ответов на тест.

Однако это объяснение встречает одно возражение. Дело в том, что семантический прайминг проявляется в изменении количественных характеристик ответа — уменьшении времени реакции после предъявления конгруэнтного прайма или увеличении времени после не конгруэнтного. Это, к примеру, показано в экспериментах с категоризацией слов [7]. С этой точки зрения более быстрое решение задач с тремя ограничениями вполне объяснимо. Однако различия между задачами с разным числом ограничений наблюдались и в качественных

характеристиках — числе добровольных отказов, ситуаций, когда испытуемый считал задачу нерешаемой. Как предактивация кластера с одним типом слов не просто замедляет, а мешает извлечению из памяти слов из других кластеров, объяснить трудно.

Конечно, возможны экспериментальные манипуляции, которые могут перевести количественные показатели в качественные. Например, ограничение времени решения задачи. Логично ожидать, что в ситуации жесткого временного лимита испытуемый просто не успеет решить задачи с не предактивированным решением. В этой ситуации в основной серии можно ожидать большего числа отказов для задач, чьи ответы не были предактивированы в установочной серии. Однако в нашем исследовании ничего подобного не было. Лимит времени для решения составлял 30 с. Среднее время решений задач составляло 3–4 с, а среднее время отказа — 4–5 с. Никаких инструкций, требовавших ускорить решение, испытуемым не сообщалось. Таким образом, предположение о предактивации не объясняет различия в числе добровольных отказов, а значит, для объяснения не подходит.

Целевая установка. Под целевой установкой понимается готовность субъекта совершить то, что сообразно стоящей перед ним цели, т.е. осознанно предвосхищаемому результату действия [3]. В своей книге в качестве примера действия целевой установки А.Г. Асмолов приводит исследование Э.М. Сайпола [31]. В этом исследовании испытуемые были разделены на две группы. В первой группе у испытуемых формировалась установка на восприятие слов из категории “корабли”, а у другой группы формировалась установка на восприятие слов из категории “животные”. Этим испытуемым предъявляли на короткое время осмысленные и бессмысленные слова. Было обнаружено, что при предъявлении бессмысленного слова “sael”, группа с установкой на категорию “животные” ошибочно читали это слово как “seal” (тюлень), в то время как группа с установкой на категорию “корабли” читали его как “sail” (парус) [3].

Можно предположить, что в установочной серии у испытуемых была сформирована целевая установка на получение слов-решений с определенными характеристиками. Влияние этой установки наблюдалось в основной серии. Целевая установка объясняет не только меньшее время решения задач с тремя ограничениями, но и различия в числе добровольных отказов. Последнее можно объяснить тем, что влияние целевой установки проявляется в ситуациях появления препятствия на пути к поставленной цели. В этих случаях установка

проявляется в виде ошибок, связанных с тенденцией к сохранению действия определенной направленности [3]. Подобного рода ошибки были метко названы Э.А. Костандовым “ослеплением предвзятостью” [9].

Подобное “ослепление предвзятостью” описывалось в работах Д.Н. Узнадзе. В одном из экспериментов испытуемым предъявляли несколько десятков бессмысленных слов, написанных латинским шрифтом, которые нужно было прочесть (ridal, daluf, tital и т.д.). После этого испытуемым предъявляли ряд осмысленных русских слов, написанных нейтральным шрифтом, который можно было принять за латинский. Было показано, что под влиянием установки испытуемые не опознавали слова, продолжая читать их как бессмысленные на латинский манер [18].

Можно предположить, что сформированная целевая установка позволяла быстрее находить ожидаемые слова и в силу “ослепления предвзятостью” считать задания с неподходящим типом ответов нерешаемыми. Оценка этому предположению будет дана ниже.

Акцептор будущего решения. Основной гипотезой исследования было предположение о том, что эффект истории при формировании ожидаемых результатов связан с функционированием Акцептора будущего решения.

С этой точки зрения сам механизм решения задачи мог быть описан следующим образом.

1. После нескольких десятков успешных решений задач в установочной серии у участника формировалась совокупность достигнутых результатов решений ассоциативных задач с выбором букв. При этом все результаты обладали схожими ограничениями (левая буква, одушевленность, два слога).

2. Перед решением задачи в контрольной серии у участника формировался АБР. Ограничениями АБР выступали ограничения результатов решений задач установочной серии.

3. При нахождении комплементарного Акцептору слова-решения (решение с тремя ограничениями) задача решалась быстро и число отказов решать было минимально.

4. Если слово-решение было не комплементарным (без ограничений, с двумя или одним ограничением), то в первые моменты времени задача не решалась, а вероятность добровольного отказа была высокой.

5. С течением времени (речь идет о времени порядка секунд-миллисекунд) происходило “угасание” АБР и сопровождающее его уменьшение

числа ограничений Акцептора. В результате те решения, которые ранее не были комплементарны Акцептору, становились комплементарными. Этот процесс приводил к более позднему решению частично комплементарных задач.

Учитывая, что уменьшение ограничений происходит не сразу, а последовательно, одно за одним, предполагалось, что время решения и индекс отказов должны уменьшаться прямо пропорционально числу ограничений в слове-решении. Для индекса решений должна была наблюдаться обратная зависимость.

Полученные данные не подтвердили это предположение. При сопоставлении характеристик решения всех типов задач достоверные отличия от задач других типов демонстрируют лишь задачи с тремя ограничениями. Различий между задачами с меньшим числом ограничений обнаружено не было.

Такие результаты не требуют для своего объяснения введения представлений о АБР. С формальной точки зрения их можно объяснить уже известной и описанной выше теорией целевой установки.

Вместе с тем мы не считаем, что результаты исследования противоречат концепции АБР или опровергают ее. Есть косвенное доказательство, что отсутствие достоверных различий между типами задач связано скорее с недостатками организации эксперимента, нежели с ошибочностью изначальных предположений. Этим доказательством является корреляция между характеристиками решения и числом ограничений в задачах. Число ограничений в слове-решении положительно коррелирует с индексом и временем решения и отрицательно — с индексом добровольных отказов. Если предположить, что решение задач с одним, двумя ограничениями и без ограничений протекает одинаковым образом, то такой корреляции быть не может. Следует также напомнить, что в Эксперименте 1 таких корреляций не наблюдалось.

В ответ на вопрос о том, какие же недостатки в организации эксперимента не позволили получить ожидаемых результатов, можно выделить два главных:

1) недоработка ограничений. Выше уже упоминалось о том, что одно из ограничений (слово-решение задачи должно начинаться с левой буквы) имеет свойство подсказки. Можно предположить, что участники имплицитно учитывали это ограничение, что могло немного “смазать” различия в характеристиках решения между задачами;

2) небольшое количество задач. Стремясь получить однородные группы задач с одинаковыми

характеристиками, мы достаточно жестко отсеивали задачи в Эксперименте 1. Из 387 изначально созданных задач в Эксперимент 2 вошла лишь малая часть из них. Возможно, увеличение числа задач каждой группы может уменьшить влияние фактора индивидуальной вариативности процессов решения и сделать более выраженными главные факторы. Вышеупомянутые недостатки будут исправлены в планируемой работе, связанной с репликацией настоящего исследования.

ВЫВОДЫ

Результаты проведенной работы продемонстрировали, что:

- 1) эффект истории имеет место при формировании ожидаемого результата решения задачи;
- 2) формально механизм эффекта может быть объяснен с позиций теории целевой установки;
- 3) косвенные результаты исследования указывают на то, что механизм эффекта может иметь другую природу и быть связан с механизмами, описанными в модели Акцептора будущего решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Ю.И., Шевченко Д.Г. Научная школа “Системная психофизиология” // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 93–100.
2. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы. М.: Наука, 1980. 196 с.
3. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М.: Изд-во МГУ, 1979. 151 с.
4. Владимиров И.Ю., Карпов А.В., Лазарева Н.Ю. Роль управляющего контроля и подчиненных систем рабочей памяти в формировании эффекта серии // Экспериментальная психология. 2018. Т. 11. № 3. С. 36–50. DOI: 10.17759/exppsy.2018110303
5. Деева Т.М., Козлов Д.Д. Формирование абстрактного знания при имплицитном усвоении схемы решения анаграмм // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 1. С. 95–107. DOI: 10.17759/exppsy.2021140103
6. Дункер К. Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления / Под ред. А.М. Матюшкина. М.: Прогресс, 1965. С. 86–234.
7. Койфман А.Я. Установка и неосознаваемый семантический прайминг: разные термины или разные феномены? // Российский журнал когнитивной науки. 2016. Т. 3. № 4. С. 45–62. URL: <http://cogjournal.org/3/4/pdf/KoyfmanRJCS2016.pdf>

8. Коровкин С.Ю. Роль антиципации и ожиданий в инсайтном решении // Психологические исследования. 2021. Т. 14. № 76. С. 5. URL: <http://psystudy.ru>
9. Костандов Э.А. Психофизиология сознания и бессознательного. СПб.: Питер, 2004. 166 с.
10. Куделькина Н.С., Агафонов А.Ю. Динамические прайминг-эффекты: исследование регуляции неосознаваемой семантической чувствительности // По обе стороны сознания. Экспериментальные исследования по когнитивной психологии / Ред. А.Ю. Агафонов. Самара: Изд. дом "Бахрах-М", 2012. С. 63–94.
11. Лантева Е.М. Движения глаз как индикатор знания ответа при решении анаграмм // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 3. С. 41–53. DOI: 10.17759/exppsy.2016090304
12. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка. М.: Азбуковник, 2009. 1087 с.
13. Медынцева А.А. Акцептор будущего решения как механизм решений задач // Психология познания: низкоуровневые и высокоуровневые процессы: Материалы Всероссийской научной конференции. Ярославль: Филигрань, 2021. С. 145–154.
14. Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976. 302 с.
15. Спиридонов В.Ф. Прайминг и установка на материале решения мыслительных задач // Российский журнал когнитивной науки. 2017. Т. 4. № 1. С. 44–51. URL: <https://cogjournal.org/4/1/pdf/SpiridonovRJCS2017.pdf>
16. Спиридонов В.Ф., Абисалова Е.А. Изменение показателей креативности с помощью семантического прайминга // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 3. С. 122–130.
17. Тихомиров О.К. Информационная и психологическая теория мышления // Вопросы психологии. 1974. № 1. С. 40–48.
18. Узнадзе Д.Н. Психология установки. М.-СПб.: Питер, 2001. 414 с.
19. Ammalainen A., Moroshkina N. The effect of true and false unreportable hints on anagram problem solving, restructuring, and the Aha!-experience // Journal of Cognitive Psychology. 2021. V. 33. № 6–7. P. 644–658. DOI: 10.1080/20445911.2020.1844722
20. Ammalainen A., Moroshkina N. Where does Eureka come from? The effect of unreportable hints on the phenomenology of insight // Journal of Intelligence. 2022. V. 10. № 4. P. 110. DOI: 10.3390/jintelligence10040110
21. Birch H.G., Rabinowitz H.S. The negative effect of previous experience on productive thinking // Journal of Experimental Psychology. 1951. V. 41 (2). P. 121–125. DOI: 10.1037/h0062635
22. Bonin P., Boyer B., Méot A. et al. Psycholinguistic norms for action photographs in French and their relationships with spoken and written latencies // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. 2004. V. 36 (1). P. 127–139.
23. Grimmer H., Laukkonen R., Tangen J., Von Hippel W. Eliciting false insights with semantic priming // Psychonomic Bulletin & Review. 2022. V. 29 (3). P. 954–970. DOI: 10.3758/s13423-021-02049-x
24. Helson H., Nash M.C. Anchor, contrast, and paradoxical distance effects // Journal of Experimental Psychology. 1960. V. 59. P. 113–121. DOI: 10.1037/h0048503
25. Knoblich G., Ohlsson S., Haider H., Rhenius D. Constraint relaxation and chunk decomposition in insight problem solving // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1999. V. 25 (6). P. 1534–1555. DOI: 10.1037/0278-7393.25.6.1534
26. Liu D., Hao L., Han L. et al. The optimal balance of controlled and spontaneous processing in insight problem solving: fMRI evidence from Chinese idiom guessing // Psychophysiology. 2023. V. 60 (7). P. e14240. DOI: 10.1111/psyp.14240
27. Luchins A.S., Luchins E.H. Rigidity of behavior: A variational approach to the effect of Einstellung. Eugene, OR: University of Oregon Books, 1959. 623 p.
28. Öllinger M., Jones G., Faber A., Knoblich G. Cognitive mechanisms of insight: The role of heuristics and representational change in solving the eight-coin problem // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 2013. V. 39 (3). P. 931–939. DOI: 10.1037/a0029194
29. Ormerod T.C., MacGregor J.N., Chronicle E.P. Dynamics and constraints in insight problem solving // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 2002. V. 28 (4). P. 791–799. DOI: 10.1037/0278-7393.28.4.791
30. Savinova A., Padalka J., Makarov I., Korovkin S. Tracing executive functions in insight // The Journal of General Psychology. 2024. V. 151 (2). P. 87–111. DOI: 10.1080/00221309.2023.2218636
31. Siipola E.M. A group study of some effects of preparatory set // Psychological Monographs. 1935. V. 46 (6). P. 27–38. DOI: 10.1037/h0093376
32. Wiley J. Expertise as mental set: The effects of domain knowledge in creative problem solving // Memory & Cognition. 1998. V. 26 (4). P. 716–730. DOI: 10.3758/bf03211392

THE ROLE OF THE “HISTORY EFFECT” IN THE FORMATION OF THE EXPECTED RESULT IN THE PROBLEM-SOLVING PROCESS^{3,4}

A. A. Medyntsev

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bld. 1, Russia.*

*PhD (Psychology), Researcher of laboratory of psychology and psychophysiology of creativity.
E-mail: medintseff@yandex.ru*

Received 30.09.2023

Abstract. The study examined the relationship between the “history effect” in the formation of expected results and the problem-solving process. During the study subjects solved “associative problems with letter choice”. Each task had one solution word. The problems were presented to the subjects in two series — the set series and the control series. In the set series, the subjects were presented problems in which solution words had similar characteristics. In the control series, the subjects were presented problems in which solution words were similar to the solution words of the set series, problems in which solution words were partially similar, and problems in which solution words not similar at all. It was hypothesized that during solving problems in the set series, subjects formed an expected result of solution, which would affect the solving process in the control series. The results of the study confirmed this hypothesis. The results can be explained from A.G. Asmolov’s goal setting theory. However, there are indirect indications that the mechanism of this effect may have a different nature.

Keywords: acceptor of the future solution, associative task, semantic priming, goal setting, history effect.

REFERENCES

1. *Aleksandrov Yu.I., Shevchenko D.G.* Nauchnaya shkola “Sistemnaya psikhofiziologiya”. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2004. V. 25. № 6. P. 93–100. (In Russian)
2. *Anokhin P.K.* *Uzlovye voprosy teorii funktsional’noi sistemy*. Moscow: Nauka, 1980. 196 p. (In Russian)
3. *Asmolov A.G.* *Deyatel’nost’ i ustanovka*. Moscow: Publ. MSU, 1979. 151 p. (In Russian)
4. *Vladimirov I.Yu., Karpov A.V., Lazareva N.Yu.* Rol’ upravlyayushchego kontrolya i podchinennykh sistem rabochei pamyati v formirovanii efekta serii. *Ekspperimental’naya psikhologiya*. 2018. V. 11. № 3. P. 36–50. DOI: 10.17759/exppsy.2018110303 (In Russian)
5. *Deeva T.M., Kozlov D.D.* Formirovanie abstraktnogo znaniya pri implitsitnom usvoenii skhemy resheniya anagram. *Ekspperimental’naya psikhologiya*. 2021. V. 14. № 1. P. 95–107. DOI: 10.17759/exppsy.2021140103 (In Russian)
6. *Dunker K.* *Psikhologiya produktivnogo (tvorcheskogo) myshleniya*. In: *Psikhologiya myshleniya*. Ed. A.M. Matyushkin. Moscow: Progress, 1965. P. 86–234. (In Russian)
7. *Koifman A.Ya.* *Ustanovka i neosoznavaemyi semanticheskii praiming: raznye terminy ili raznye fenomeny?* Rossiiskii zhurnal kognitivnoi nauki. 2016. V. 3. № 4. P. 45–62. URL: <http://cogjournal.org/3/4/pdf/KoifmanRJCS2016.pdf> (In Russian)
8. *Korovkin S.Yu.* Rol’ antitsipatsii i ozhidaniy v insaitnom reshenii. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2021. V. 14. № 76. P. 5. URL: <http://psystudy.ru> (In Russian)
9. *Kostandov E.A.* *Psikhofiziologiya soznaniya i bessoznatel’nogo*. St. Petersburg: Piter, 2004. 166 p. (In Russian)
10. *Kudel’kina N.S., Agafonov A. Yu.* Dinamicheskie praiming-effekty: issledovanie regulyatsii neosoznavaemoi semanticheskoi chuvstvitel’nosti. In: *Po obe storony soznaniya. Ekspperimental’nye issledovaniya po kognitivnoi psikhologii*. Ed. A.Yu. Agafonov. Samara: Publ. house “Bakhrakh-M”, 2012. P. 63–94. (In Russian)
11. *Lapteva E.M.* Dvizheniya glaz kak indikator znaniya otveta pri reshenii anagram. *Ekspperimental’naya psikhologiya*. 2016. V. 9. № 3. P. 41–53. DOI: 10.17759/exppsy.2016090304 (In Russian)
12. *Lyashevskaya O.N., Sharov S.A.* *Chastotnyi slovar’ sovremennogo russkogo yazyka*. Moscow: Azbukovnik, 2009. 1087 p. (In Russian)
13. *Medyntsev A.A.* *Aktseptor budushchego resheniya kak mekhanizm reshenii zadach. Psikhologiya poznaniya: nizkourovnevye i vysokourovnevye protsessy: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Yaroslavl’: Filigran’, 2021. P. 145–154. (In Russian)*
14. *Ponomarev Ya.A.* *Psikhologiya tvorchestva*. Moscow: Nauka, 1976. 302 p. (In Russian)

³ The data were collected jointly with M.I. Levshina.

⁴ The study was funded by the RSF, grant No. 22-28-01371, <https://rscf.ru/en/project/22-28-01371/>

15. *Spiridonov V.F.* Praiming i ustanovka na materiale resh-eniya myslitel'nykh zadach. Rossiiskii zhurnal kognitivnoi nauki. 2017. V. 4. № 1. P. 44–51. URL: <https://cogjournal.org/4/1/pdf/SpiridonovRJCS2017.pdf> (In Russian)
16. *Spiridonov V.F., Abisalova E.A.* Izmenenie pokazatelei kreativnosti s pomoshch'yu semanticheskogo praiminga. Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2012. V. 9. № 3. P. 122–130. (In Russian)
17. *Tikhomirov O.K.* Informatsionnaya i psikhologicheskaya teoriya myshleniya. Voprosy psikhologii. 1974. № 1. P. 40–48. (In Russian)
18. *Uznadze D.N.* Psikhologiya ustanovki. Moscow; St. Petersburg: Piter, 2001. 414 p. (In Russian)
19. *Ammalainen A., Moroshkina N.* The effect of true and false unreportable hints on anagram problem solving, restructuring, and the Aha!-experience. Journal of Cognitive Psychology. 2021. V. 33. № 6–7. P. 644–658. DOI: 10.1080/20445911.2020.1844722
20. *Ammalainen A., Moroshkina N.* Where does Eureka come from? The effect of unreportable hints on the phenomenology of insight. Journal of Intelligence. 2022. V. 10. № 4. P. 110. DOI: 10.3390/jintelligence10040110
21. *Birch H.G., Rabinowitz H.S.* The negative effect of previous experience on productive thinking. Journal of Experimental Psychology. 1951. V. 41 (2). P. 121–125. DOI: 10.1037/h0062635
22. *Bonin P., Boyer B., Méot A. et al.* Psycholinguistic norms for action photographs in French and their relationships with spoken and written latencies. Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. 2004. V. 36 (1). P. 127–139.
23. *Grimmer H., Laukkonen R., Tangen J., Von Hippel W.* Eliciting false insights with semantic priming. Psychonomic Bulletin & Review. 2022. V. 29 (3). P. 954–970. DOI: 10.3758/s13423-021-02049-x
24. *Helson H., Nash M.C.* Anchor, contrast, and paradoxical distance effects. Journal of Experimental Psychology. 1960. V. 59. P. 113–121. DOI: 10.1037/h0048503
25. *Knoblich G., Ohlsson S., Haider H., Rhenius D.* Constraint relaxation and chunk decomposition in insight problem solving. Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1999. V. 25 (6). P. 1534–1555. DOI: 10.1037/0278-7393.25.6.1534
26. *Liu D., Hao L., Han L. et al.* The optimal balance of controlled and spontaneous processing in insight problem solving: fMRI evidence from Chinese idiom guessing. Psychophysiology. 2023. V. 60 (7). P. e14240. DOI: 10.1111/psyp.14240
27. *Luchins A.S., Luchins E.H.* Rigidity of behavior: A variational approach to the effect of Einstellung. Eugene, OR: University of Oregon Books, 1959. 623 p.
28. *Öllinger M., Jones G., Faber A., Knoblich G.* Cognitive mechanisms of insight: The role of heuristics and representational change in solving the eight-coin problem. Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 2013. V. 39 (3). P. 931–939. DOI: 10.1037/a0029194
29. *Ormerod T.C., MacGregor J.N., Chronicle E.P.* Dynamics and constraints in insight problem solving. Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 2002. V. 28 (4). P. 791–799. DOI: 10.1037//0278-7393.28.4.791
30. *Savinova A., Padalka J., Makarov I., Korovkin S.* Tracing executive functions in insight. The Journal of General Psychology. 2024. V. 151 (2). P. 87–111. DOI: 10.1080/00221309.2023.2218636
31. *Siipola E.M.* A group study of some effects of preparatory set. Psychological Monographs. 1935. V. 46 (6). P. 27–38. DOI: 10.1037/h0093376
32. *Wiley J.* Expertise as mental set: The effects of domain knowledge in creative problem solving. Memory & Cognition. 1998. V. 26 (4). P. 716–730. DOI: 10.3758/bf03211392

УДК 159.955

РАЗВИТИЕ МЕНТАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ¹

© 2024 г. А. О. Прохоров*, А. В. Чернов**

*Институт психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета;
420008, г. Казань, Кремлевская ул., д. 18, Россия.*

**Доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии.*

E-mail: alprokhor1011@gmail.com

***Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии.*

E-mail: albertprofit@mail.ru

Поступила 21.05.2024

Аннотация. Статья посвящена проблеме ментальной регуляции психических состояний студентов в ходе обучения в вузе. Данная работа опирается на разрабатываемую авторами концептуальную модель структурно-функциональной организации ментальной регуляции психических состояний. Цель исследования — выявить характер динамики ментальной регуляции психических состояний студентов от начального к завершающему этапу обучения в вузе. Основная гипотеза состоит в том, что в процессе обучения в вузе происходит развитие системы ментальной регуляции психических состояний студентов, что связано с включением ментальных структур (рефлексии, системы “Я”, смысложизненных ориентаций) в выбор способов и приемов саморегуляции состояний. Исследование осуществлялось на начальном и завершающем этапах обучения студентов в повседневной и напряженной ситуациях учебной деятельности и охватывает временной диапазон 2019–2023 гг. Для целей исследования было отобрано 39 человек, обучающихся на I и IV курсах обучения. Для изучения психических состояний, способов и эффективности их саморегуляции были использованы известные валидные методики и специально разработанные анкеты. Ментальные структуры, а также регуляторные свойства личности изучались вне ситуаций учебной деятельности на I (в 2019 г.) и IV (в 2023 г.) курсах обучения. В результате исследования установлено, что независимо от ситуации учебной деятельности к старшему курсу обучения психические состояния приобретают большую устойчивость (равновесность), которая связана с эффективностью саморегуляции состояний. Динамические изменения ментальных структур от начального курса обучения к завершающему проявляются в увеличении интенсивности их проявлений по всем основным показателям. Установлено, что в обеих ситуациях у студентов в процессе обучения происходит увеличение включенности ментальных структур (прежде всего рефлексивных) и регуляторных свойств в управление психическими состояниями. В каждой ситуации учебной деятельности и на каждом этапе обучения выявлены ведущие структуры сознания, определяющие выбор способов саморегуляции, связанные с подструктурами психических состояний. Также установлено, что от начального курса обучения к завершающему происходит увеличение числа применяемых способов саморегуляции состояний и их взаимосвязей с ментальными структурами и регуляторными свойствами личности, что свидетельствует о развитии системы ментальной регуляции психических состояний студентов. Полученные результаты дополняют ранее выявленные данные и согласуются с разрабатываемой моделью структурно-функциональной организации ментальной регуляции психических состояний.

Ключевые слова: психическое состояние, ментальные структуры, регуляция, рефлексия, динамика.

DOI: 10.31857/S0205959224030044

Субъектно-процессуальный подход к изучению психических состояний предполагает исследование психологических механизмов актуализации состояний, их изменений и процессуальных характеристик

в динамике жизнедеятельности субъекта. Теоретические разработки положений этого подхода и экспериментальные исследования позволили обнаружить ряд важных закономерностей психической активности субъекта. К ним относятся закономерности развития субъекта на всем протяжении онтогенеза человека, выделение уровней развития:

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00232.

от протоуровней до интегративной субъектности [22], характеристики субъектности, которые могут быть описаны как субъект развития — субъект деятельности — субъект жизни, и др. [21].

Близкие позиции характерны для динамического подхода Л.И. Анциферовой [3; 4], согласно которому направление исследования личности имплицитно предполагает ее включенность в процесс деятельности и жизнедеятельности в целом. Л.И. Анциферова предлагает динамическую модель развертывания личности в ходе деятельности. Она отмечает, что личность, включаясь в деятельность, “...как бы создает себя в этой социальной форме жизни, проявляясь и развиваясь” [3, с. 11]. В свою очередь, развитие личности характеризуется динамичностью и процессуальностью, где динамичность рассматривается как способность к движению, в то время как процессуальность трактуется как ее способность к перманентному преобразованию себя, который выступает как внутренний механизм эволюции личности, порождаемый ее процессуальной природой [9].

С этих позиций изучение роли ментальных структур в обусловливании процессуальных характеристик состояний, их изменений, динамики и направленности в процессе актуальной жизнедеятельности позволит объяснить закономерности изменений состояний субъекта.

Разрабатываемая нами концепция ментальной регуляции психических состояний содержит в себя следующие составляющие: ситуация/событие — структуры сознания — операциональные средства саморегуляции — динамика состояний [14; 16]. Составляющими концепции являются структуры сознания: репрезентации, рефлексия, переживания, смысловые структуры, ментальный (субъективный) опыт), система “Я” и внешние факторы: ситуации, пространство культуры, образ жизни, темпоральные характеристики и социально-психологические факторы) вкупе с регуляторными действиями и обратной связью. Отметим, что данные составляющие рассматриваются как психические структуры, составляющие содержание сознания субъекта.

Включенность структур сознания в ситуациях жизнедеятельности проявляется в актуализации психического состояния определенного качества, в использовании наиболее часто употребляемых способов и приемов регуляции состояний, “наработанных” или “выработанных”, либо стихийно сложившихся в ходе освоения деятельности и жизнедеятельности в целом, а также в организации “упорядоченных” структур сознания, образующих функциональный комплекс, “настроенный” на регуляцию состояний определенного качества,

модальности и интенсивности. Она (организация) формируется в связи со спецификой комплексов (блоков), состоящих из состояний, средств регуляции и ментальных структур, образующихся в диапазоне текущего времени и в условиях повторяющихся ситуаций жизнедеятельности.

В функциональном плане в основании саморегуляции находятся механизмы регуляции отдельного психического состояния [15]. Достижение цели — желаемого состояния — связано с включенностью в регуляторный процесс ментальных структур и осуществляется через цепь переходных состояний. Переход от состояния к состоянию реализуется при использовании различных психорегулирующих приемов и средств. Информация о достижении желаемого состояния осуществляется при помощи обратной связи. В ходе применения способов регуляции происходит перестройка семантических пространств, что отражает динамические изменения состояний субъекта. Процесс саморегуляции представляет собой цепь переходных состояний, обязательным звеном которых является переход через относительно равновесные состояния. Центральным механизмом саморегуляции являются “перекрывающиеся” составляющие (операнты), характерные для семантических пространств состояний, близких по модальности, качеству и энергетическому уровню. Регуляция совершается при активном участии психических процессов с опорой на психологические свойства (темперамент, характер, способности и пр.).

Регуляторный процесс реализуется в конкретной социальной среде на фоне культуральных, этнических, профессиональных и других влияний, в определенной социальной ситуации жизнедеятельности: экономической, юридической, связанной с местом субъекта в малой группе: его социальными ролями, статусами и пр., опосредуется характерным для него образом жизни [19]. “Развертывание” регуляторного процесса, а также его параметры и их изменения в жизнедеятельности определяются спецификой профессиональной деятельности и субъектно-личностными особенностями человека [7].

В отечественной психологии динамике психических состояний посвящены работы Т.Н. Савченко [20]. Автором в течение 24-часового цикла изучалась зависимость изменений в эмоциональном состоянии испытуемых от предыдущих и пролонгированных состояний, личностных характеристик и характеристик рабочих ситуаций. В исследовании Л.С. Улановской [23] выявлено, что на каждом курсе обучения у студентов внутри типа индивидуального стиля саморегуляции психического состояния

вырабатывается собственная модель структуры, которая связана как с ориентацией личности на самопознание, так и с процессом адаптации и динамикой выдвижения на первый план зависимостей от разных доминирующих психических состояний.

На сегодняшний день активно разрабатывается проблема исследования динамики эмоциональных явлений и ее представленности в сознании. Описаны эмпирические особенности ментальных репрезентаций динамики эмоций радости и печали [1]. Показана зависимость динамики психических состояний от различных способов предъявления информации обучающимся [6], а также от применения VR-технологий, которые способствуют повышению уровня активации, возбуждения, тонуса, самочувствия, астенического состояния и эйфории, продуктивной учебной и познавательной мотивации [2].

В зарубежных исследованиях большое внимание уделяется вопросу ментальной составляющей регуляции эмоциональных состояний. В частности, было показано, что собственная рефлексия позволяет человеку регулировать широкий спектр своих психических состояний в процессе размышления о негативном опыте [30]. В другом исследовании составляющие Я-концепции отрицательно коррелировали с негативными эмоциями студентов, однако психологическая устойчивость личности и способы саморегуляции частично нивелировали данную взаимосвязь, снижая интенсивность негативных переживаний [34]. Схожие результаты, демонстрирующие устойчивую положительную взаимосвязь между компонентами системы “Я”, поведением, эмоциональными состояниями и их регуляцией, показаны и в других работах [26]. По мнению ряда авторов, знание о характере динамики психических состояний даст возможность превосходить психические состояния других людей [32] и может стать предопределяющим фактором успешного взаимодействия с внешним социальным миром [29; 33]. В другом исследовании представлены динамические профили различных психических состояний подростков, которые отражают индивидуальные различия в регуляции эмоциональных переживаний на основе социального опыта взаимодействия [31]. Отметим, что в зарубежной литературе “саморегуляция” чаще всего трактуется как интегративное образование и важный аспект функционирования человека, который помогает достижению личных целей [28], а также выступает в качестве условия психологического благополучия личности [27].

С учетом имеющихся в психологической литературе сведений о динамике психических состояний

и разрабатываемой нами концепции ментальной регуляции было проведено данное исследование.

МЕТОДИКА

Цель исследования — выявить характер динамики ментальной регуляции психических состояний студентов от начального к завершающему этапу обучения в вузе.

В ходе исследования решался ряд задач:

1) выявить динамику составляющих психических состояний и эффективность их саморегуляции в повседневных (на лекциях) и напряженных (на экзаменах) ситуациях на начальном и завершающем этапах обучения в вузе;

2) установить особенности изменения составляющих ментальной регуляции психических состояний от первого курса обучения к четвертому;

3) выделить системообразующие показатели ментальных структур (рефлексии, системы “Я”, смысловых ориентаций) и регуляторных свойств, определяющих выбор операциональных средств саморегуляции в различных по напряженности ситуациях на разных стадиях обучения;

4) установить способы и приемы саморегуляции, связанные как с ментальными структурами и регуляторными свойствами личности, так и с подструктурами психических состояний в различных ситуациях и на разных этапах обучения.

Гипотеза данного исследования. В ходе обучения в вузе происходит развитие системы ментальной регуляции психических состояний студентов, связанное с включением ментальных структур (рефлексии, системы “Я”, смысловых ориентаций) в выбор способов и приемов саморегуляции состояний.

Процедура и участники исследования. Данное исследование осуществлялось в несколько этапов. На первом этапе исследования, который проводился в ноябре 2019 — январе 2020 г., были диагностированы психические состояния и эффективность их саморегуляции, а также применяемые при этом способы и приемы у студентов I курса очного обучения по направлению “Психология” (всего 48 человек, средний возраст — 18 лет). Диагностика осуществлялась отдельно в повседневных (на лекциях) и напряженных (на экзаменах) ситуациях учебной деятельности. Исследование выраженности ментальных структур и регуляторных свойств проводилось отдельно (вне учебной деятельности). На втором этапе (ноябрь 2022 — январь 2023 г.) было проведено повторное исследование в той же

группе испытуемых (всего 49 человек, средний возраст — 21 год) отдельно в повседневной и напряженной ситуациях учебной деятельности. Как и на первом этапе исследования, дополнительно изучалась выраженность ментальных структур и регуляторных свойств студентов. Далее с целью выявления динамики изменения ментальной регуляции психических состояний были выделены студенты, представленные в каждой из двух групп (всего 39 человек). Дальнейший анализ динамики ментальной регуляции психических состояний проводился на данной группе студентов.

Выборка исследования. Было сформировано четыре группы студентов очной формы обучения, в каждой по 39 человек. Данная группа студентов принимала участие в исследованиях (повседневная и напряженная ситуации) на I и IV курсах обучения. В выборку вошли 34 девушки и 5 юношей (средний возраст: I курс — 18.3 года; IV курс — 21.3 года).

Методики исследования. Для изучения психических состояний, способов и эффективности их саморегуляции в каждой из ситуаций учебной деятельности (повседневной и напряженной) были использованы следующие методики и специально разработанные анкеты (на I и IV курсе обучения отдельно):

1) методика “Рельеф психического состояния личности (краткий вариант)” А.О. Прохорова и М.Г. Юсупова [18];

2) опросник “Эффективность саморегуляции психических состояний” А.Н. Назарова и А.О. Прохорова [12]. Методика дает возможность оценить эффективность саморегуляции отдельных подструктур состояний и психических состояний в целом;

3) авторская анкета диагностики способов саморегуляции психических состояний, включающая 35 показателей и позволяющая определить частоту использования различных способов и приемов саморегуляции.

С целью изучения выраженности ментальных структур (рефлексии, системы “Я” и смысловых ориентаций), а также регуляторных свойств отдельно (вне ситуаций учебной деятельности и на разных этапах обучения) применялись следующие методики:

1) опросник “Стиль саморегуляции поведения” (ССПМ-1998) В.И. Моросановой [11];

2) “Методика диагностики рефлексивных процессов: распознавания, осознания и идентификации” А.О. Прохорова и А.В. Чернова [17];

3) методика диагностики индивидуального уровня рефлексивности А.В. Карпова и В.В. Пономаревой [8];

4) тест смысловых ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева [10];

5) “Методика исследования самоотношения” (МИС) С.Р. Пантеева [13];

6) методика “Самооценка уровня онтогенетической рефлексии” Н.П. Фетискина, В.В. Козлова и Г.М. Мануйлова [24].

В ходе исследования применялись следующие методы математико-статистического анализа данных: анализ средних значений, *T*-критерий Стьюдента для связанных выборок, корреляционный анализ методом Спирмена. По результатам анализа взаимосвязей показателей высчитывался индекс организованности (ИОС), когерентности (ИКС) и дифференцированности (ИДС) структур (по А.В. Карпову), где связям на уровне статистической значимости $p \leq 0.05$ приписывался 1 балл, $p \leq 0.01$ — 2 балла и $p \leq 0.001$ — 3 балла. Анализ полученных данных проводился с использованием программы SPSS 23.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На первом этапе исследования были выявлены различия в переживаемых состояниях студентами на I и IV курсах обучения как в повседневной (лекция), так и в напряженной (экзамен) ситуациях учебной деятельности. Обнаруженные различия имеют разную направленность в повседневной и напряженной ситуациях: у студентов к старшему курсу обучения в ситуации лекции происходит снижение активности составляющих психических состояний, в то время как в напряженной ситуации наблюдается возрастание интенсивности ряда показателей (рис. 1). Отметим, что и сами состояния к заключительному курсу обучения приобретают большую устойчивость (равновесность); характеризуются умеренным уровнем проявления активности (преобладают состояния спокойствия, уверенности, размышления). Так, в повседневной ситуации от I курса к IV происходит снижение активности когнитивных процессов ($t_{\text{эмп}} = 3.269$, $p \leq 0.01$), интенсивности переживания ($t_{\text{эмп}} = 2.136$, $p \leq 0.05$) и психических состояний в целом ($t_{\text{эмп}} = 3.148$, $p \leq 0.01$). В свою очередь, в ситуации экзамена представлена иная картина. Здесь значимые различия обнаружены по показателю интенсивности переживаний ($t_{\text{эмп}} = -2.640$, $p \leq 0.05$), причем их активность возрастает от младшего курса к старшему (с 5.4 до 6.4 балла). Различия

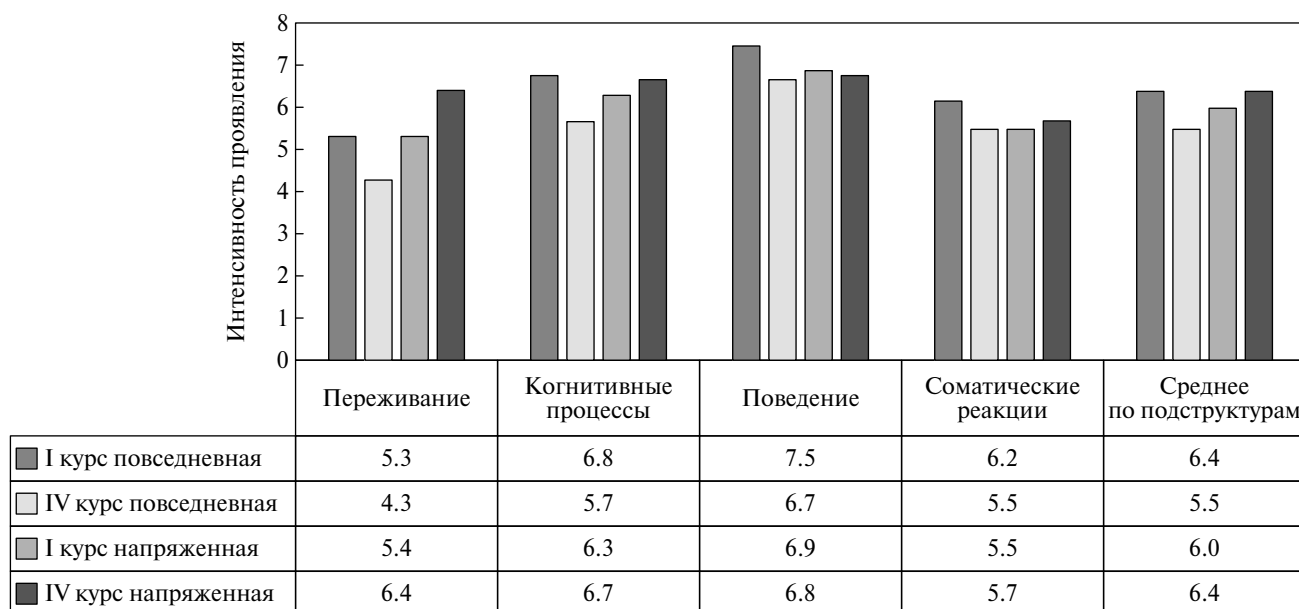

Рис. 1. Интенсивность проявления подструктур психических состояний студентов в повседневных и напряженных ситуациях на разных этапах обучения

в выраженности остальных составляющих не достигают необходимого уровня значимости.

Далее был проведен корреляционный анализ с целью соотнесения интенсивности переживаемых студентами состояний и субъективной эффективности их саморегуляции. Выявлено, что интенсивность психических состояний связана с эффективностью саморегуляции независимо от этапа обучения. Однако если в повседневной ситуации обучения эффективность саморегуляции связана с подструктурами переживания, а также когнитивных процессов (на старшем) и поведения (на младшем курсе), то в напряженной ситуации экзамена субъективная продуктивность регуляции состояний коррелирует со всеми показателями психических состояний.

Обратимся к результатам сравнения выраженности ментальных структур на разных этапах обучения студентов (табл. 1). Было выявлено, что от начального этапа обучения к завершающему, помимо

динамики интенсивности переживаемых состояний, происходят значимые изменения и в выраженности ментальных структур. Отметим, что динамика изменений связана с увеличением проявления по всем основным показателям (рефлексии, самоотношения, смысловых структур).

Как показано в табл. 1, наиболее значимые различия были обнаружены в составляющих самоотношения: у студентов к IV курсу возрастает уверенность в себе, ощущение ценности собственной личности, а также всестороннее принятие себя, своих достоинств и недостатков. Кроме того, у студентов по мере обучения в вузе растет и уверенность в собственной способности вызывать симпатию у других. Рост выраженности показателей демонстрируют и смысловые структуры. Последнее в наибольшей степени характерно для локуса контроля ($p \leq 0.001$), проявляющегося в убежденности контролировать собственную жизнь, и общего

Таблица 1. Динамика изменений средних значений выраженности ментальных структур студентов от начального курса обучения к завершающему

Ментальные структуры	I курс	Значимость различий	IV курс
Рефлексия состояния	51.7	$p \leq 0.011$	55.9
Уверенность в себе	7.5	$p \leq 0.001$	11.1
Саморуководство	6.3	$p \leq 0.001$	8.1
Отраженное самоотношение	6.3	$p \leq 0.049$	7.3
Самоценность	7.3	$p \leq 0.001$	10.9
Самопринятие	6.5	$p \leq 0.001$	8.7
Процесс жизни	25.8	$p \leq 0.023$	29.3
Результативность жизни	22.5	$p \leq 0.048$	25.4
Локус контроля — жизнь	25.6	$p \leq 0.001$	31.6
Смыслоразнонаправленность	87.5	$p \leq 0.005$	100.2

уровня осмысленности жизни ($p \leq 0.01$). Уровень рефлексивности у студентов меняется в меньшей степени, и значимые различия обнаружены лишь по показателю рефлексии собственного состояния ($p \leq 0.05$).

Для выявления динамики изменений взаимосвязей ментальных структур, регуляторных свойств и способов саморегуляции у студентов от начального курса обучения к завершающему в различных по напряженности ситуациях учебной деятельности был осуществлен корреляционный анализ данных. Далее высчитывался индекс организованности (ИОС) для каждой составляющей ментальной структуры и регуляторных свойств (методом А.В. Карпова), где связям на уровне статистической значимости $p \leq 0.05$ приписывался 1 балл, $p \leq 0.01$ — 2 балла и $p \leq 0.001$ — 3 балла. Каждую из четырех выборок составили 39 студентов. Результаты представлены в табл. 2.

Как показано в табл. 2, в целом у студентов от первого курса к четвертому происходит увеличение включенности ментальных структур и регуляторных свойств в саморегуляцию психических состояний как в повседневной, так и в напряженной ситуациях учебной деятельности. В повседневной ситуации включенность ментальных структур увеличивается с 123 до 192 баллов (по ИОС), что в первую очередь обусловлено значительным усилением роли рефлексии в выборе соответствующих ситуации способов и приемов саморегуляции. В свою очередь, в напряженной ситуации экзамена взаимосвязь ментальных структур и способов саморегуляции возрастает почти в 4 раза (с 69 до 269 баллов). Последнее также в значительной степени связано с ростом значимости рефлексивных структур в регуляторном процессе у старшекурсников. Кроме того, на передний план выходят регуляторные свойства личности (в особенности гибкость и оценка результатов) и составляющие

системы “Я” у студентов (прежде всего, высокая уверенность в себе и низкая внутренняя конфликтность). Включенность смысловых структур в регуляторный процесс обнаруживает тенденцию к снижению от первого года обучения к четвертому, независимо от напряженности ситуации учебной деятельности.

Далее на основе полученных ИОС в каждой из четырех групп нами были выделены системообразующие показатели ментальных структур и регуляторных свойств личности, связанные с выбором способов и приемов саморегуляции состояний. В свою очередь, были установлены взаимосвязи частоты применения способов и приемов саморегуляции с интенсивностью проявления подструктур психических состояний. На рис. 2–5 представлены взаимодействия ведущих способов саморегуляции с системообразующими показателями ментальных структур, регуляторными свойствами и подструктурами психических состояний в различных ситуациях учебной деятельности на разных этапах обучения студентов.

Обратимся к повседневной ситуации лекционного занятия. Последовательно рассмотрим структуру ментальной регуляции психических состояний на начальном (см. рис. 2) и завершающем (см. рис. 3) этапах обучения. Как показано на рис. 2, значительную роль в выборе способов саморегуляции у студентов-первокурсников играют смысловые структуры, среди которых системообразующим выступает показатель эмоциональной наполненности жизни (процесс жизни). Также при выборе способа саморегуляции большое значение имеют уровень уверенности в себе, рефлексии собственного состояния и способность к выделению значимых условий достижения цели (моделирование).

Среди способов саморегуляции были выделены те, что связаны как с ведущими ментальными структурами, так и с психическими состояниями

Таблица 2. Динамика изменения ИОС составляющих ментальной регуляции состояний и способов саморегуляции от I курса обучения к IV

Ситуация	Ментальные структуры / курс обучения	I курс	IV курс
Обыденная ситуация	Рефлексия	55	96
	Смысловые структуры	26	20
	Система “Я”	11	32
	Регуляторные свойства	31	44
	Итого в повседневной ситуации	123	192
Напряженная ситуация	Рефлексия	16	143
	Смысловые структуры	29	7
	Система “Я”	14	49
	Регуляторные свойства	10	70
	Итого в напряженной ситуации	69	269
Итого		192	461

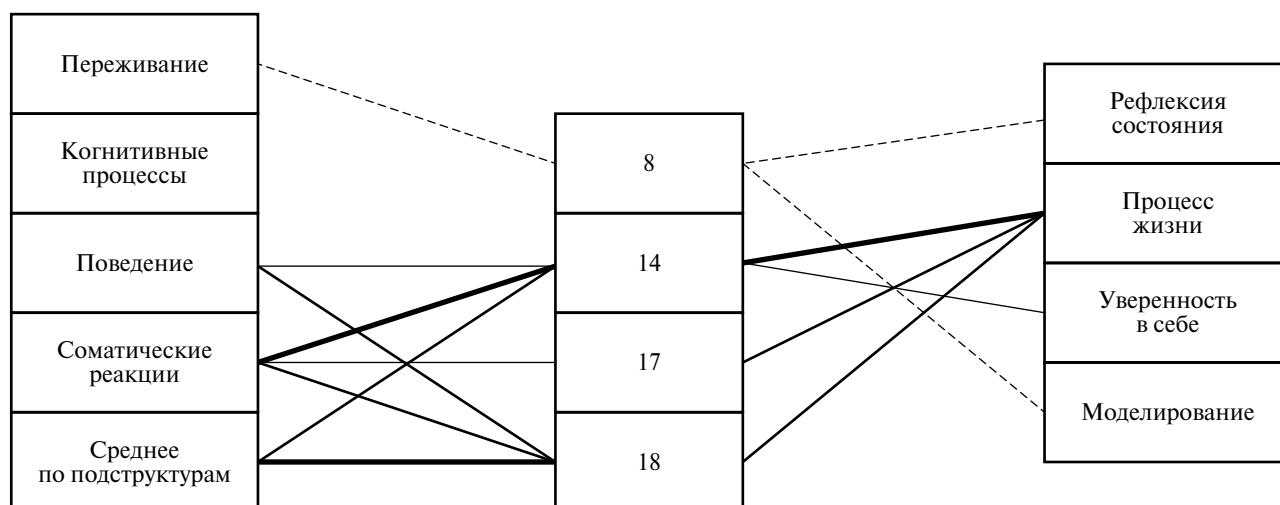

Рис. 2. Ментальная регуляция психических состояний студентов I курса в повседневной ситуации обучения

Условные обозначения. Слева на рисунке представлены подструктуры психических состояний, по центру — способы саморегуляции, справа — ментальные структуры и регуляторные свойства личности; 8 — концентрация внимания на другой деятельности; 14 — самоконтроль; 17 — переустановка на “рабочее” состояние; 18 — использование настроев; ——— $p \leq 0.01$; ——— $p \leq 0.05$; ——— прямые связи; - - - - - обратные связи

студентов. Здесь особенно следует выделить использование самоконтроля и позитивного настроения на деятельность, взаимосвязанную с состояниями студентов-первокурсников в целом. Отметим, что концентрация внимания на другой деятельности коррелирует со снижением интенсивности переживаний на лекции и низким уровнем рефлексии собственного состояния и моделирования.

Иная картина ментальной регуляции состояний представлена в повседневной ситуации у данных студентов на завершающей стадии обучения (рис. 3), где количество взаимосвязей значительно увеличивается. Возрастание индекса организованности структур связано с высокой ролью рефлексии состояния, ощущением ценности собственной личности, а также способностью к планированию. Отметим, что смыслы, связанные с эмоциональной насыщенностью жизни, по-прежнему остаются значимыми при выборе способов саморегуляции состояний.

Как показано на рис. 3, набор применяемых способов саморегуляции тоже меняется: здесь наибольшее значение имеют ментальные способы саморегуляции, такие как размышление/рассуждение, перестройка планирования, применение рациональных действий. Акцент взаимосвязей способов саморегуляции и подструктур состояний у студентов на завершающем курсе обучения на лекции смещается с соматических реакций на активность когнитивных процессов. Отметим и обратное влияние пассивных форм регуляции на активность переживаний и соматических реакций у студентов.

Далее рассмотрим динамику ментальной регуляции состояний в напряженной ситуации экзамена. На I курсе (рис. 4) количество способов, применяемых студентами, незначительно: ведущими среди них выступают “Повышение собственной мотивации” и “Изменение отношения к ситуации”. Негативное влияние на выбор отмеченных способов регуляции оказывает наличие у студентов-первокурсников высокого уровня самообвинения и рефлексии прошлого опыта сдачи экзамена. При этом интернальный локус контроля и гибкость поведения, наоборот, способствуют актуализации продуктивных способов саморегуляции.

Взаимодействие психических состояний и способов саморегуляции представлено в основном подструктурой соматических процессов, а также переживанием. Указанные компоненты состояний напрямую связаны со способами и приемами саморегуляции. Узкий набор способов саморегуляции, вкупе с незначительным их применением в стрессовой ситуации экзамена, а также низкая включенность ментальных структур в выбор способов саморегуляции свидетельствует о несформированности целостной системы ментальной регуляции психических состояний у студентов на начальном этапе обучения.

Тем не менее к старшему курсу обучения число применяемых в напряженной ситуации способов саморегуляции резко возрастает (рис. 5), значительно увеличивается включенность ментальных структур в их выбор. В этом случае системообразующими показателями становятся способность студентов к рефлексии собственных состояний

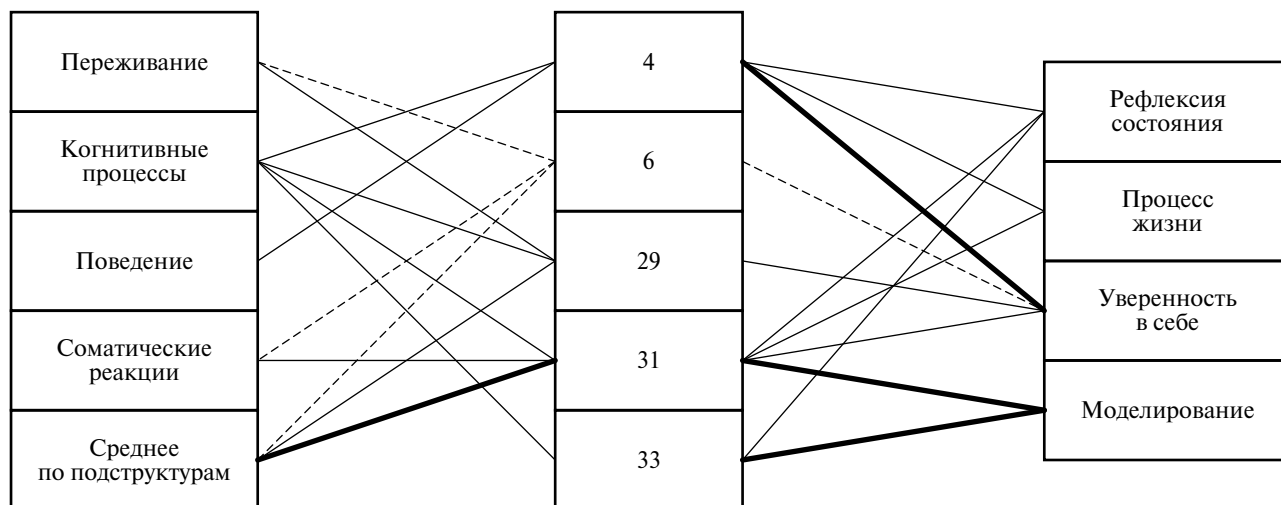

Рис. 3. Ментальная регуляция психических состояний студентов IV курса в повседневной ситуации обучения

Условные обозначения. 4 — рациональные действия; 6 — пассивная разрядка; 29 — контроль и регуляция темпа движений и речи; 31 — перестройка планирования; 33 — размышление-рассуждение; ——— $p \leq 0.01$; ——— $p \leq 0.05$; ——— прямые связи; - - - - - обратные связи

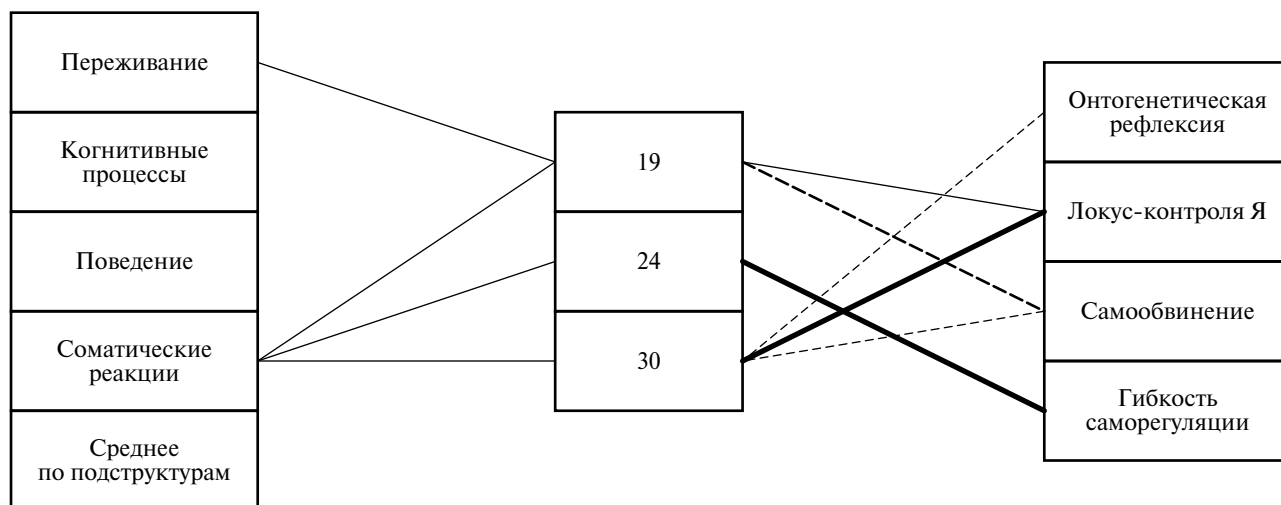

Рис. 4. Ментальная регуляция психических состояний студентов I курса в напряженной ситуации обучения

Условные обозначения. 19 — повышение собственной мотивации; 24 — медитация; 30 — изменение отношения к ситуации; ——— $p \leq 0.01$; ——— $p \leq 0.05$; ——— прямые связи; - - - - - обратные связи

и уверенность в себе. Значимость смысловых структур снижается, а на передний план выходит удовлетворенность жизнью (результат жизни). Акцент взаимосвязей способов саморегуляции и регуляторных свойств смещается в сторону адекватности оценки полученных результатов.

Так же, как и на начальной стадии обучения, старшекурсники в напряженной ситуации чаще всего стремятся изменить отношение к ситуации. Кроме того, как и в повседневной ситуации, часто используются уже выработанные рациональные действия и приемы размышления-рассуждения. Положительное влияние на состояния оказывает позитивный настрой, в то время как уход от общения, наоборот, приводит к сниже-

нию интенсивности переживаний. Данная подструктура психических состояний является ведущей в напряженной ситуации экзамена на старшем курсе.

Отметим, что от начального курса обучения к завершающему происходит увеличение, как числа применяемых способов саморегуляции состояний, так и их взаимосвязи с ментальными структурами и регуляторными свойствами личности. Данный факт свидетельствует о развитии системы ментальной регуляции психических состояний, формировании устойчивых связей и отношений между ментальными структурами, регуляторными свойствами личности и выбором адекватных ситуации способов, приемов саморегуляции, а также их значимой

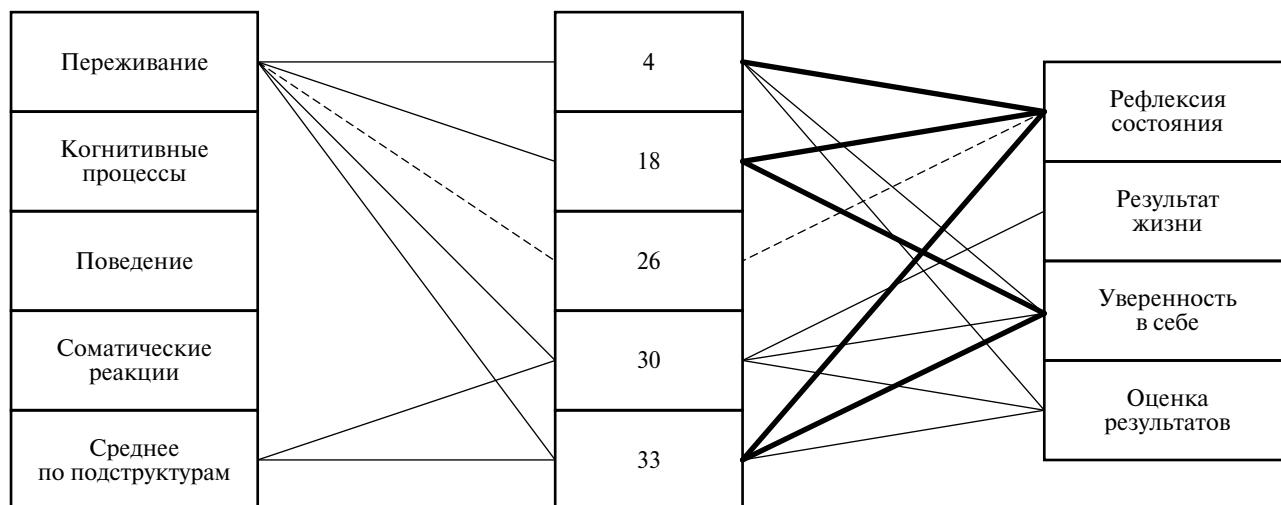

Рис 5. Ментальная регуляция психических состояний студентов 4 курса в напряженной ситуации обучения

Условные обозначения. 4 — рациональные действия; 18 — использование настроев; 26 — дискретное общение; 30 — изменение отношения к ситуации; 33 — размышление-рассуждение; — $p \leq 0,01$; — $p \leq 0,05$; — прямые связи; - - - - обратные связи

роли в регуляции как отдельных подструктур, так и психических состояний в целом.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Исследования в области динамики ментальной регуляции психических состояний только начинают разворачиваться. Имеющиеся результаты касаются, преимущественно, отдельных аспектов динамики психических состояний. Тем не менее некоторые полученные результаты позволяют сделать вывод о значимой роли ментальных структур в регуляции состояний. Так, в работах М.Е. Валиуллиной и М.И. Карташевой [5] показана опосредующая роль компонентов системы “Я” (самооценки и самоотношения) в саморегуляции психических состояний студентов в ходе сдачи экзамена. Авторы отмечают, что познавательные состояния студентов во время экзамена во многом связаны с позитивным самоотношением и субъективным восприятием данной ситуации. В другой работе М.Г. Юсуповым [25] выявлена значимая роль смысловых структур сознания в регуляции познавательных состояний студентов. Установлено, что уровень регуляторных способностей связан с ценностно-смысловыми характеристиками студентов. Показано, что системообразующим фактором в регуляции психических состояний выступают смысложизненные ориентации студентов. Кроме того, в наших предыдущих исследованиях [17] продемонстрирована опосредующая роль рефлексии в регуляции состояний в различных ситуациях учебной деятельности. Было выявлено, что взаимодействие рефлексии и психических состояний носит нелинейный

характер, что связано с уровнем регуляторных свойств личности и напряженностью ситуации учебной деятельности студентов.

Таким образом, поставленные в исследовании задачи были решены, цель достигнута, а выдвинутая гипотеза о развитии системы ментальной регуляции от начального этапа обучения к завершающему нашла свое подтверждение. Полученные в данном исследовании результаты согласуются с установленными ранее закономерностями, а также дополняют и развивают основные положения концепции ментальной регуляции психических состояний. Представленные результаты имеют практическую значимость для разработки новых технологий регуляции психических состояний.

ВЫВОДЫ

1. Установлено, что от начального к завершающему курсу обучения происходит дальнейшее развитие системы ментальной регуляции психических состояний: усиливается включенность ментальных структур в регуляцию как в повседневной, так и в напряженной ситуациях учебной деятельности, увеличивается число устойчивых связей между ментальными структурами, регуляторными свойствами личности и способами, приемами саморегуляции, растет их количество и разнообразие.

2. В каждой ситуации учебной деятельности и на каждом этапе обучения выявлены ведущие структуры сознания, определяющие выбор способов саморегуляции. В повседневной ситуации учебной деятельности к старшему курсу отмечается возрастание роли рефлексии состояний, собственной

ценности, а также способности к планированию деятельности. В напряженной ситуации ведущими структурами становятся рефлексия состояний, уверенность в себе и способность к оценке результатов собственной деятельности.

3. Выявлена динамика изменений ментальных структур (рефлексии, смысловых характеристик, системы “Я”), проявляющаяся в увеличении их выраженности от I курса обучения к IV. Последнее в наибольшей степени характерно для составляющих системы “Я” (повышается уверенность в себе, ощущение ценности собственной личности) и смысловых структур (растет уровень интернальности и общая осмысленность жизни). Усиливается роль рефлексии в выборе соответствующих ситуаций способов саморегуляции. Возрастает значимость регуляторных свойств (гибкость саморегуляции, оценка результатов) и составляющих системы “Я” (уверенность в себе, самооценочность).

4. Обнаружено, что от I курса к IV увеличивается взаимосвязь способов саморегуляции и подструктур психических состояний. В повседневной ситуации акцент с соматических реакций смещается в сторону когнитивных процессов, тогда как в напряженной ситуации — на переживания. Показано, что арсенал применяемых способов и приемов саморегуляции возрастает независимо от напряженности ситуации деятельности. Ключевую роль в саморегуляции состояний на завершающем курсе обучения начинают выполнять интеллектуальные формы саморегуляции.

5. Установлена взаимосвязь подструктур психических состояний и эффективность их саморегуляции у студентов, которая возрастает по мере увеличения напряженности ситуаций обучения. От начального этапа обучения к завершающему в повседневной ситуации происходит снижение активности когнитивных процессов, интенсивности переживания и психических состояний в целом, в то время как в напряженной ситуации экзамена активность переживания возрастает. Показано, что к старшему курсу обучения психические состояния студентов приобретают большую устойчивость (равновесность).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азанова И.Н., Левченко Е.В. Динамика эмоций как предмет эмпирического психологического исследования (на примере радости и печали) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 1. С. 80–86.
2. Аникина В.Г., Хозе Е.Г., Стрижова И.В. Динамика психических состояний обучающихся, осваивающих дидактические ВР-программы с использованием технологий виртуальной реальности // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 4. С. 123–141. DOI: 10.17759/exppsy.2021140407
3. Аницферова Л.И. Личность с позиций динамического подхода // Психология личности в социалистическом обществе: личность и ее жизненный путь / Отв. ред. Б.Ф. Ломов, К.А. Абульханова. М.: Наука, 1990. С. 7–17.
4. Аницферова Л.И. Развитие личности и проблемы гештальтпсихологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006
5. Валиуллина М.Е., Карташева М.И. Компоненты системы Я и опыт переживания учащимися познавательных состояний во время экзаменов // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 30. № 2. С. 143–150.
6. Гапонова С.А., Мартынова Н.А. Зависимость динамики психических состояний взрослых учащихся от способов предъявления информации // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 6. С. 86–94.
7. Грачев А.А. Системные основания прикладной психологии // Научные подходы в современной отечественной психологии. М.: Институт психологии РАН, 2023. С. 602–618.
8. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2004.
9. Костромина С.Н., Гришина Н.В. Процессуальный подход в психологии личности // Научные подходы в современной отечественной психологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. С. 504–524.
10. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000.
11. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М.: Наука, 2001.
12. Назаров А.Н., Прохоров А.О. Методика изучения эффективности саморегуляции психических состояний // Психология состояний человека: актуальные теоретические и прикладные проблемы: Материалы Третьей международной научной конференции / Под ред. Б.С. Алишева, А.О. Прохорова, А.В. Чернова. Казань: Казанский университет, 2018. С. 361–364.
13. Пантилеев С.Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993.
14. Прохоров А.О. Ментальные механизмы регуляции психических состояний // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 4. С. 182–204. DOI: 10.17759/exppsy.2021140410
15. Прохоров А.О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. М.: PerSe, 2005.

16. Прохоров А.О. Структурно-функциональная модель ментальной регуляции психических состояний субъекта // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 5–17. DOI: 10.31857/S020595920007852-3
17. Прохоров А.О., Чернов А.В. Рефлексивная регуляция психических состояний. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019.
18. Прохоров А.О., Юсупов М.Г. Методика измерения психического состояния в учебной деятельности студентов (краткий вариант) // Психология психических состояний: Сборник статей студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых / Под ред. А.О. Прохорова. Казань: Казанский университет, 2011. С. 277–288.
19. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии / Рос. акад. наук, Ин-т психологии. М.: Наука, 1997.
20. Савченко Т.Н., Бочарова Е.П., Блинникова И.В. Моделирование динамики эмоциональных состояний // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. № 563. С. 240–250.
21. Сергиенко Е.А. Современные идеи развития в психологии // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 84–115.
22. Сергиенко Е.А. Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021.
23. Улановская Л.С. Особенности структур индивидуального стиля саморегуляции психических состояний студентов и их динамика // Вестник Института мировых цивилизаций. 2010. № 2. С. 55–60.
24. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Институт психотерапии, 2002.
25. Юсупов М.Г. Взаимосвязь смысловых структур сознания и саморегуляции психических состояний студентов // Образовательные технологии. 2022. № 1. С. 41–51.
26. Arslan E. Investigation of pre-school childrens’ self-concept in terms of emotion regulation skill, behavior and emotional status // Univ. Murcia Serv. 2021. V. 37. P. 508–515. DOI: 10.6018/analesps.364771.
27. Heller D., Komar J., Lee W. The Dynamics of Personality States, Goals, and Well-Being // Personality & social psychology bulletin. 2007. V. 33. P. 898–910. DOI: 10.1177/0146167207301010.
28. Inzlicht M., Werner K.M., Briskin J.L., Roberts B.W. Integrating Models of Self-Regulation // Annual Review of Psychology. 2021. V. 72 № 1. P. 319–345. DOI: 10.1146/annurev-psych-061020-105721.
29. Jonker C., Treur J. A Temporal-Interactivist Perspective on the Dynamics of Mental States // Cognitive Systems Research. 2003. V. 4. P. 137–155. DOI: 10.1016/S1389-0417(02)00103-1.
30. Orvell A., Vickers B., Drake B. et al. Does Distanced Self-Talk Facilitate Emotion Regulation Across a Range of Emotionally Intense Experiences? // Clinical Psychological Science. 2020. V. 9. P. 68–78. DOI: 10.1177/2167702620951539.
31. Reitsema A.M., Jeronimus B.F., van Dijk M. et al. Distinguishing dimensions of emotion dynamics across 12 emotions in adolescents’ daily lives // Emotion. 2023. V. 23. № 6. P. 1549–1561. DOI: 10.1037/emo0001173.
32. Thornton M.A., Tamir D.I. Mental models accurately predict emotion transitions // Proc. Natl. Acad. Sci. 2017. V. 114. № 23. P. 5982–5987. DOI: 10.1073/pnas.1616056114.
33. Thornton M., Rmus M., Tamir D.I. People learn mental state concepts from mental state dynamics. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/kbcsj.
34. Zhang Q., Miao L., He L., Wang H. The Relationship between Self-Concept and Negative Emotion: A Moderated Mediation Model // International Journ. of environmental research and public health. 2022. V. 19. № 16. DOI: 10.3390/ijerph191610377

DEVELOPMENT OF MENTAL REGULATION OF STUDENTS' PSYCHOLOGICAL STATES DURING THE LEARNING PROCESS²

A. O. Prokhorov*, A. V. Chernov**

*Institute of Psychology and Education of Kazan (Volga Region) Federal University;
420008, Kazan, Kremlevskaya str., 18, Russia.*

**ScD (Psychology), Professor of the General Psychology Department.*

E-mail: alprokhor1011@gmail.com

***PhD (Psychology), Associate Professor of the General Psychology Department.*

E-mail: albertprofit@mail.ru

Received 21.05.2024

Abstract. The article presents the results of a study of the development of mental regulation of students' psychological states during their studies at a university. This work is based on authors' conceptual model of the structural and functional organization of psychological states' mental regulation. The study was carried out at the initial and final stages of students' education in everyday and stressful situations of academic activity covering the period from 2019 to 2023. Methods and effectiveness of psychological state self-regulation were studied using well-known valid methods and specially designed questionnaires. Mental structures such as reflection, life meaning orientation, and self-system, as well as individual regulatory properties studied outside educational situations in first (2018) and fourth years (2022) of study were investigated. As a result of the study, it was established, that, regardless of the situation of educational activity, psychological states acquire greater stability (equilibrium) by the senior year of study, which is associated with the effectiveness of states' self-regulation. Changes in mental structures from the initial course to the final of study are revealed in an increase in the intensity of their manifestations in all main indicators. It has been established that in both situations, during the learning process, students experience an increase in the involvement of mental structures (primarily reflexive) and regulatory properties in the regulation of psychological states. In each situation of educational activity and at each stage of training, there were identified the leading structures of consciousness, determining the choice of self-regulation methods, which, in turn, are associated with the substructures of psychological states. It has been also established that from the initial stage of study to the final one, there is an increase in the number of methods used for states' self-regulation, as well as their relationships with mental structures and regulatory properties of the personality, which indicates the development of a system of mental regulation of students' psychological states.

Keywords: psychological state, mental structures, regulation, reflection, dynamics

REFERENCES

1. Azanova I.N., Levchenko Ye.V. Dinamika emotsiy kak predmet empiricheskogo psikhologicheskogo issledovaniya (na primere radosti i pechali). Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. 2014. № 1. P. 80–86. (In Russian)
2. Anikina V.G., Khoze Ye.G., Strizhova I.V. Dinamika psikhicheskikh sostoyaniy obuchayushchikhsya, osvayayushchikh didakticheskiye VR-programmy s ispol'zovaniyem tekhnologiy virtual'noy real'nosti. Eksperimental'naya psikhologiya. 2021. V. 14. № 4. P. 123–141. (In Russian)
3. Antsyferova L.I. Lichnost' s pozitsiy dinamicheskogo podkhoda. Psikhologiya lichnosti v sotsialisticheskoy obshchestve: lichnost' i yeye zhiznennyy put'. Eds. B.F. Lomov, K.A. Abul'khanova. Moscow: Nauka, 1990. P. 7–17. (In Russian)
4. Antsyferova L.I. Razvitiye lichnosti i problemy gerontopsikhologii. 2-ye izd., ispr. i dop. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2006. (In Russian)
5. Valiullina M.Ye., Kartasheva M.I. Komponenty sistemy Ya i opyt perezhivaniya uchashchimisya poznavatel'nykh sostoyaniy vo vremya ekzamenov. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2020. V. 30. № 2. P. 143–150. (In Russian)
6. Gaponova S.A., Martynova N.A. Zavisimost' dinamiki psikhicheskikh sostoyaniy vzroslykh uchashchikhsya ot sposobov pred'yavleniya informatsii. Psikhologicheskii zhurnal. 2003. V. 24. № 6. P. 86–94. (In Russian)
7. Grachev A.A. Sistemnyye osnovaniya prikladnoy psikhologii. Nauchnyye podkhody v sovremennoy otechestvennoy psikhologii. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2023. P. 602–618. (In Russian)

² The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project № 23-18-00232.

8. *Karpov A.V.* Psikhologiya refleksivnykh mekhanizmov deyatel'nosti. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2004. (In Russian)
9. *Kostromina S.N., Grishina N.V.* Protsessual'nyy podkhod v psikhologii lichnosti. Nauchnyye podkhody v sovremennoy otechestvennoy psikhologii. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2023. P. 504–524. (In Russian)
10. *Leont'yev D.A.* Test smyslozhiznennykh oriyentatsiy (SZHO). 2-ye izd. Moscow: Smysl, 2000. (In Russian)
11. *Morosanova V.I.* Individual'nyy stil' samoregulyatsii: fenomen, struktura i funktsii v proizvol'noy aktivnosti cheloveka. Moscow: Nauka, 2001. (In Russian)
12. *Nazarov A.N., Prokhorov A.O.* Metodika izucheniya effektivnosti samoregulyatsii psikhicheskikh sostoyaniy. Psikhologiya sostoyaniy cheloveka: aktual'nyye teoreticheskiye i prikladnyye problemy: materialy Tret'yey Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Red. B.S. Alishev, A.O. Prokhorov, A.V. Chernov. Kazan': Kazanskiy universitet, 2018. P. 361–364. (In Russian)
13. *Pantilev S.R.* Metodika issledovaniya samootnosheniya. Moscow: Smysl, 1993. (In Russian)
14. *Prokhorov A.O.* Mental'nyye mekhanizmy regulyatsii psikhicheskikh sostoyaniy. Eksperimental'naya psikhologiya. 2021. V. 14. № 4. P. 182–204. (In Russian)
15. *Prokhorov A.O.* Samoregulyatsiya psikhicheskikh sostoyaniy: fenomenologiya, mekhanizmy, zakonomernosti. Moscow: PerSe, 2005. (In Russian)
16. *Prokhorov A.O.* Strukturno-funktsional'naya model' mental'noy regulyatsii psikhicheskikh sostoyaniy sub'yekta. Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 41. № 1. P. 5–17. (In Russian)
17. *Prokhorov A.O., Chernov A.V.* Refleksivnaya regulyatsiya psikhicheskikh sostoyaniy. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2019. (In Russian)
18. *Prokhorov A.O., Yusupov M.G.* Metodika izmereniya psikhicheskogo sostoyaniya v uchebnoy deyatel'nosti studentov (kratkiy variant). Psikhologiya psikhicheskikh sostoyaniy sbornik statey studentov, magistrantov, aspirantov i molodykh uchenykh. Ed. A.O. Prokhorov. Kazan': Kazanskiy universitet, 2011. P. 277–288. (In Russian)
19. *Rubinshteyn S.L.* Izbrannyye filosofsko-psikhologicheskiye trudy: Osnovy ontologii, logiki i psikhologii. Ros. akad. nauk, In-t psikhologii. Moscow: Nauka, 1997. (In Russian)
20. *Savchenko T.N., Bocharova Ye.P., Blinnikova I.V.* Modelirovaniye dinamiki emotsional'nykh sostoyaniy. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2009. № 563. P. 240–250. (In Russian)
21. *Sergiyenko Ye.A.* Sovremennyye idei razvitiya v psikhologii. Printsip razvitiya v sovremennoy psikhologii. Eds. A.L. Zhuravlev, Ye.A. Sergiyenko. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2016. P. 84–115. (In Russian)
22. *Sergiyenko Ye.A.* Psikhicheskoye razvitiye s pozitsiy sistemno-sub'yektnogo podkhoda. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2021. (In Russian)
23. *Ulanovskaya L.S.* Osobennosti struktur individual'nogo stilya samoregulyatsii psikhicheskikh sostoyaniy studentov i ikh dinamika. Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsiy. 2010. № 2. P. 55–60. (In Russian)
24. *Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuylov G.M.* Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'kh grupp. Moscow: Institut psikhoterapii, 2002. (In Russian)
25. *Yusupov M.G.* Vzaimosvyaz' smyslovyykh struktur soznaniya i samoregulyatsii psikhicheskikh sostoyaniy studentov. Obrazovatel'nyye tekhnologii. 2022. № 1. P. 41–51. (In Russian)
26. *Arslan E.* Investigation of pre-school childrens' self-concept in terms of emotion regulation skill, behavior and emotional status. Univ. Murcia Serv. 2021. V. 37. P. 508–515. DOI: 10.6018/analesps.364771
27. *Heller D., Komar J., Lee W.* The Dynamics of Personality States, Goals, and Well-Being. Personality & social psychology bulletin. 2007. V. 33. P. 898–910. DOI: 10.1177/0146167207301010
28. *Inzlicht M., Werner K.M., Briskin J.L., Roberts B.W.* Integrating Models of Self-Regulation. Annual Review of Psychology. 2021. V. 72. № 1. P. 319–345. DOI: 10.1146/annurev-psych-061020-105721
29. *Jonker C., Treur J.* A Temporal-Interactivist Perspective on the Dynamics of Mental States. Cognitive Systems Research. 2003. V. 4. P. 137–155. DOI: 10.1016/S1389-0417(02)00103-1
30. *Orvell A., Vickers B., Drake B. et al.* Does Distanced Self-Talk Facilitate Emotion Regulation Across a Range of Emotionally Intense Experiences? Clinical Psychological Science. 2020. V. 9. P. 68–78. DOI: 10.1177/2167702620951539
31. *Reitsema A.M., Jeronimus B.F., van Dijk M. et al.* Distinguishing dimensions of emotion dynamics across 12 emotions in adolescents' daily lives. Emotion. 2023. V. 23. № 6. P. 1549–1561. DOI: 10.1037/emo0001173
32. *Thornton M.A., Tamir D.I.* Mental models accurately predict emotion transitions // Proc. Natl. Acad. Sci. 2017. V. 114. № 23. P. 5982–5987. DOI: 10.1073/pnas.1616056114
33. *Thornton M., Rmus M., Tamir D.* People learn mental state concepts from mental state dynamics. 2020. DOI: 10.31234/osf.io/kbcjsj
34. *Zhang Q., Miao L., He L., Wang H.* The Relationship between Self-Concept and Negative Emotion: A Moderated Mediation Model. International journal of environmental research and public health. 2022. V. 19. № 16. DOI: 10.3390/ijerph191610377

УДК 159.9

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ УЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

© 2024 г. С. В. Зайцев

Московский государственный психолого-педагогический университет;

127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Россия.

Кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: loo-site@rambler.ru

Поступила 23.10.2023

Аннотация. На основе анализа разнообразия индивидуально-психологических свойств учащихся дается характеристика понятию “индивидуальные особенности учения” (ИОУ). Обзор разноплановых публикаций выявил противоречие между большим количеством эмпирических данных об ИОУ учащихся и отсутствием их системной, устойчивой, теоретически обоснованной типологизации. Высокая изменчивость выделяемых типов под влиянием самых разных условий и обстоятельств не позволяет однозначно дифференцировать один тип от другого и обеспечить его определенную воспроизводимость. Это ставит под сомнение возможность построения научно обоснованной практики индивидуализации и дифференциации обучения. Цель данного исследования — выявить основные причины несостоятельности известных типологий и наметить пути для построения устойчивой типологизации ИОУ. Выдвинута гипотеза, что типологизации ИОУ учащихся, основанные на обобщении и категоризации внешних проявлений их психической деятельности, не могут быть состоятельными. Без учета внутренних психологических закономерностей динамического взаимодействия всех факторов, обуславливающих эти проявления в конкретных условиях учебной деятельности, невозможно однозначно истолковать ИОУ, а значит, и построить их типологию. С целью проверки этой гипотезы проведен краткий анализ нескольких наиболее известных типологий ИОУ учащихся (по обучаемости, стилю учения, способу учебной работы), выявлены их основные недостатки, которые в целом подтвердили выдвинутое предположение. Сделан вывод, что подлинная типологизация ИОУ должна строиться не на сходстве их внешних проявлений, а на сходстве тех внутренних психологических закономерностей, которые обуславливают их проявление и развитие, т.е. на основе их детерминаций.

Ключевые слова: типологизация, индивидуально-психологические свойства учащихся, индивидуальные особенности учения, обучаемость, стиль учения, способ учебной работы.

DOI: 10.31857/S0205959224030055

ВВЕДЕНИЕ

Индивидуальные особенности человека являются важной частью его личности. Неудивительно поэтому, что их изучение сталкивается с теми же фундаментальными проблемами, что и изучение личности, — с выделением и характеристикой личностных свойств, типов личности.

Так, в целом ряде исследований преимущественно педагогической направленности справедливо указывается, что учет индивидуальных особенностей учащихся является необходимым условием для индивидуализации обучения [5; 11; 12]. При этом авторы либо вовсе никак не конкретизируют эти особенности, принимают их, по меткому выражению А.Н. Леонтьева, в своей “эмпирической

тотальности” [8, с. 67], либо ограничиваются их произвольным перечислением. В ряде работ выделяются отдельные свойства личности, которые, по мнению авторов, наиболее значимы для успешности образовательного процесса. При этом, как правило, не приводятся научно обоснованные объяснения, почему именно эти свойства признаны “значимыми”, являются ли они таковыми в любых условиях обучения и для всех ли учеников? Между тем выявление среди большого многообразия индивидуальных личностных свойств тех, что оказывают существенное влияние на деятельность учащихся в процессе учения и тем самым ее характеризуют, является важной научной задачей. Индивидуально-психологические свойства учащихся, характеризующие их деятельность в процессе

учения, мы будем именовать *индивидуальными особенностями учения* (ИОУ).

Разные исследователи выделяют различные ИОУ школьников — знания и умения, умственные способности и мыслительные свойства, когнитивные способы обработки информации и способы учебной работы, работоспособность, рациональные способы учения, отношение к обучению, направленность, эмоциональная устойчивость и др.

Большое многообразие индивидуально-психологических свойств учащихся, с одной стороны, и высокая степень их изменчивости со временем и под влиянием различных факторов, с другой, делает само понятие “индивидуальные особенности учения” чем-то размытым, неопределенным.

Постоянный рост числа эмпирических фактов приводит к появлению двух противоположных тенденций. С одной стороны, первоначально выделенные в ходе локального исследования ИОУ учащихся постепенно обрастают новыми характеристиками, “экстенсивно расширяются за счет выделения новых форм” [17, с. 93] и обобщаются. А с другой стороны, эти самые “общие типы” ИОУ демонстрируют высокую склонность к “расщеплению” на множество частных подтипов. Так, например, общая способность к обучению — обучаемость — подразделяется на отдельные, “частные” мыслительные способности [10].

Тем не менее попытки как-то типологизировать разнообразные и изменчивые ИОУ настойчиво предпринимались целым рядом исследователей. Многие при этом основывались на обобщении их *внешних поведенческих проявлений*, что объясняет известную неустойчивость и “размытость” воздвигаемых типологий, поскольку внешние проявления, действительно, многочисленны и изменчивы. А невозможность во многих случаях точно отделить поведенческие признаки одного типа от другого приводили к появлению так называемых “промежуточных” или “смешанных” типов.

Мало того, как показывают многочисленные исследования [20; 30], выделенные типы индивидуальных особенностей учения могут существенным образом видоизменяться под влиянием разнообразных условий и обстоятельств, с ростом и развитием самого индивида.

В этой связи предпринимались попытки найти более устойчивое основание для типологизации ИОУ, двигаясь “вглубь” субъекта, — к свойствам его нервной системы [7].

Однако, как показали дальнейшие исследования, свойства нервной системы индивида являются важным, но не единственным фактором,

обуславливающим проявление и развитие его ИОУ. По словам С.Л. Рубинштейна, это лишь “внутренние физиологические условия их формирования” [16, с. 129]. Помимо внутренних условий, есть еще и внешние — конкретные условия деятельности, в которых индивидуальные особенности проявляются и формируются. Однозначные на физиологическом уровне свойства нервной системы проявляют себя многозначно на уровне психологическом [10]. Например, исследования Л.М. Митиной показали, что способности и даже их отдельные компоненты “не представляется возможным непосредственно свести к отдельным свойствам нервной системы или их комбинациям” [13, с. 61].

Таким образом, свойства нервной системы учащихся, равно как и внешние проявления их деятельности в процессе учения, не могут служить основанием для типологизации ИОУ. В результате среди исследователей распространяется мнение, что из-за абсолютной и неповторимой уникальности каждого индивида никакая типологизация вообще невозможна, звучат даже призывы перейти от индивидуализации к понятию “персонализация” [17; 18].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В этих условиях возникает закономерный вопрос: а возможна ли вообще типологизация столь многочисленных и изменчивых индивидуальных особенностей учения? Ведь любая типологизация предполагает наличие общего основания для объединения всей совокупности индивидуальных особенностей в несколько различающихся между собой типов.

На наш взгляд, такое основание есть. Психические свойства личности обладают не только единичными и особыми, но и общечеловеческими, по выражению С.Л. Рубинштейна, “родовыми” чертами [16, с. 41], из которых и следует исходить при рассмотрении индивидуальных особенностей отдельных людей. Подобного подхода придерживается в своей теории способностей и одаренности В.Д. Шадриков, который отмечает, что в любой человеческой способности есть “общая природная способность, отнесенная к конкретной психической функции” [19, с. 17]. Индивидуальное же своеобразие способностей характеризуется лишь “мерой выраженности” этой “общей способности” у конкретного индивида. Индивидуальные различия при этом проявляются в различиях этой “меры” у каждого конкретного человека.

Мы исходим из того, что психические свойства личности есть диалектическое единство всеобщего и единичного. Индивидуальные особенности учения поэтому включают в себя не только неповторимые, уникальные, свойственные лишь конкретному индивиду характеристики, но и некие *типичные*, общие для всех учащихся свойства. Это делает принципиально возможным типологизацию всего многообразия ИОУ учащихся.

Проблема заключается в том, что, несмотря на такую возможность, известные подходы к типологизации ИОУ не решают в полной мере свою задачу. Выявить основные недостатки этих подходов и попытаться наметить пути для построения действительно прочной и надежной типологизации ИОУ школьников — вот цель, которую мы ставим перед собой в этой работе.

Выделение индивидуально-типологических свойств существенным образом зависит от того основания, по которому проводится их обобщение и различение. Очевидно, что в основу надежной типологизации должно быть положено такое основание, которое бы позволило, во-первых, однозначно *дифференцировать* один тип от другого, т.е. обеспечить его внутреннюю целостность, “очерченность”, исключающую всякую возможность его смешения с другими типами. Во-вторых, зафиксировать его определенную *воспроизводимость* — характеристики типа должны устойчиво и одинаково воспроизводиться в деятельности индивида.

По нашему убеждению, вопрос о типологизации ИОУ — это в конечном счете вопрос об их природе, становлении и развитии, о факторах, которые его обуславливают, а значит, вопрос об их *детерминации*. Без раскрытия внутренней природы индивидуальных различий — объективных закономерностей их проявления и развития — психология останется на уровне описательной феноменологии. Без решения этой задачи невозможно объяснить природу ИОУ учащихся, а значит, создать их научную типологию.

Подлинная типологизация ИОУ учащихся должна, на наш взгляд, строиться не на сходстве их внешних проявлений, а на сходстве тех *внутренних психологических закономерностей*, которые их обуславливают, т.е. на основе их детерминаций.

В своих попытках разрешить проблему типологизации ИОУ мы опираемся на разработанный и описанный С.Л. Рубинштейном диалектико-материалистический принцип детерминизма, который “отражает природу самих явлений, выражает характер их взаимосвязи в действительности” [15, с. 10]. Опора на этот принцип в научном

исследовании позволяет раскрыть природу индивидуальных различий учащихся и тем самым обеспечить условия для их научной типологизации.

Согласно принципу детерминизма, психическая деятельность человека (в том числе и его деятельность в процессе учения) обусловлена динамическим взаимодействием факторов двух типов — внешних объективных условий деятельности и внутренних свойств самого субъекта деятельности. Как многократно указывал сам С.Л. Рубинштейн, психическая деятельность человека обусловлена не отдельным воздействием внешних или внутренних факторов и даже не их суммарным воздействием, а именно их взаимодействием. Более того, это взаимодействие меняется с течением времени, изменением деятельности или ее субъекта, т.е. носит *динамический* характер. По мнению С.Л. Рубинштейна, “раскрытие внутренних закономерностей динамических соотношений, через которые преломляются в человеке все внешние воздействия на него, — важнейшая из важнейших задач психологии” [16, с. 42].

Индивидуально-психологические свойства личности в своем становлении и развитии обуславливаются сложным взаимодействием множества внешних и внутренних факторов. В персоналистической психологии было принято объяснять одни психические свойства личности через другие [26; 32]. Если же рассматривать индивидуально-психологические свойства учащихся с позиции деятельностного подхода, то следует видеть их тесную связь с конкретными условиями той *деятельности*, которая их определяет, в которой они проявляются и формируются. Всякие попытки истолковать ИОУ, произвести их типологизацию в отрыве от условий и обстоятельств их учебной деятельности неизбежно теряют свое прочное основание.

Решение проблемы типологизации ИОУ имеет не только научное, но и практическое значение. Установление объективных закономерностей проявления и развития индивидуальных особенностей учения школьников, осуществление на этой основе их типологизации открывает широкие возможности для научно обоснованной индивидуализации и дифференциации школьного обучения.

Проведем теперь краткий анализ нескольких наиболее известных подходов к характеристике и типологизации индивидуальных особенностей учения учащихся.

УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ И ОБУЧАЕМОСТЬ

Среди всего многообразия ИОУ школьников многие исследователи придают особое значение изучению их умственных способностей. До сих пор основным средством изучения способностей как в России, так и за рубежом является тестирование [9]. По результатам выполнения тестовых заданий делаются выводы об умственных способностях испытуемых.

Основные недостатки *тестологического подхода* общеизвестны. С точки зрения нашего подхода, тестирование как метод изучения индивидуальных особенностей учащихся имеет ряд существенных недостатков. Во-первых, выполнение тестовых заданий не является учебной деятельностью ни по предметному содержанию, ни по своему строению. Во-вторых, при тестировании обычно игнорируются внешние факторы — объективные условия самой процедуры тестирования, которые могут оказать существенное влияние на его результаты [6]. В-третьих, специально не рассматриваются и внутренние факторы. Например, отношение испытуемого к тестированию, условиям его проведения, к экспериментатору. И наконец никак не раскрывается динамическое взаимодействие внешних и внутренних факторов, обуславливающее тот или иной результат тестирования конкретного индивида.

В середине прошлого века усилиями сотрудников лаборатории Н.А. Менчинской предпринимались многочисленные попытки изучения умственных свойств и способностей учащихся непосредственно в процессе выполнения ими *реальной учебной деятельности*. В качестве основного предмета рассмотрения была выбрана “обучаемость” как “способность достигать в более короткий срок более высокого уровня усвоения” [10, с. 122]. Обучаемость обуславливается определенными свойствами мыслительной деятельности ученика, например, гибкостью мышления, связью между конкретными и абстрактными компонентами мыслительной деятельности и др. Таким образом, в рамках этой концепции предметом анализа выступают индивидуальные особенности именно *мыслительной*, а не учебной деятельности учащихся.

Обучаемость в совокупности включенных в нее мыслительных свойств выступает основным критерием для типологизации индивидуальных особенностей учения школьников. В основу типологизации индивидуальных различий кладутся одни и те же признаки, но в разной степени их

выраженности. Учащиеся дифференцируются по уровню их обучаемости.

По мнению Н.А. Менчинской, особенности обучаемости нужно рассматривать “широко” — в самых разных видах и условиях деятельности и даже вовсе на неучебном материале, поскольку для выделения свойств, носящих “более общий характер” [10, с. 121], нужно выйти за пределы конкретной деятельности, абстрагироваться от ее условий, т.е. выделить, так сказать, *метадеятельностные* индивидуальные свойства учащихся.

Как оказалось, такой подход не способен обеспечить внутреннюю целостность выделяемых типов, исключить их смешение между собой. Во многих проводимых в рамках этого подхода исследованиях обнаружилось “смешанные” группы испытуемых, которых нельзя было однозначно отнести ни к одному из предложенных типов.

Кроме того, выделяемые таким образом уровни или типы обучаемости оказались очень условными, поскольку обнаружили высокую степень изменчивости в зависимости от воздействия определенных внешних и внутренних факторов. Так, результаты многочисленных исследований показали, что обучаемость школьников, несмотря на свой “обобщенный” характер, может зависеть от конкретных условий их деятельности, например от объективной трудности усваиваемого учебного материала [10].

В других исследованиях обнаружилось, что помимо внешних факторов на обучаемость школьников и обуславливающие ее “особенности мышления” существенное влияние также оказывают и внутренние факторы — другие индивидуально-психологические свойства ученика, например его умение произвольно регулировать свою мыслительную деятельность [10], определенное личностное отношение ученика к обучению, что собственно и характеризует различия способностей индивидов в их субъектно-деятельностном и личностном измерениях [19]. Более того, обучаемость школьников находится под влиянием всей совокупности внутренних факторов, которые Н.А. Менчинская именует “психическим складом личности” [10, с. 170].

Таким образом, результаты проведенных Н.А. Менчинской и ее сотрудниками исследований позволили эмпирическим образом выделить некоторые внешние и внутренние факторы, способные оказывать определенное влияние на проявления обучаемости школьников, но не позволили, во-первых, выявить среди них действительно *существенные*, а во-вторых, раскрыть внутренние

психологические механизмы их *взаимодействия*, которые только и могут быть основанием для их однозначной идентификации и типологизации.

КОГНИТИВНЫЕ СТИЛИ И СТИЛИ УЧЕНИЯ

Если в отечественной педагогической психологии индивидуальные особенности учения рассматривались в основном как умственные способности учащихся, то в зарубежной психологии преобладал иной подход. Здесь основное внимание уделялось изучению индивидуально своеобразных способов осуществления учащимися познавательной деятельности. Эти способы впоследствии получили название “когнитивные стили” (*cognitive style*).

На основе всестороннего анализа многочисленных исследований когнитивных стилей М.А. Холодная приходит к следующему обобщающему выводу: “Когнитивные стили — это индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего” [17, с. 38]. Таким образом, понятие “когнитивный стиль” описывает, с одной стороны, способы (т.е. *процесс*, а не результат) познавательной деятельности, а с другой — индивидуально-типологические особенности человека, что позволяет подразделять людей на различные типы в зависимости от способа их познавательной деятельности. Когнитивные стили рассматривались как личностно характерные, устойчивые познавательные предпочтения в использовании человеком определенных способов переработки информации. Также важной особенностью стилевого подхода, в отличие, например, от описанного выше “способностного” подхода, является переход от количественного, уровневого измерения индивидуальных свойств личности к их качественному, типологическому описанию.

Для описания индивидуальных особенностей учения школьников понятие “когнитивный стиль” постепенно было преобразовано в понятие “стиль учения” (Riechmann S.W., Grasha A.F., Entwistle N.J., Kolb D.A. и др.). Стили учения (*learning styles*) по существу являются частным случаем когнитивных стилей, поэтому все основные особенности когнитивных стилей в равной мере можно отнести и к стилям учения. Стиль учения есть проявление когнитивного стиля в условиях школьного или профессионального обучения.

Если типологизация учащихся по обучаемости основывается на уровне выраженности у них одних и тех же психических свойств, то в основе типологизации когнитивных стилей лежит описание психологически разных картин поведения, обнаруженных в соответствующих диагностических процедурах [17]. Это объясняет бесконечное многообразие стилей и их высокую изменчивость.

Жесткая привязка стилей к методике их выявления приводит к очевидным трудностям в обобщении полученных эмпирических данных и их теоретическом осмыслении [1]. Несмотря на то что большинство исследователей признает устойчивость проявлений стиля одной из важнейших его характеристик [34], результаты многочисленных эмпирических исследований это не подтверждают. Например, стиль учения людей изменяется с изменением их образовательной специализации, профессии, занимаемой должности [27]. Результаты измерения полезависимости—полenezависимости у одних и тех же испытуемых специально предназначенными для этого, но различными методами не коррелируют между собой [28]. Более того, когнитивный стиль изменяется даже в ходе одной и той же деятельности на разных ее этапах. Например, в процессе решения задач стиль, характеризующий скорость принятия решений (импульсивность или рефлексивность), проявляется на одних его этапах и не проявляется на других [25]. Когнитивные стили также проявлялись по-разному в зависимости от предметного содержания деятельности человека. Дети с высоким уровнем агрессии показывали когнитивное заострение на материале с агрессивным содержанием и когнитивное сглаживание на материале с нейтральным содержанием [33]. Стилиевые характеристики, таким образом, изменялись в зависимости от изменения внешних факторов — содержания и конкретных условий деятельности испытуемых в ходе эксперимента.

Результаты проведенных исследований обнаружили также заметное влияние и внутренних факторов субъекта — разнообразных личностных свойств — на его стилевое поведение. Оказалось, что свойства стилей существенным образом зависят от особенностей интеллектуальной деятельности человека [24], его умственных способностей [31], отношения к интеллектуальной нагрузке, успеху или неудаче своей деятельности; от способности к произвольной саморегуляции, сформированности навыков интеллектуального поведения и т.п. [20; 30].

Попытки типологизировать стили по внешним их проявлениям, без учета объективных закономерностей динамического взаимодействия внешних

и внутренних факторов привели лишь к появлению бесчисленного многообразия классификаций, целиком основанных на внешних проявлениях познавательного поведения индивидуумов в различных эмпирических ситуациях. Как писал в свое время А.Н. Леонтьев, подобное движение по пути “фактологизма” приводит лишь к обострению противоречия в психологии “между громадностью фактического материала ... и жалким состоянием ее теоретического, методологического фундамента” [8, с. 2]. Отсутствие однозначных и прочных оснований для дифференциации стилей учения привело к отсутствию теоретически оформленной характеристики этого понятия и, как следствие, к утверждениям о “многомерности”, “многоуровневости” или “многотипности” стилового поведения учащихся [23]. Все эти утверждения приводят лишь к нарастающему дроблению, “расщеплению” и в конечном счете размыванию стилей, а значит, к невозможности их объективной типологизации.

Для преодоления бесконечного многообразия стилей и их хоть какой-то типологизации в западной психологии все более усиливается тенденция использовать “интегративные модели”, в которых различные психологические проявления стиля должны быть обобщены, укрупнены [1]. При этом интеграция осуществляется внутри круга психических свойств *личности*, например, по уровням когнитивных процессов восприятия—памяти—мышления [29] или по взаимосвязям процессов переработки информации и когнитивного контроля [31], т.е. вне взаимосвязи стилей со значимыми условиями *деятельности* субъекта и уж тем более без анализа динамически изменяющегося процесса *взаимодействия* этих последних с психическими свойствами самого субъекта.

На основании выше изложенного можно сформулировать несколько важных для нас выводов. Во-первых, когнитивные стили, как правило, диагностировались в сугубо экспериментальных, часто лабораторных условиях, весьма далеких от условий учебной деятельности, реального школьного обучения. А стили учения и вовсе выявлялись на основе вербальных методов — разнообразных анкет и опросников. Во-вторых, из всего многообразия содержания и условий деятельности испытуемых во время эксперимента не были выделены те *существенные* условия, что *закономерным* образом обуславливают однозначные проявления стиля. Вместо этого большинство исследователей предпочли выявлять и описывать все новые и новые когнитивные стили. В-третьих, зафиксированное во многих исследованиях влияние внешних и внутренних факторов на стиловое

поведение изучалось в основном изолированно друг от друга — как воздействие на него то одних, то других факторов — вне учета их *взаимодействия* друг с другом.

СПОСОБЫ УЧЕБНОЙ РАБОТЫ

Еще одно направление в области изучения индивидуальных особенностей учения школьников в отечественной педагогической психологии связано с появлением понятия “способ учебной работы”. Анализ способа учебной работы как основной единицы учения был начат И.С. Якиманской и ее сотрудниками в 80-е годы прошлого века. В ходе исследований были раскрыты и описаны его содержание, структура, функции, особенности становления и развития.

Способ учебной работы, во-первых, отражает не результативную, а *процессуальную* сторону усвоения, т.е. индивидуально своеобразные средства и способы осуществления учебной деятельности, которые сформировались у ученика. Во-вторых, в нем выражается личностное *отношение* ученика к усваиваемому материалу, которое проявляется в “субъектной избирательности школьника к содержанию, виду и форме предметного материала, ...приемов выполнения учебных действий” [21, с. 22]. Как личностное психическое образование, способ учебной работы обладает определенной устойчивостью. Он имеет не только внешнюю поведенческую форму выражения, но и свое внутреннее психологическое содержание, что позволяет сделать его основной единицей анализа учения как психической деятельности ученика [22].

Способы учебной работы начинают формироваться у детей еще до начала школьного обучения. Они “входят в содержание субъектного опыта познания ребенка” [22, с. 12]. Задающиеся обучением способы усвоения, которые И.С. Якиманская именует “приемами” учебной работы, вступают во взаимодействие с уже сложившимися или складывающимися у ученика “способами”. “Прием, задаваемый обучением, — пишет И.С. Якиманская, — входит в способ, но не автоматически, а в результате их согласования” [21, с. 24].

В качестве метода изучения способов учебной работы школьников были разработаны ситуации, основанные на реальном учебном содержании и обеспечивающие детям возможности для самостоятельного и осознанного выбора. С помощью этого метода изучались особенности индивидуальной избирательности школьников в условиях осуществления ими реальной учебной деятельности

не только в ходе индивидуального эксперимента, но и непосредственно на уроках в начальной школе [2–4], уроках химии и физики в старших классах [14].

Было экспериментально установлено, что способ учебной работы, демонстрируемый учеником, зависит от конкретных условий осуществления им учебной деятельности: специфики предметной области знания, уровня требований к его усвоению, формы репрезентации знания и т.д. Поскольку избирательность учащихся ограничена рамками того, что предлагается им на выбор, то и выявляемые таким образом способы учебной работы оказались зависимыми от предоставляемых условий выбора.

Как и при стилевом подходе, выделяемые способы учебной работы прямо зависели от условий конкретной диагностической методики и были очень разнообразными и изменчивыми. По этим причинам типологизация способов учебной работы учащихся не проводилась.

ВЫВОДЫ

Итак, мы кратко проанализировали несколько концептуальных подходов к характеристике индивидуальных особенностей учения школьников. Каждый из них среди всего их многообразия выделяет свой предмет изучения: мыслительные свойства и способности в обучении, стили учения, способы учебной работы.

Как следует из результатов нашего анализа, все попытки типологизировать ИОУ школьников лишь по внешним их проявлениям безотносительно к обуславливающим их внутренним закономерностям динамического взаимодействия объективных условий учебной деятельности, с одной стороны, и психических свойств субъекта этой деятельности, с другой, обречены на неуспех. Они приводят лишь к коллекционированию бесчисленных и зачастую противоречивых эмпирических фактов, что само по себе не способно объяснить ни причин, ни механизмов их появления, раскрыть подлинные психологические закономерности становления, проявления и развития индивидуальных различий учащихся.

Как мы уже указывали выше, типологизация ИОУ учащихся существенным образом зависит от того основания, по которому проводится их обобщение и различение. По нашему мнению, таким основанием должны стать *внутренние психологические закономерности, обуславливающие становление, проявление и развитие индивидуальных особенностей учения школьников.*

При этом важно иметь в виду несколько принципиально важных обстоятельств.

Во-первых, ИОУ учащихся следует изучать в процессе осуществления ими учебной *деятельности* во всей совокупности ее конкретных условий.

Во-вторых, из всего многообразия этих условий нужно экспериментальным путем выделять те условия — внешние факторы, которые *закономерным* образом обуславливают осуществление учащимися определенных учебных действий. Не всякие внешние воздействия — объективные условия деятельности — имеют значение, а только те из них, от которых “закономерно зависит психическая деятельность” индивида [15, с. 228]. Поэтому при изучении ИОУ учащихся нужно не абстрагироваться от условий их учебной деятельности, а рассматривать их конкретно, с учетом их влияния на психическую деятельность ученика.

В-третьих, любые внешние факторы влияют на действия учащихся не непосредственно. Они *опосредуются* внутренними условиями (С.Л. Рубинштейн) — психическими свойствами личности ученика, придавая его действиям индивидуальное своеобразие. Один и тот же внешний фактор (например, сложность учебного материала) может оказать на разных учащихся различное воздействие, поскольку является значимым для одних детей и не значимым для других, т.е. он по-разному *взаимодействует* с их внутренними индивидуально-психологическими свойствами. Среди многообразия индивидуально-психологических свойств особую роль, на наш взгляд, играют свойства, характеризующие *отношение* человека к условиям и обстоятельствам выполняемой им деятельности — к ее цели и результатам, к другим участвующим в ней людям, к самому себе как субъекту этой деятельности.

В-четвертых, взаимодействие внешних и внутренних факторов в процессе проявления и развития ИОУ учащихся не остается неизменным, оно может меняться со временем, с ростом и развитием самого ученика. Важно поэтому выявлять закономерности взаимодействия внешних и внутренних факторов в *динамике их изменения*, изучать ИОУ учащихся в самом *процессе* их осуществления, становления и развития. Только анализ динамики взаимодействия внешних воздействий и внутренних, индивидуально-психологических свойств человека позволяет объективно охарактеризовать их роль в этом процессе.

Итак, индивидуальные особенности учения школьников, на наш взгляд, нужно рассматривать *в контексте определенной деятельности, как*

закономерный результат динамического взаимодействия внешних и внутренних факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова Н.Н., Гусев А.Н. Когнитивные стили: дискуссионные вопросы и проблемы изучения // Национальный психологический журнал. 2016. № 2 (22). С. 28–37.
2. Зайцев С.В. Влияние отметки на поведение младших школьников в ситуации выбора учебного задания // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2011. Т. 3. № 2. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2011_n2/41667 (дата обращения: 05.04.2024).
3. Зайцев С.В. Индивидуальная избирательность младших школьников в учебном процессе // Психолого-педагогические условия становления индивидуальных стратегий обучения школьников / Под ред. И.С. Якиманской. М.: Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2007. С. 33–91.
4. Зайцев С.В., Добрякова О.И. Особенности изменения индивидуальных предпочтений младших школьников в процессе обучения // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Т. 6. № 1. С. 273–283. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/1/Zajcev_Dobryakova.phtml (дата обращения: 05.04.2024).
5. Косолапова Л.А. Индивидуализация как педагогическая проблема: поиски и решения // Непрерывное образование. 2018. № 1 (23). С. 23–27.
6. Кричевец А.Н., Корнеев А.А., Сугоняев К.В. Проблема однородности шкал интеллектуальных способностей: психометрическая оценка // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2021. № 1. С. 144–169.
7. Лейтес Н.С. Б.М. Теплов и психология индивидуальных различий // Вопросы психологии. 1982. № 4. С. 36–49.
8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
9. Мазилев В.А., Слепко Ю.Н. Способности и одаренность в психологии: современное состояние отечественных и зарубежных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 598–622.
10. Менчинская Н.А. Проблемы учения и умственного развития школьника: Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 224 с.
11. Микерова Г.Ж., Жук А.С. Алгоритм построения индивидуальной образовательной траектории обучения // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 11. С. 138–142.
12. Микляева Н.В. Индивидуально-дифференцированный подход к обучению детей родному языку // Наука и школа. 2016. № 2. С. 109–115.
13. Митина Л.М. Психологические и психодинамические характеристики личности как основа развития конкурентоспособности профессионала // Международная юбилейная конференция “Б.М. Теплов и современное состояние дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии: к 120-летию со дня рождения Б.М. Теплова” / Под ред. М.К. Кабардова, А.К. Осницкого. М.: Перо, 2017. С. 59–64.
14. Носова Е.П. Индивидуальная образовательная траектория: сущность и механизмы проявления // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 91. С. 138–144.
15. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 328 с.
16. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 354 с.
17. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. 384 с.
18. Черняева Н.В. Проблема персонализации обучения за рубежом // Педагогическое образование в России. 2020. № 2. С. 36–40.
19. Шадриков В.Д. К новой психологической теории способностей и одаренности // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 15–26.
20. Шкурадова И.П. Исследование стиля в психологии: оппозиция или консолидация. Комментарии // Стиль человека: психологический анализ / Под ред. А.В. Либина. М.: Смысл, 1998. С. 13–33.
21. Якиманская И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. М.: Сентябрь, 1996. 96 с.
22. Якиманская И.С. Проектирование личностно ориентированного образовательного процесса в средней школе // Психолого-педагогические условия становления индивидуальных стратегий обучения школьников / Под ред. И.С. Якиманской. М.: Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2007. С. 6–32.
23. Dunn R., Dunn K., Price G.E. Learning Style Inventory. Lawrence, KS: Price Systems, 1989.
24. Gardner R.W., Jackson D.N., Messick S.J. Personality organization in cognitive controls and intellectual abilities. Psychological Issues: Monograph 8. V. 2. № 4. N.Y.: International University Press, 1960. 149 p.
25. Kagan J. Reflection-impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo // Journal of Abnormal Psychology. 1966. V. 71. P. 17–24.
26. Kholodnaya M.A., Emelin A.A. Resource function of conceptual and metacognitive abilities in adolescents with different forms of dysontogenesis // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. № 8 (4). P. 101–113.
27. Kolb A.Y., Kolb D.A. Learning Style Inventory Version 3.2. Boston: Hay Group, Hay Resources Direct, 2013.

28. Linn M.C., Kyllonen P. The field dependence–independence construct: Some, one or none // *Journal of Educational Psychology*. 1981. V. 73 (2). P. 261–273.
29. Miller A. Cognitive styles: An integrated model // *Educational Psychology*. 1987. № 11. P. 217–238.
30. Niaz M. Mobility–fixity dimension in Witkin’s theory of field-dependence/independence and its implication for problem solving in science // *Perceptual and Motor Skills*. 1987. V. 65 (3). P. 755–764.
31. Nosal C.S. The structure and regulative function of the cognitive styles: a new theory // *Polish Psychological Bulletin*. 2009. № 40. P. 122–126.
32. Rodic M., Rimfeld K., Gaysina D., Kovas Yu.V. From rare mutations to normal variation: genetic association study of mathematical, spatial, and general cognitive abilities // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2018. № 11 (4). P. 144–165.
33. Santostefano S., Rieder C. Cognitive controls and aggression in children: The concept cognitive-affective balance // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1984. V. 52 (1). P. 46–56.
34. Wardell D.M., Royce J.R. Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and affect // *Journal of Personality*. 1978. V. 46 (3). P. 474–505.

ON THE ISSUE OF TYPOLOGIZING THE INDIVIDUAL CHARACTERISTICS OF SCHOOL CHILDREN'S LEARNING

S. V. Zaitsev

*Moscow State University of Psychology and Education;
127051, Moscow, Sretenka str., bldg. 29, Russia.
PhD in Psychology, Associate Professor.
E-mail: loo-site@rambler.ru*

Received 23.10.2023

Abstract. Based on an analysis of the diversity of individual psychological characteristics of students, a concept of “individual characteristics of learning” (ICL) has been characterized. A review of various publications revealed a discrepancy between the large amount of empirical data on student ICLs and the lack of a systematic, stable, and theoretically justified typology. The high variability of identified types under different conditions and circumstances makes it difficult to differentiate one type from another and ensures its reproducibility. This raises questions about the feasibility of creating a scientifically sound practice of individualizing and differentiating learning. The aim of this study is to determine the main reasons for the failure of existing typologies and to create a stable typology of ICL. The hypothesis is put forward that the typologization of students’ ICL based on generalization and categorization of the external manifestations of mental activity cannot be consistent without taking into account internal psychological patterns and dynamic interaction of factors that cause these manifestations in certain conditions of learning activity. To test this hypothesis, several well-known typologies were analyzed, their main shortcomings identified, and conclusions drawn. It was concluded that the true typology of ICL should be based not on similarity in their external manifestations but on similarity of internal psychological patterns determining their manifestation and development.

Keywords: typologization, individual psychological properties of students, individual characteristics of learning, learning ability, learning style, method of learning.

REFERENCES

1. Volkova N.N., Gusev A.N. Kognitivnye stili: diskussionnye voprosy i problemy izucheniya. *Natsional’nyi psikhologicheskii zhurnal*. 2016. № 2 (22). P. 28–37. (In Russian)
2. Zaitsev S.V. Vliyanie otmetki na povedenie mladshikh shkol’nikov v situatsii vybora uchebnogo zadaniya. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru*. 2011. V. 3. № 2. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2011_n2/41667 (accessed: 05.04.2024). (In Russian)
3. Zaitsev S.V. Individual’naya izbiratel’nost’ mladshikh shkol’nikov v uchebnom protsesse. Ed. I.S. Yakimanskaya. *Psikhologo-pedagogicheskie usloviya stanovleniya individual’nykh strategii obucheniya shkol’nikov*. Moscow: Obninsk: IG-SOTsIN, 2007. P. 33–91. (In Russian)
4. Zaitsev S.V., Dobryakova O.I. Osobennosti izmeneniya individual’nykh predpochtenii mladshikh shkol’nikov v protsesse obucheniya. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru*. 2014. V. 6. № 1. P. 273–283. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/1/Zajcev_Dobryakova.phtml (accessed: 05.04.2024) (In Russian)

5. *Kosolapova L.A.* Individualizatsiya kak pedagogicheskaya problema: poiski i resheniya. Nepreryvnoe obrazovanie. 2018. V. 1 (23). P. 23–27. (In Russian)
6. *Krichevets A.N., Korneev A.A., Sugonyaev K.V.* Problema odnorodnosti shkal intellektual'nykh sposobnostei: psikhometricheskaya otsenka. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya. 2021. № 1. P. 144–169. (In Russian)
7. *Leites N.S. B.M.* Teplov i psikhologiya individual'nykh razlichii. Voprosy psikhologii. 1982. № 4. P. 36–49. (In Russian)
8. *Leont'ev A.N.* Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1977. 304 p. (In Russian)
9. *Mazilov V.A., Slepko Yu.N.* Sposobnosti i odarennost' v psikhologii: sovremennoe sostoyanie otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniy. Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki. 2021. V. 18. № 3. P. 598–622. (In Russian)
10. *Menchinskaya N.A.* Problemy ucheniya i umstvennogo razvitiya shkol'nika: Izbrannye psikhologicheskie trudy. Moscow: Pedagogika, 1989. 224 p. (In Russian)
11. *Mikeroval G.Zh., Zhuk A.S.* Algoritmy postroyeniya individual'noi obrazovatel'noi traektorii obucheniya. Sovremennye naukoemkie tekhnologii. 2016. № 11. P. 138–142. (In Russian)
12. *Miklyayeva N.V.* Individual'no-differentsirovannyi podkhod k obucheniyu detei rodnomu yazyku. Nauka i shkola. 2016. № 2. P. 109–115. (In Russian)
13. *Mitina L.M.* Psikhologicheskie i psikhodinamicheskie kharakteristiki lichnosti kak osnova razvitiya konkurentosposobnosti professionala. Eds. M.K. Kabardov, A.K. Osnitskiy. Mezhdunarodnaya yubileinaya konferentsiya "B.M. Teplov i sovremennoe sostoyanie differentsial'noi psikhologii i differentsial'noi psikhofiziologii: k 120-letiyu so dnya rozhdeniya B.M. Teplova". Moscow: Publ. house "Pero", 2017. P. 59–64. (In Russian)
14. *Nosova E.P.* Individual'naya obrazovatel'naya traektoriya: sushchnost' i mekhanizmy proyavleniya. Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2009. № 91. P. 138–144. (In Russian)
15. *Rubinshtein S.L.* Bytie i soznanie. Moscow: Publ. house of Academy of Science USSR, 1957. 328 p. (In Russian)
16. *Rubinshtein S.L.* Printsipy i puti razvitiya psikhologii. Moscow: Publ. house of Academy of Science USSR, 1959. 354 p. (In Russian)
17. *Kholodnaya M.A.* Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2004. 384 p. (In Russian)
18. *Chernyaeva N.V.* Problema personalizatsii obucheniya za rubezhom. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2020. № 2. P. 36–40. (In Russian)
19. *Shadrikov V.D.* K novoi psikhologicheskoi teorii sposobnostei i odarennosti. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 2. P. 15–26. (In Russian)
20. *Shkuratova I.P.* Issledovanie stilya v psikhologii: oppozitsiya ili konsolidatsiya. Kommentarii. Ed. A.V. Libin. Stil' cheloveka: psikhologicheskii analiz. Moscow: Smysl, 1998. P. 13–33. (In Russian)
21. *Yakimanskaya I.S.* Lichnostno-orientirovannoe obuchenie v sovremennoi shkole. Moscow: Sentyabr', 1996. 96 p. (In Russian)
22. *Yakimanskaya I.S.* Proektirovanie lichnostno orientirovannogo obrazovatel'nogo protsessa v srednei shkole. Ed. I.S. Yakimanskaya. Psikhologo-pedagogicheskie usloviya stanovleniya individual'nykh strategii obucheniya shkol'nikov. Moscow: Obninsk: IG-SOTsIN, 2007. P. 6–32. (In Russian)
23. *Dunn R., Dunn K., Price G.E.* Learning Style Inventory. Lawrence, KS: Price Systems, 1989.
24. *Gardner R.W., Jackson D.N., Messick S.J.* Personality organization in cognitive controls and intellectual abilities. Psychological Issues. Monograph 8. V. 2. № 4. New York: International University Press, 1960. 149 p.
25. *Kagan J.* Reflection-impulsivity: The generality and dynamics of conceptual tempo. Journal of Abnormal Psychology. 1966. V. 71. P. 17–24.
26. *Kholodnaya M.A., Emelin A.A.* Resource function of conceptual and metacognitive abilities in adolescents with different forms of dysontogenesis. Psychology in Russia: State of the Art. 2015. № 8 (4). P. 101–113.
27. *Kolb A.Y., Kolb D.A.* Learning Style Inventory Version 3.2. Boston: Hay Group, Hay Resources Direct, 2013.
28. *Linn M.C., Kyllonen P.* The field dependence-independence construct: Some, one or none. Journal of Educational Psychology. 1981. V. 73 (2). P. 261–273.
29. *Miller A.* Cognitive styles: An integrated model. Educational Psychology. 1987. № 11. P. 217–238.
30. *Niaz M.* Mobility-fixity dimension in Witkin's theory of field-dependence/independence and its implication for problem solving in science. Perceptual and Motor Skills. 1987. V. 65 (3). P. 755–764.
31. *Nosal C.S.* The structure and regulative function of the cognitive styles: a new theory. Polish Psychological Bulletin. 2009. № 40. P. 122–126.
32. *Rodic M., Rimfeld K., Gaysina D., Kovas Yu.V.* From rare mutations to normal variation: genetic association study of mathematical, spatial, and general cognitive abilities. Psychology in Russia: State of the Art. 2018. № 11 (4). P. 144–165.
33. *Santostefano S., Rieder S.* Cognitive controls and aggression in children: The concept cognitive-affective balance. Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1984. V. 52 (1). P. 46–56.
34. *Wardell D.M., Royce J.R.* Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and affect. Journal of Personality. 1978. V. 46 (3). P. 474–505.

УДК 159.9

УТИЛИТАРНАЯ ЭТИКА: ВКЛАД ЧЕРТ ТЕМНОЙ ТЕТРАДЫ И ОТЧУЖДЕНИЯ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ^{1,2}

© 2024 г. Д. С. Корниенко^{1,*}, М. В. Балева^{2,**}, Н. П. Ячменёва^{1,***}

¹Институт общественных наук РАНХиГС;

119602, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 3, Россия.

²Пермский государственный национальный исследовательский университет;

614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, Россия.

*Доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии.

E-mail: kornienko-ds@ranepa.ru

**Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии

Философско-социологического факультета.

E-mail: milenabaleva@yandex.ru

***Старший преподаватель кафедры общей психологии.

E-mail: yachmeneva-np@ranepa.ru

Поступила 13.02.2024

Аннотация. Темная тетрада является совокупностью четырех неклинических черт — макиавеллизма, нарциссизма, психопатии и садизма, связанных с низкой эмпатией, склонностью к пренебрежению этикой, гибким отношением к нормам морали. Отчуждение моральной ответственности представляет собой защитный механизм, облегчающий принятие негуманных и неэтичных решений. Актуальным направлением исследований является расширение представлений о роли негативных личностных черт в объяснении морально-негативного поведения через изучение вклада черт темной тетрады и опосредующего участия механизмов моральной ответственности. Цель исследования заключалась в выявлении связей черт темной тетрады и механизмов морального отчуждения, а также их совместного вклада в принятие утилитарных решений. Было выдвинуто предположение о том, что макиавеллизм и психопатия обнаруживают наиболее значимые связи с механизмами морального отчуждения, а их сочетание с садизмом и механизмами морального отчуждения обеспечивает наибольшую предсказательную способность регрессионной модели утилитарных решений. В исследовании приняли участие 500 респондентов: студенты в возрасте от 18 до 26 лет, 73.2% — женщины. Исследование проводилось онлайн. Использовались Короткий опросник темной тетрады, Краткая версия шкалы отчуждения моральной ответственности MD-8, дилеммы из Теста морального чувства. Были выявлены взаимосвязи макиавеллизма, психопатии и неклинического садизма с механизмами отчуждения моральной ответственности и принятием утилитарных решений в дилеммах. Обнаружен значимый вклад макиавеллизма, садизма и атрибуции вины в общую допустимость принятия утилитарных решений. В случае допустимости принятия утилитарного решения при различном сочетании моральных принципов (активности, целенаправленности вреда и контактности с жертвой) выявлен вклад нарциссизма. Садизм в сочетании с атрибуцией вины и более молодым возрастом составляют модель предикторов только при принятии утилитарного решения в дилемме, предполагающей активность в нанесении контактного вреда жертве. В целом при высокой выраженности черт темной тетрады (макиавеллизма, нарциссизма и садизма) обнаруживается склонность принимать утилитарные решения, а среди механизмов отчуждения моральной ответственности вклад обнаруживает стремление переносить ответственность за ситуацию на жертву, атрибутировать ей вину.

Ключевые слова: темная триада, темная тетрада, моральные дилеммы, отчуждение моральной ответственности, утилитарные решения, макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, неклинический садизм.

DOI: 10.31857/S0205959224030069

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы по государственному заданию РАНХиГС.

² Авторы выражают благодарность за помощь в сборе данных Г.А. Каракьян и В.М. Афанасьевой.

УТИЛИТАРНЫЕ МОРАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ

При изучении моральной оценки действий исследователи опираются на противопоставление утилитарной и деонтологической морали. Утилитарная мораль стремится обеспечить благо для большинства людей даже ценой единичной жертвы. В отличие от нее деонтологическая мораль исходит из необходимости жестко придерживаться моральных требований (например, о недопустимости убийства) независимо от последствий совершаемого действия. Столкновение этих двух видов морали и неоднозначность выбора между ними представлены, в частности, в “классической” проблеме вагонетки, в которой требуется сделать выбор в пользу спасения/гибели пятерых человек или одного человека [14]. В основе принятия морального решения значительную роль играют интуитивные, эволюционно-обусловленные особенности восприятия причинности и интенциональности действий, которые выражены в моральных принципах, облегчающих принятие решения. Они получили название принципов цели, контакта и действия [16]. Представленность данных принципов в дилемме приводит к различиям в допустимости принятия утилитарных решений, например, допустимость причинения прямого вреда (цель действия — вред) оценивается ниже, чем допустимость причинения вреда как побочного эффекта от действия (вред не является целью действия, но возникает в его результате). Исследования индивидуальных различий в принятии утилитарных решений обнаруживают как общие закономерности учета моральных принципов (цель, действие, вред), так и культурные и социодемографические различия [1].

ПРИНЯТИЕ УТИЛИТАРНЫХ РЕШЕНИЙ И ЧЕРТЫ ТЕМНОЙ ТРИАДЫ/ТЕТРАДЫ

Темная триада является симптомокомплексом личности, объединяющим макиавеллизм, неклинический нарциссизм и психопатию, который характеризуется манипулятивным, импульсивным и эксплуататорским отношением к другим, черствостью и сниженной эмпатией. Конструкт темной триады стал активно исследоваться благодаря работам Д. Полхуса и К. Вильямса [32], а также ряда других исследователей (см., например: [4; 22; 23]). В последнее время исследования данного конструкта получили новый импульс, связанный с включением в него неклинического

садизма, что привело к появлению модели темной тетрады [6; 33].

Утилитарные решения могут быть объяснены как отдельными чертами темной триады/тетрады, так и их сочетанием. В частности, вероятность утилитарного выбора повышается при сочетании психопатии, связанной с выраженной эмоциональной черствостью, и макиавелизма, связанного с низкой эмоциональностью и нечувствительностью к наносимому вреду другим [5; 29; 31]. Менее выраженный вклад нарциссизма в утилитарные решения может быть объяснен склонностью к социально-одобряемым ответам [25]. В нашем предыдущем исследовании было показано, что при высоких уровнях темной триады наблюдается тенденция к этически необоснованным финансовым решениям, которые обусловлены неутилитарной мотивацией, приводящей к отказу от прибыли ради возможности причинить вред [2]. В отношении неклинического садизма имеющиеся эмпирические результаты являются неоднозначными. Так, результаты, полученные С. Карандикар с коллегами [25], свидетельствуют о том, что добавление садизма не увеличивает объяснимость принятия утилитарных решений. Однако другие данные показывают, что при большей выраженности садизма, в отличие от других черт темной триады, моральные суждения принимаются не с позиции эмоционального отстранения или эмоциональной нечувствительности, а с позиции поиска положительного эмоционального возбуждения от страданий других [18].

В целом исследования темных черт показывают их общую значимость в предсказании как неэтичных (аморальных), так и утилитарных моральных решений. При этом наибольший вклад в такие решения вносит психопатия, а далее (по убыванию) следуют макиавеллизм и нарциссизм. Можно предположить, что принятие утилитарных моральных решений при высокой выраженности черт темной триады может обеспечиваться как за счет индифферентного отношения к моральным принципам, так и за счет их отрицания в силу эмоциональной черствости и холодности. В свою очередь, роль садизма в принятии данных решений остается непроясненной: он может как усиливать вклад других черт, так и не оказывать заметного фасилитирующего эффекта на специфику морального выбора. Противоречивость имеющихся здесь данных открывает перспективу других вариантов интерпретации механизмов взаимосвязи между темными чертами и моральным выбором. Другими словами, дальнейшие исследования вклада садизма в принятие моральных решений представляются важными

с точки зрения общего понимания роли темных черт в совершении моральных или аморальных поступков.

ОТЧУЖДЕНИЕ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Феномен отчуждения моральной ответственности появился в психологических исследованиях благодаря А. Бандуре. Он описал восемь механизмов, которые позволяют субъекту «отчуждать» мораль, т.е. не применять внутренние моральные стандарты к самому себе, а также объяснять собственное вредоносное поведение по отношению к окружающим социально приемлемыми причинами, снижая чувство вины и стресс от совершаемых неэтичных поступков [7; 13]. Личностными предпосылками активизации механизмов морального отчуждения могут выступать низкая эмпатия, высокая склонность к цинизму, экстернальный локус контроля, низкое моральное самосознание [17]. В исследованиях приводятся данные о том, что высокая выраженность темной триады связана с отчуждением моральной ответственности — прежде всего за счет макиавеллизма и психопатии (см., например: [19]). Связь макиавеллизма с моральным отчуждением может быть объяснена большей расчетливостью, которая приводит к игнорированию моральных норм. Психопатия может провоцировать моральное отчуждение за счет низкой сознательности и саморегуляции. В свою очередь, связь нарциссизма с моральным отчуждением может объясняться выраженным эгоизмом.

Исследования механизмов морального отчуждения показывают, что они могут выступать посредниками, например, в связях черт темной триады и агрессии [27], злорадства [20], склонности к насилию [24]. Исследования на выборках преступников показывают медиаторную роль морального отчуждения, прежде всего механизмов снижения вредоносности собственных поступков и дегуманизации жертвы, в связях черт темной триады и антисоциальных, а также агрессивно-садистических характеристик [15]. Таким образом, исследования механизмов морального отчуждения и негативных черт показывают, что их совместные эффекты могут повышать вероятность неэтичных и утилитарных моральных решений.

Исходя из представленного обзора исследований, можно предполагать, что черты темной триады (макиавеллизм, нарциссизм и психопатия) могут лежать в основе большего принятия утилитарных решений, причем каждая черта вносит собственный вклад за счет низкой эмоциональной

чувствительности и пренебрежения моральными нормами в целом. Учитывая, что допустимость принятия утилитарных моральных решений на фоне выраженных показателей темной триады может быть также обусловлена, во-первых, садизмом как специфической личностной характеристикой, описывающей получение удовольствия от страдания других, а во-вторых, механизмами оправдания собственного аморального поступка как проявления гибкого отношения к нормам морали, — исследование вкладов механизмов морального отчуждения и садизма при учете других черт темной тетрады позволяют прояснить природу аморальной направленности личности. Отсутствие изменений предсказательной способности черт темной триады в отношении допустимости утилитарных моральных решений при учете переменных садизма и морального отчуждения будет свидетельствовать, скорее, в пользу пренебрежения моральными нормами как главного фактора неэтичных поступков.

Целью данного исследования является описание роли черт темной триады в допустимости утилитарных моральных решений, а также оценка дополнительных вкладов садизма и механизмов отчуждения моральной ответственности в прогнозе утилитарных решений.

Исследовательские гипотезы:

1) черты темной тетрады обнаруживают положительные взаимосвязи и являются положительными предикторами оценки допустимости утилитарных моральных решений. Макиавеллизм и психопатия вносят наибольший, а нарциссизм — наименьший вклад в оценку допустимости утилитарных моральных решений. Добавление садизма увеличивает объяснимость прогностической модели допустимости утилитарных моральных решений;

2) механизмы морального отчуждения повышают прогностический потенциал черт темной тетрады в предсказании допустимости утилитарного морального решения. Учитывая специфику связей разных механизмов морального отчуждения с чертами темной тетрады, можно ожидать специфику их вкладов в предсказание утилитарного морального решения.

МЕТОДИКА

Участники исследования. В исследовании приняли участие 500 респондентов в возрасте от 18 до 26 лет ($M = 20.77$; $SD = 2.20$), студенты российских вузов, 73.2% — женщины. Участие было добровольным, не анонимным, часть респондентов

проходила опрос в рамках изучения психологических дисциплин и получала баллы за участие в исследовании.

Процедура. Исследование проводилось онлайн на платформе onlinetestpad.ru в конце 2022 г. Респонденты были приглашены к участию через ссылку по почте и социальным сетям. Перед началом исследования участник знакомился с информированным согласием и подтверждал его. Время прохождения опроса составляло в среднем 20 мин.

Методики. Измерение исследуемых переменных осуществлялось с помощью методик “Короткий опросник темной тетрады” [6] и “Короткая версия шкалы отчуждения моральной ответственности MD-8” [7], которые являются адаптированными и обладают достаточными психометрическими показателями. Принятие утилитарных моральных решений диагностировалось одним из наиболее распространенных способов — через решение моральных дилемм, которые, несмотря на критику, широко применяются в исследованиях (см., например: [9; 10]). Использовались дилеммы “Теста морального чувства” [12].

Короткий опросник темной тетрады (Short Dark Tetrad; SD4) [6; 33] состоит из 28 утверждений и позволяет диагностировать: макиавеллизм ($\alpha = 0.64$), нарциссизм ($\alpha = 0.75$), психопатию ($\alpha = 0.71$) и садизм ($\alpha = 0.71$). Ответы даются по 5-балльной шкале Лайкерта от 1 (полностью не согласен) до 5 (полностью согласен). Также рассчитывается общий показатель темной тетрады.

Короткая версия шкалы отчуждения моральной ответственности MD-8 (Moral disengagement short scale MD-8) в адаптации Я.А. Ледовой и коллег [7] состоит из 8 утверждений и позволяет оценить восемь механизмов морального отчуждения ($\alpha = 0.76$): моральное оправдание, эвфемистический ярлык, выгодное сравнение, смещение ответственности, рассеивание ответственности, искажение последствий, дегуманизация, атрибуция вины. Ответы даются по 7-балльной шкале Лайкерта от 1 (совершенно не согласен) до 7 (совершенно согласен). Также рассчитывается общий показатель морального отчуждения.

Для диагностики допустимости утилитарного решения использовались четыре дилеммы из *Теста морального чувства (Moral Sense Test)* в адаптации К.Р. Арутюновой и коллег [12]. Были выбраны дилеммы, которые являлись контрастными по отношению друг к другу в реализации одного из принципов, используемых при решении моральных дилемм: действие или бездействие, наличие или отсутствие прямого контакта с жертвой, нанесение

вреда как цель или как побочный эффект. Использовались дилеммы, в содержании которых было следующее сочетание принципов: 1 — активное действие, предвидение вреда, без контакта; 2 — активное действие, вред как цель, без контакта; 3 — активное действие, вред как цель, наличие контакта; 4 — бездействие, вред как цель, без контакта. После знакомства с содержанием дилеммы респондент оценивал поступок героя дилеммы, принимавшего моральное решение, по 7-балльной шкале, где 1 — запрещено, 4 — допустимо, 7 — обязательно. Учитывались оценки по каждой дилемме, а также и общая оценка всех четырех дилемм ($\alpha = 0.68$).

Обработка данных включала корреляционный, регрессионный и сравнительный анализы, выполненные в среде статистического анализа R с использованием пакета psych в программе RStudio [35].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Описательная статистика. Тест Шапиро—Уилка показал отклонение выборочного распределения от нормального, однако значения асимметрии и эксцесса находились в пределах допустимых значений: $As < 2$, $Ex < 7$ [26] (табл. 1). Таким образом, в дальнейшем анализе использовались параметрические методы статистической обработки данных (в силу их большей статистической мощности).

Взаимосвязи черт темной тетрады и допустимости утилитарного решения. В результате корреляционного анализа (с поправкой на множественные сравнения для уровня значимости ($p = 0.001$)) черт темной тетрады и общей оценки допустимости утилитарного решения в моральных дилеммах слабые положительные связи были выявлены для макиавеллизма ($r = 0.20$; $p < 0.001$), садизма ($r = 0.19$; $p < 0.001$) и общего показателя темной тетрады ($r = 0.20$; $p < 0.001$). Нарциссизм и психопатия не обнаружили значимых взаимосвязей с общим показателем допустимости утилитарного решения. Макиавеллизм ($r = 0.18$; $p < 0.001$) и общий показатель темной тетрады ($r = 0.16$; $p = 0.03$) оказались связаны с допустимостью активного вредоносного действия при отсутствии контакта с жертвой. Садизм коррелировал с допустимостью активного целенаправленного вредоносного действия при прямом контакте с жертвой ($r = 0.16$; $p = 0.03$), а также — на уровне тенденции ($r = 0.16$; $p = 0.06$) — с избеганием вредоносного действия без контакта с жертвой.

Таблица 1. Описательная статистика исследуемых переменных

Переменная	Среднее	Ст.откл.	Медиана	Мин.	Макс.	Асимм.	Экссесс
Макиавеллизм	3.19	0.58	3	1	5	-0.12	0.02
Нарциссизм	3.09	0.64	3	1	5	0.10	0.08
Психопатия	2.37	0.64	2	1	5	0.75	0.95
Садизм	2.32	0.70	2	1	5	0.54	0.17
Общий показатель темной тетрады	2.74	0.45	3	1	5	0.63	1.03
Моральное оправдание	2.68	1.54	2	1	7	0.69	-0.40
Эвфемистический ярлык	1.80	1.23	1	1	7	1.83	3.18
Выгодное сравнение	3.44	1.56	4	1	7	0.08	-0.86
Смещение ответственности	2.58	1.35	2	1	7	0.69	-0.16
Рассеивание ответственности	2.39	1.33	2	1	7	1.02	0.61
Искажение последствий	2.23	1.45	2	1	7	1.31	1.03
Дегуманизация	3.03	1.72	3	1	7	0.53	-0.76
Атрибуция вины	3.48	1.73	4	1	7	0.08	-1.05
Общий показатель отчуждения моральной ответственности	2.70	0.92	3	1	7	0.64	0.55
Дилемма 1	4.56	1.23	4	1	7	0.16	0.48
Дилемма 2	4.39	1.39	4	1	7	0.04	0.09
Дилемма 3	4.00	1.32	4	1	7	0.02	0.38
Дилемма 4	4.05	1.58	4	1	7	-0.09	-0.23
Допустимость утилитарного решения	4.25	0.99	4	1	7	0.19	0.62

Примечание. Дилемма 1 — активное действие, предвидение вреда, без контакта; Дилемма 2 — активное действие, вред как цель, без контакта; Дилемма 3 — активное действие, вред как цель, контактно; Дилемма 4 — бездействие, вред как цель, без контакта.

Это позволяет говорить о том, что высокая выраженность черт темной тетрады — высокая манипулятивность и низкая эмпатия, а также положительное отношение к страданиям других — в целом связаны с допустимостью утилитарного морального решения.

Взаимосвязи отчуждения моральной ответственности с оценкой допустимости утилитарных решений и чертами темной тетрады. Среди отдельных механизмов морального отчуждения только атрибуция вины обнаружила связи с общим показателем допустимости утилитарного решения ($r = 0.17$; $p < 0.01$) и допустимостью утилитарного решения в дилемме, предполагающей активное целенаправленное вредоносное действие при контакте с жертвой ($r = 0.18$; $p < 0.01$). Это позволяет предположить, что высокая выраженность механизма приписывания жертве вины за ситуацию или перенесения на нее ответственности может способствовать принятию утилитарных решений. Учитывая, что не было обнаружено корреляционных взаимосвязей других механизмов морального отчуждения и показателей допустимости утилитарного решения, в дальнейшем анализе был использован только механизм атрибуции вины.

Корреляционный анализ черт темной тетрады и атрибуции вины показал наличие положительных взаимосвязей всех четырех черт (макиавеллизм ($r = 0.23$), нарциссизм ($r = 0.21$), психопатия

($r = 0.25$), садизм ($r = 0.32$)) и общего показателя темной тетрады ($r = 0.37$) при $p < 0.01$.

Вклад черт темной тетрады и механизмов отчуждения моральной ответственности в допустимость утилитарных решений. Была сделана серия иерархических регрессионных анализов, в которые в качестве зависимой переменной включались показатели общей допустимости принятия утилитарных решений и показатели каждой дилеммы с разным сочетанием факторов “цель”, “действие” и “контакт”, а в качестве предикторов — макиавеллизм, нарциссизм и психопатия (на первом шаге), затем садизм (на втором шаге) и атрибуция вины (на третьем шаге), при контроле переменных возраста и пола.

Модель регрессии для общего показателя допустимости утилитарного решения, полученная на третьем шаге ($R^2 = 0.067$; $F(7, 492) = 5.047$; $p < 0.001$), включает значимыми предикторами — среди черт темной триады макиавеллизм ($\beta = 0.12$; $t = 2.341$; $p < 0.05$) и садизм ($\beta = 0.12$; $t = 2.102$; $p < 0.05$), а также атрибуцию вины ($\beta = 0.10$; $t = 2.210$; $p < 0.05$). Добавление садизма на втором шаге немного увеличило объяснимость модели ($\Delta R^2 = 0.012$; $F(1, 493) = 6.20$; $p < 0.01$), также как и добавление атрибуции вины на третьем ($\Delta R^2 = 0.009$; $F(1, 492) = 4.88$; $p < 0.05$).

Аналогичные регрессионные анализы были сделаны и для показателей допустимости утилитарно-

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа для допустимости утилитарного решения в дилеммах с различным сочетанием факторов “цель”, “действие”, “контакт”.

Показатель	Активное действие, предвидение вреда, без контакта	Активное действие, вред как цель, без контакта	Активное действие, вред как цель, контактно	Бездействие, вред как цель, без контакта
Коэффициенты регрессионной модели	$R^2 = 0.041$; $F(7,492) = 2.98^{**}$	$R^2 = 0.053$; $F(7,492) = 3.947^{***}$	$R^2 = 0.062$; $F(7,492) = 3.947^{***}$	$R^2 = 0.039$; $F(7,492) = 3.947^{***}$
Возраст	—	—	$beta = -0.10$; $t = -2.291^*$	—
Макиавеллизм	—	$beta = 0.13$; $t = 2.555^*$	—	$beta = 0.11$; $t = 2.083^*$
Нарциссизм	$beta = 0.10$; $t = 1.985^*$	—	—	$beta = -0.09$; $t = -1.965^*$
Психопатия	—	—	—	—
Садизм	—	—	$beta = 0.15$; $t = 2.540^*$	—
Атрибуция вины	—	$beta = 0.10$; $t = 2.276^*$	$beta = 0.13$; $t = 2.792^{**}$	—

Примечание. * — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$; *** — $p < 0.001$.

го решения в дилеммах, отличающихся по условиям активности, целенаправленности вреда и контактности с жертвой (табл. 3).

В целом объяснимость моделей допустимости утилитарного решения при сочетании различных факторов в дилеммах оказалась низкой и не превысила 7%. Нарциссизм оказался единственным предиктором для допустимости активного действия с предвидением вреда и без контакта с жертвой (дилемма 1). Макиавеллизм и атрибуция вины предсказывали допустимость активного целенаправленного вредоносного действия без контакта с жертвой (дилемма 2). Допустимость активного целенаправленного вредоносного действия при контакте с жертвой предсказывалась совокупностью факторов возраста (более молодого), садизма и атрибуции вины (дилемма 3). Допустимость бездействия при нанесении вреда без контакта с жертвой предсказывалась высоким макиавеллизмом и низким нарциссизмом (дилемма 4).

Для анализа вклада механизмов отчуждения моральной ответственности в общий показатель допустимости утилитарного решения при учете черт темной триады был сделан регрессионный анализ, в результате которого была получена модель ($R^2 = 0.059$; $F(6,493) = 5.116$; $p < 0.001$), в которой на первом шаге были включены черты, составляющие темную триаду (макиавеллизм, нарциссизм и психопатия), а на втором — атрибуция вины. Результаты показывают наличие двух предикторов — макиавеллизма ($beta = 0.15$; $t = 2.341$; $p < 0.05$) и атрибуции вины ($beta = 0.12$; $t = 3.289$; $p < 0.001$), которая незначительно увеличивает объяснимость модели ($\Delta R^2 = 0.013$; $F(1,493) = 6.62$; $p < 0.01$) на втором шаге.

Полученные результаты позволяют констатировать, что допустимость утилитарных решений связана с отдельными чертами темной тетрады и может предсказываться ими. Механизмы морального отчуждения, за исключением атрибуции вины, не являются предикторами утилитарных решений. Общий показатель допустимости утилитарного решения объясняется совокупностью предикторов — макиавеллизмом, садизмом и атрибуцией вины жертве. Однако при различном сочетании моральных принципов (активность, цель, контактность) наиболее частыми предикторами становятся макиавеллизм и нарциссизм.

ОБСУЖДЕНИЕ

Макиавеллизм и садизм являются предикторами общей оценки допустимости утилитарного решения, позволяя говорить о том, что эмоциональная нечувствительность [28] и пренебрежение моральными нормами [11] в сочетании со стремлением нанести вред ради собственного удовольствия могут способствовать принятию решения пожертвовать одним человеком в пользу спасения большинства.

При обращении к более частным случаям оценки допустимости принятия утилитарного решения в дилеммах, отличающихся разным сочетанием моральных принципов (цель, действие, контакт), обнаруживается разнонаправленный вклад нарциссизма. Макиавеллизм способствует принятию утилитарных решений в дилеммах, отличающихся активностью или бездействием при целенаправленном нанесении вреда жертве без контакта, что

может объясняться низкой эмоциональностью и нечувствительностью к наносимому вреду другим [25], а также стремлением принять максимально рациональное решение [18]. Таким образом, гипотеза о положительной связи черт темной тетрады и механизмов отчуждения моральной ответственности не только макиавеллизма и психопатии, но и садизма и нарциссизма получила свое подтверждение.

Садизм увеличивает объяснимость модели для допустимости утилитарного решения при рассмотрении общей оценки допустимости утилитарных решений, что согласуется с выдвинутой гипотезой и отдельными исследованиями (см., например: [36]). Однако при анализе отдельных дилемм садизм обнаруживается как предиктор только в случае наиболее “жесткой” дилеммы, предполагающей активность в нанесении контактного вреда, что можно объяснить как большим эмоциональным возбуждением, вызванным ситуацией [18], так и исходя из того, что садизм предполагает положительные эмоции от страданий других [33]. При этом другие черты тетрады не выступают как значимые предикторы в допустимости утилитарного решения в данной дилемме, а участие возраста в качестве значимого предиктора в данной модели позволяет полагать, что более молодые респонденты спокойнее относятся к страданиям других, что также согласуется с большей выраженностью черт темной триады в более молодом возрасте [3]. Интересно отметить, что психопатия не проявилась ни как коррелят, ни как предиктор для допустимости утилитарного решения, в отличие от других исследований [36]. Полученный результат поднимает вопрос о содержании психопатии и садизма как свойств, составляющих темную тетраду, и специфике в их проявлении. Возможно, в основе утилитарных решений может лежать не столько сниженный самоконтроль и импульсивность, сколько равнодушие к жестокости.

Таким образом, вторая гипотеза подтверждается только в отношении макиавеллизма, но не психопатии как предиктора допустимости утилитарного решения, при этом в отношении отдельных дилемм обнаружен вклад нарциссизма. Добавление садизма увеличивает объяснимость прогностической модели обобщенного показателя допустимости утилитарного решения и показателя допустимости утилитарного решения в дилемме, предполагающей активное нанесение вреда при контакте с жертвой.

Среди всех механизмов морального отчуждения только атрибуция вины жертве связана с общей допустимостью утилитарного решения и в дилеммах,

где нанесение вреда является целенаправленным и активным действием, независимо от контакта с жертвой. Все черты темной тетрады обнаруживают связь с атрибуцией вины жертве, т.е. стремлением перенести ответственность за случившееся на пострадавшую сторону, что может объясняться стремлением защитить собственное Я, низкой эмпатией, игнорированием морально-этических норм и равнодушием к страданиям других [18; 31].

Независимо от того, в какую модель предикторов включается атрибуция вины, ее роль как предиктора остается относительно одинаковой. Вероятно, в ситуации принятия утилитарного решения в дилеммах именно этот механизм морального отчуждения позволяет проявить моральную гибкость — приписать виновность в ситуации персонажу-жертве и тем самым снять с себя ответственность. Это может объясняться через реципрокную связь атрибуции вины и негативных переживаний по поводу ситуации. Так, если человек, воспринимающий ситуацию, рассматривает причину вредоносного действия как поддающуюся контролю со стороны жертвы, то в этом случае у воспринимающего возникает негативный эмоциональный ответ, который, в свою очередь, запускает атрибуцию вины [21].

Атрибуция вины чаще рассматривается в контексте теории атрибуции Хайдера [8], а не как механизм морального отчуждения, однако исследования в данном направлении позволяют понять роль атрибуции вины в принятии утилитарных решений. Так, атрибуция вины рассматривается как средство снижения тревожности и чувства раскаяния за содеянное.

Кроме того, атрибуция вины связана с враждебностью, психотизмом и шкалой лжи по личностному опроснику Г. Айзенка [34], что может объяснять совместное с макиавеллизмом и садизмом проявление атрибуции в дилеммах активного нанесения вреда. Также повышение атрибуции вины связано с большим стремлением защитить собственное Я [30].

В целом третья гипотеза нашла свое частичное подтверждение, можно констатировать, что моральное отчуждение совместно с темной тетрадой способствует принятию утилитарного решения. Более детальный анализ показывает роль единственного механизма отчуждения моральной ответственности — атрибуции вины, наряду с чертами тетрады, в принятии утилитарных решений в дилеммах, отличающихся сочетанием моральных принципов (цель, действие, контакт).

ВЫВОДЫ

По итогам проведенного исследования можно констатировать следующее.

1. Черты темной тетрады предсказывают большую допустимость утилитарного решения. Макиавеллизм и садизм являются значимыми предикторами для обобщенной оценки допустимости утилитарного решения. В дилеммах с разным сочетанием принципов (активности, целенаправленности вреда и контактности с жертвой) нарциссизм и психопатия оказываются чертами, не вносящими вклад в допустимость утилитарных решений. Интерес представляет то, что допустимость активного нанесения вреда жертве будет характерна для более молодых людей с более высоким садизмом и склонностью обвинять жертву.

2. Среди механизмов морального отчуждения только атрибуция вины жертве связана с общей допустимостью утилитарного решения, что может свидетельствовать о стремлении перенести вину за утилитарное решение на пострадавшего, который сам виноват в том, что оказался в данной ситуации. Атрибуция вины жертве также вносит дополнительный вклад в объяснимость принятия утилитарных решений в целом и в отдельных дилеммах, где нанесение вреда является целенаправленным и активным действием независимо от контакта с жертвой.

3. В качестве ограничений исследования можно отметить: во-первых, специфику выборки в отношении возрастного диапазона и преобладания женщин; во-вторых, использование по одной дилемме с различным сочетанием принципов (активности, целенаправленности вреда и контактности с жертвой).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова К.Р., Александров Ю.И. Мораль и субъективный опыт. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2019. 188 с.
2. Балева М.В., Корниенко Д.С., Ячменёва Н.П. Роль темной триады и ориентации на материализм в оценке этически необоснованного экономического решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 1. С. 24–40. DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-1-24-40
3. Джонасон П. Возраст и Темная триада: снижение показателей черт Темной триады и увеличение их согласованности на протяжении жизни // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43. С. 3. DOI: 10.54359/ps.v8i43.516
4. Егорова М.С., Ситникова М.А. Темная триада // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 38. С. 12. DOI: 10.54359/ps.v7i38.580
5. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю. Моральные дилеммы и особенности личности // Психология и право. 2019. Т. 9. № 2. С. 141–155. DOI: 10.17759/psylaw.2019090210
6. Корниенко Д.С., Вязовкина В.К., Горностаев И.С. Адаптация и психометрическая проверка методики "Короткий опросник темной тетрады" // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 87–98. DOI: 10.31857/S020595920022787-1
7. Ледовая Я.А., Тихонов Р.В., Боголюбова О.Н. и др. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. № 4. С. 23–39. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.402
8. Налчаджян А.А. Атрибуция, диссонанс и социальное познание. М.: Когито-Центр, 2006. 549 с.
9. Пляскина А.С. Дилемма выбора меньшего зла: две методики исследования // Вопросы психологии. 2018. № 6. С. 146–157.
10. Шабалин А.П., Первушина О.Н. Использование метода дилемм в эмпирических исследованиях морали // Вопросы психологии. 2018. № 5. С. 78–87.
11. Abdollahi A., Hashemi F., Faraji H.R. et al. Moral disengagement: Mediator between moral perfectionism and Machiavellian behavior among undergraduates? // Psychological Reports. 2021. V. 124. № 6. P. 2761–2773. DOI: 10.1177/0033294120964067
12. Arutyunova K.R., Alexandrov Yu.I., Znakov V.V., Hauser M.D. Moral judgments in Russian culture: Universality and cultural specificity // Journal of Cognition and Culture. 2013. V. 13. № 34. P. 255–285. DOI: 10.1163/15685373-12342094
13. Bandura A. Moral disengagement: How people do harm and live with themselves. New York: Worth Publishers. 2016. 446 p.
14. Bartels D.M., Pizarro D.A. The mismeasure of morals: Antisocial personality traits predict utilitarian responses to moral dilemmas // Cognition. 2011. V. 121. № 1. С. 154–161. DOI: 10.1016/j.cognition.2011.05.010
15. Brugués G., Caparrós B. Dysfunctional personality, Dark Triad and moral disengagement in incarcerated offenders: Implications for recidivism and violence // Psychiatry, psychology and law. 2022. V. 29. № 3. P. 431–455. DOI: 10.1080/13218719.2021.1917011
16. Cushman F., Young L., Hauser M. The role of conscious reasoning and intuition in moral judgment: Testing three principles of harm // Psychological science. 2006. V. 17. № 12. P. 1082–1089. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2006.01834.x
17. Detert J.R., Treviño L.K., Sweetzer V.L. Moral disengagement in ethical decision making: A study of antecedents

- and outcomes // *Journal of Applied Psychology*. 2008. V. 93. № 2. P. 374. DOI: 10.1037/0021-9010.93.2.374
18. *Djeriouat H., Trémolière B.* The Dark Triad of personality and utilitarian moral judgment: The mediating role of Honesty/Humility and Harm/Care // *Personality and Individual Differences*. 2014. V. 67. P. 11–16. DOI: 10.1016/j.paid.2013.12.026
 19. *Egan V., Hughes N., Palmer E.J.* Moral disengagement, the dark triad, and unethical consumer attitudes // *Personality and Individual Differences*. 2015. V. 76. № 1. P. 123–128. DOI: 10.1016/j.paid.2014.11.054
 20. *Erzi S.* Dark Triad and schadenfreude: Mediating role of moral disengagement and relational aggression // *Personality and Individual Differences*. 2020. V. 157. P. 109827. DOI: 10.1016/j.paid.2020.109827
 21. *Feigenson N., Park J.* Emotions and attributions of legal responsibility and blame: A research review // *Law and Human Behavior*. 2006. V. 30. P. 143–161. DOI: 10.1007/s10979-006-9026-z
 22. *Furnham A., Richards S.C., Paulhus D.L.* The Dark Triad of personality: A 10 year review // *Social and personality psychology compass*. 2013. V. 7. № 3. P. 199–216. DOI: 10.1111/spc3.12018
 23. *Jonason P., Dinić B.* Passing the torch: Second-generation research on the Dark Triad/Tetrad traits // *Primenjena psihologija*. 2021. V. 14. № 4. P. 397–405.
 24. *Jones B.D., Woodman T., Barlow M., Roberts R.* The darker side of personality: Narcissism predicts moral disengagement and antisocial behavior in sport // *The Sport Psychologist*. V. 31. № 2. P. 109–116. DOI: 10.1123/tsp.2016-0007
 25. *Karandikar S., Kapoor H., Fernandes S., Jonason P.K.* Predicting moral decision-making with dark personalities and moral values // *Personality and Individual Differences*. 2019. V. 140. P. 70–75. DOI: 10.1016/j.paid.2018.03.048
 26. *Kim H.Y.* Statistical notes for clinical researchers: assessing normal distribution using skewness and kurtosis // *Restorative Dentistry & Endodontics*. 2013. V. 38. № 1. P. 52–54. DOI: 10.5395/rde.2013.38.1.52
 27. *Kokkinos C.M., Voulgaridou I., Markos A.* Personality and relational aggression: Moral disengagement and friendship quality as mediators // *Personality and Individual Differences*. 2016. V. 95. P. 74–79. DOI: 10.1016/j.paid.2016.02.028
 28. *Malinowski C.* The relationship between Machiavellianism and undergraduate student attitudes about hypothetical marketing moral dilemmas // *Competitiveness Review: An International Business Journal*. 2009. V. 19. № 5. P. 398–408. DOI: 10.1108/10595420910996019
 29. *Martíns A.T., Sobral T., Jiménez-Ros A.M., Faísca L.* The relationship between stress, negative (dark) personality traits, and utilitarian moral decisions // *Revista de Psicopatología y Psicología Clínica*. 2022. V. 27. № 3. P. 205–216. DOI: 10.5944/rppc.28948
 30. *Murray S., Krasich K., Irving Z. et al.* Mental control and attributions of blame for negligent wrongdoing // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2023. V. 152. № 1. P. 120–138. DOI: 10.1037/xge0001262
 31. *Paruzel-Czachura M., Farny Z.* Psychopathic Traits and Utilitarian Moral Judgment Revisited // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2023. DOI: 10.1177/01461672231169105
 32. *Paulhus D.L., Williams K.M.* The dark triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and Psychopathy // *Journal of Research in Personality*. 2002. V. 36. № 6. P. 556–563. DOI: 10.1016/S0092-6566(02)00505-6
 33. *Paulhus D.L., Buckels E.E., Trapnell P.D., Jones D.N.* Screening for dark personalities // *European Journal of Psychological Assessment*. 2020. V. 37. № 3. P. 208–222. DOI: 10.1027/1015-5759/a000602
 34. *Peersen M., Gudjonsson G.H., Sigurdsson J.F.* The relationship between general and specific attribution of blame for a “serious” act and the role of personality // *Nordic Journal of Psychiatry*. 2000. V. 54. № 1. P. 25–30. DOI: 10.1080/080394800427546
 35. R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing. 2019.
 36. *Wrenn K.H.* Dark Tetrad Responses to Moral Dilemmas. MA Thesis. UNLV Theses, Dissertations, Professional Papers, and Capstones. 3975. 2020. DOI: 10.34917/19412206

UTILITARIAN ETHICS: THE IMPACT OF THE DARK TETRAD TRAITS AND THE MECHANISMS OF MORAL DISENGAGEMENT^{3,4}

D. S. Kornienko^{1,*}, M. V. Baleva^{2,**}, N. P. Yachmenyova^{1,***}

¹*Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 119602, Moscow, Vernadsky Avenue, 82/3, Russia.*

²*Perm State University;*

614990, Perm, Bukireva str., 15, Russia.

^{*}*ScD (Psychology), Professor of the Department of General Psychology.*

E-mail: kornienko-ds@ranepa.ru

^{**}*PhD (Psychology), Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Faculty of Philosophy and Sociology.*

E-mail: milenabaleva@yandex.ru

^{***}*Senior Lecturer of the Department of General Psychology.*

E-mail: yachmeneva-np@ranepa.ru

Received 13.02.2024

Abstract. The Dark Tetrad refers to the combination of four non-clinical traits: machiavellianism, narcissism, psychopathy, and sadism. These traits are associated with a lack of empathy, a tendency to disregard ethical issues, and a flexible approach to moral principles. The moral disengagement of responsibility involves defense mechanisms that facilitate the process of making callous and unethical judgments. The ongoing research aims to enhance our comprehension of how negative personality traits contribute to morally reprehensible behavior by investigating the role of dark tetrad features in combination with mechanisms of moral disengagement. The study aimed to investigate the connections between Dark Tetrad traits and the mechanisms of moral disengagement, as well as their collective impact on utilitarian decision-making. The hypothesis suggested that machiavellianism and psychopathy would exhibit the most significant correlations with moral disengagement mechanisms. Additionally, it was anticipated that when combined with sadism and moral disengagement mechanisms, these traits would result in the highest predictive capacity in a regression model for utilitarian decisions. The survey involved a sample of 500 participants, specifically students aged 18 to 26, 73.2% women. The study was conducted online. The study utilized the Short Dark Tetrad Questionnaire, a shortened version of the MD-8 Moral Disengagement Scale, and moral dilemmas from the Moral Sense Test. It aimed to explore the relationships between machiavellianism, psychopathy, and non-clinical sadism, as well as the mechanisms of moral disengagement and the inclination to reach utilitarian conclusions in moral dilemmas. The study revealed that machiavellianism, sadism, and the tendency to attribute blame are important factors that contribute to the widespread acceptance of utilitarian decision-making. The acceptability of making a utilitarian judgment using different combinations of moral principles (such as action, intent to cause harm, and contact with the victim) demonstrated the impact of narcissism. When making a utilitarian decision in a dilemma where direct harm is caused to the victim, a prediction model can be created using a combination of sadism, attribution of blame, and younger age. Individuals who display a strong presence of the Dark Tetrad traits, namely machiavellianism, narcissism, and sadism, are inclined to make utilitarian decisions. Additionally, they use various methods to disengage themselves from moral responsibility. One such method involves shifting the blame onto the victim and attributing guilt to them.

Keywords: Dark Triad, Dark Tetrad, moral dilemmas, moral disengagement, utilitarian decisions, machiavellianism, narcissism, psychopathy, non-clinical sadism.

REFERENCES

1. *Arutyunova K.R., Aleksandrov Yu.I.* Moral' i sub"ektivnyi opyt. Moscow: Publ. "Institut psikhologii RAN", 2019. 188 p.
2. *Baleva M.V., Kornienko D.S., Yachmeneva N.P.* Rol' temnoi triady i orientatsii na materializm v otsenke eticheskoi neobosnovannogo ekonomicheskogo resheniya. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya:

³ The article was prepared as part of the research work on a state assignment from the RANEPa.

⁴ The authors are grateful for the help provided in collecting data by G.A. Karakyan and V.M. Afanasyeva.

- Psikhologiya i pedagogika. 2023. V. 20. № 1. P. 24–40. DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-1-24-40
3. *Dzhonason P.* Vozrast i Temnaya triada: snizhenie pokazatelei chert Temnoi triady i uvelichenie ikh soglasovanosti na protyazhenii zhizni. Psikhologicheskie issledovaniya. 2015. V. 8. № 43. P. 3. DOI: 10.54359/ps.v8i43.516
 4. *Egorova M.S., Sitnikova M.A.* Temnaya triada. Psikhologicheskie issledovaniya. 2014. V. 7. № 38. P. 12. DOI: 10.54359/ps.v7i38.580
 5. *Enikolopov S.N., Medvedeva T.I., Vorontsova O.Yu.* Moral'nye dilemmy i osobennosti lichnosti. Psikhologiya i pravo. 2019. V. 9. № 2. P. 141–155. DOI: 10.17759/psylaw.2019090210
 6. *Kornienko D.S., Vyazovkina V.K., Gornostaev I.S.* Adaptatsiya i psikhometricheskaya proverka metodiki "Korotkii oprosnik temnoi tetrady". Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 5. P. 87–98. DOI: 10.31857/S020595920022787-1
 7. *Ledovaya Ya.A., Tikhonov R.V., Bogolyubova O.N. et al.* Otchuzhdenie moral'noi otvetstvennosti: psikhologicheskii konstrukt i metody ego izmereniya. Vestnik SPbGU. Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogika. 2016. № 4. P. 23–39. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.402
 8. *Nalchadzhyan A.A.* Atributsiya, dissonans i sotsial'noe poznanie. Moscow: Cogito-Centre, 2006. 549 p.
 9. *Plyaskina A.S.* Dilemma vybora men'shego zla: dve metodiki issledovaniya. Voprosy psikhologii. 2018. № 6. P. 146–157.
 10. *Shabalin A.P., Pervushina O.N.* Ispol'zovanie metoda dilemm v empiricheskikh issledovaniyakh morali. Voprosy psikhologii. 2018. № 5. P. 78–87.
 11. *Abdollahi A., Hashemi F., Faraji H.R. et al.* Moral disengagement: Mediator between moral perfectionism and Machiavellian behavior among undergraduates? Psychological Reports. 2021. V. 124. № 6. P. 2761–2773. DOI: 10.1177/0033294120964067
 12. *Arutyunova K.R., Alexandrov Yu.I., Znakov V.V., Hauser M.D.* Moral judgments in Russian culture: Universality and cultural specificity. Journal of Cognition and Culture. 2013. V. 13. № 34. P. 255–285. DOI: 10.1163/15685373-12342094
 13. *Bandura A.* Moral disengagement: How people do harm and live with themselves. New York: Worth Publishers, 2016. 446 p.
 14. *Bartels D.M., Pizarro D.A.* The mismeasure of morals: Antisocial personality traits predict utilitarian responses to moral dilemmas. Cognition. 2011. V. 121. № 1. P. 154–161. DOI: 10.1016/j.cognition.2011.05.010
 15. *Brugués G., Caparrós B.* Dysfunctional personality, Dark Triad and moral disengagement in incarcerated offenders: Implications for recidivism and violence. Psychiatry, psychology and law. 2022. V. 29. № 3. P. 431–455. DOI: 10.1080/13218719.2021.1917011
 16. *Cushman F., Young L., Hauser M.* The role of conscious reasoning and intuition in moral judgment: Testing three principles of harm. Psychological science. 2006. V. 17. № 12. P. 1082–1089. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2006.01834.x
 17. *Detert J.R., Treviño L.K., Sweitzer V.L.* Moral disengagement in ethical decision making: A study of antecedents and outcomes. Journal of Applied Psychology. 2008. V. 93. № 2. P. 374. DOI: 10.1037/0021-9010.93.2.374
 18. *Djeriouat H., Trémolière B.* The Dark Triad of personality and utilitarian moral judgment: The mediating role of Honesty/Humility and Harm/Care. Personality and Individual Differences. 2014. V. 67. P. 11–16. DOI: 10.1016/j.paid.2013.12.026
 19. *Egan V., Hughes N., Palmer E.J.* Moral disengagement, the dark triad, and unethical consumer attitudes. Personality and Individual Differences. 2015. V. 76. № 1. P. 123–128. DOI: 10.1016/j.paid.2014.11.054
 20. *Erzi S.* Dark Triad and schadenfreude: Mediating role of moral disengagement and relational aggression. Personality and Individual Differences. 2020. V. 157. P. 109827. DOI: 10.1016/j.paid.2020.109827
 21. *Feigenson N., Park J.* Emotions and attributions of legal responsibility and blame: A research review. Law and Human Behavior. 2006. V. 30. P. 143–161. DOI: 10.1007/s10979-006-9026-z
 22. *Furnham A., Richards S.C., Paulhus D.L.* The Dark Triad of personality: A 10 year review. Social and personality psychology compass. 2013. V. 7. № 3. P. 199–216. DOI: 10.1111/spc3.12018
 23. *Jonason P., Dinić B.* Passing the torch: Second-generation research on the Dark Triad/Tetrad traits. Primenjena psihologija. 2021. V. 14. № 4. P. 397–405.
 24. *Jones B.D., Woodman T., Barlow M., Robert R.* The darker side of personality: Narcissism predicts moral disengagement and antisocial behavior in sport. The Sport Psychologist. V. 31. № 2. P. 109–116. DOI: 10.1123/tsp.2016-0007
 25. *Karandikar S., Kapoor H., Fernandes S., Jonason P.K.* Predicting moral decision-making with dark personalities and moral values. Personality and Individual Differences. 2019. V. 140. P. 70–75. DOI: 10.1016/j.paid.2018.03.048
 26. *Kim H.Y.* Statistical notes for clinical researchers: assessing normal distribution using skewness and kurtosis. Restorative Dentistry & Endodontics. 2013. V. 38. № 1. P. 52–54. DOI: 10.5395/rde.2013.38.1.52
 27. *Kokkinos C.M., Voulgaridou I., Markos A.* Personality and relational aggression: Moral disengagement and friendship quality as mediators. Personality and Individual Differences. 2016. V. 95. P. 74–79. DOI: 10.1016/j.paid.2016.02.028
 28. *Malinowski C.* The relationship between Machiavellianism and undergraduate student attitudes about hypothetical marketing moral dilemmas. Competitiveness Review:

- An International Business Journal. 2009. V. 19. № 5. P. 398–408. DOI: 10.1108/10595420910996019
29. *Martíns A.T., Sobral T., Jiménez-Ros A.M., Faísca L.* The relationship between stress, negative (dark) personality traits, and utilitarian moral decisions. *Revista de Psicopatología y Psicología Clínica*. 2022. V. 27. № 3. P. 205–216. DOI: 10.5944/rppc.28948
 30. *Murray S., Krasich K., Irving Z. et al.* Mental control and attributions of blame for negligent wrongdoing. *Journal of Experimental Psychology: General*. 2023. V. 152. № 1. P. 120–138. DOI: 10.1037/xge0001262
 31. *Paruzel-Czachura M., Farny Z.* Psychopathic Traits and Utilitarian Moral Judgment Revisited. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2023. DOI: 10.1177/01461672231169105
 32. *Paulhus D.L., Williams K.M.* The dark triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and Psychopathy. *Journal of Research in Personality*. 2002. V. 36. № 6. P. 556–563. DOI: 10.1016/S0092-6566(02)00505-6
 33. *Paulhus D.L., Buckels E.E., Trapnell P.D., Jones D.N.* Screening for dark personalities. *European Journal of Psychological Assessment*. 2020. V. 37. № 3. P. 208–222. DOI: 10.1027/1015-5759/a000602
 34. *Peersen M., Gudjonsson G.H., Sigurdsson J.F.* The relationship between general and specific attribution of blame for a “serious” act and the role of personality. *Nordic Journal of Psychiatry*. 2000. V. 54. № 1. P. 25–30. DOI: 10.1080/080394800427546
 35. R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing. 2019.
 36. *Wrenn K.H.* Dark Tetrad Responses to Moral Dilemmas. MA Thesis. UNLV Theses, Dissertations, Professional Papers, and Capstones. 3975. 2020. DOI: 10.34917/19412206

УДК 159.97

ЧЕЛОВЕК И ФОБИИ ЧАСТЕЙ ЕГО ТЕЛА: ПОЛОВЫЕ/ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ

© 2024 г. И. В. Грошев*, Ю. А. Давыдова**

АНО НИИ образования и науки;

123056, г. Москва, ул. Большая Грузинская, д. 32, стр. 3, Россия.

**Доктор психологических наук, доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора по науке НИИ образования и науки.*

E-mail: aus_tgy@mail.ru

***Кандидат психологических наук, доцент, заместитель директора по связям
с общественностью НИИ образования и науки.*

E-mail: UA_Davidova@mail.ru

Поступила 11.01.2024

Аннотация. Исследуется связь между частями человеческого тела и формированием их фобической фабулы у мужчин и женщин. Методология работы базируется на вторичном анализе результатов проведенных и опубликованных исследований по имеющимся объектам (человеческое тело и его части) фобий. Выявлено 57 частей человеческого тела, в отношении которых у мужчин и женщин формируются фобические тревожные расстройства, из них в мужской группе респондентов 15 объектов страха вызывают стойкие фобии тела, а в женской группе — 40 триггеров страха детерминируют появление фобий и их формирование. У мужчин наибольший страх вызывают женская психика (страх феминности), а румянец на лице и женские уши — наименьший. У женщин непривлекательность лица, уродливость, различные телесно-лицевые дефекты, деформированное тело, морщины, зубы провоцируют максимально глубокое фобическое расстройство. В заключение делается вывод о том, что данный вид фобий влияет на качество жизни человека, а по частоте развития и коморбидности преобладает в группе женщин, которые чаще от него страдают.

Ключевые слова: женщины, мужчины, половые/гендерные различия, страхи, фобии тела, части человеческого тела.

DOI: 10.31857/S0205959224030079

Импактность и “влиятельность” явления фобийности. Фобии — одна из актуальных проблем современного общества, формы проявления которой довольно разнообразны. Явление фобийности как заболевание не уменьшается в своей частоте, а показатели растут с риском возникновения фобий в течение жизни в 13,3% [24], оказывая влияние на качество жизни человека. Сведения исследований, проведенных в разных странах мира, подтверждают, что около 40–50% населения когда-либо в жизни страдали теми или иными фобическими расстройствами [19].

Как комплексное и дифференцированное понятие, фобия в отличие, например, от страха представляет собой сложную субстанциальную картину, основу которой составляет множество факторов — социальных, физиологических, медицинских, психиатрических, психологических и т.д.

Названные факторы обуславливают “вездесущность” фобийности, ее присутствие в различных видах дискурса [11]. Кроме того, фобии отличаются от страха тем, что они иррациональны, не поддаются контролю и часто сопровождаются паническими атаками, оказывая влияние на здоровье человека, вызывая стрессы, раздражение, головные боли, болевые синдромы.

Клинические проявления фобийности могут выражаться и во многих других отрицательных моментах, сочетаясь, например, с другими заболеваниями, оказывающих существенное влияние на качество жизни человека, на отношения с близкими людьми, эффективность профессиональной деятельности и др. Оценка качества жизни человека определяясь и оцениваясь многими составляющими компонентами, индивидуально рефлексруется через клинически проявляемые проблемы,

связанные с психостатусом личности, в который включается психосоматика, детерминирующая появление чувства тревожности, депрессивность, раздражение и другую симптоматику, определяя в конечном счете субъективное отношение к собственной личности, психологическому и психическому здоровью, изменяя поведенческий репертуар человека (мужчины или женщины). Все больше и больше публикаций за последние 10 лет говорят о том, что у таких людей, страдающих разными типами фобий, чаще всего возникает проблематизация в выстраивании поведенческих паттернов, нарушается поведенческая регуляция, появляются нервно-психическая неустойчивость, стресс, эмоциональное напряжение, психотические проявления, эмоциональная неустойчивость и т.д., а главное — появляются мотивы направленного против себя насилия. Таким образом, сегодня изучение фобий становится актуальной научной проблематикой, учитывая значительный интерес к ее исследованию как мирового, так и российского научно-общественного сообщества.

По мнению некоторых зарубежных исследователей [7; 9; 10], среди многочисленных объектов страха, наиболее франкированных у мужчин и женщин, провоцирующих психосоматическую симптоматику, которая детерминирует в дальнейшем психическую соматизацию и вызывает возникновение *фобического тревожного расстройства (ФТР)*¹, особое место занимают человеческое тело и его части. Именно они формируют у мужчин и женщин фобийную фобулу, получившую, согласно классификации, предложенной С. Джун [23], название *фобий тела (ФТ)*². При этом онтологическая неоднородность ФТ, определяя междисциплинарную зону их исследования, дефинирует их конститутивный статус в ряду других различных фобий, что эксплицирует актуальность исследования данного вида ФТР.

Объектность человеческого тела и его частей. Человеческое тело и его части в настоящее время являются одним из центральных объектов многих наук (философии, антропологии, культурологии, социологии, медицины, психологии и др.), превращаясь

из биологического феномена, как указывают М.Л. Бутовская и В.В. Левашова, в социокультурный: тело в дополнение к природным атрибутам приобретает культурные, социальные и психологические свойства [1, с. 26]. Помимо всего прочего, тело человека и его части, играя в жизни сложную роль, являются элементом передачи информации не только о физической красоте, привлекательности человека, но и о его существенных индивидуальных особенностях (возраст, половая и расовая принадлежность, самооценка, образ “Я”, социальный статус, здоровье и др.). Многие телесные маркеры, выступая критериями физической привлекательности, красоты (волосы, женская грудь, мужской торс, женские губы и др.) и здоровья, будучи предписаны гендерным концептом и психологически интериоризируясь, должны не провоцировать когнитивный диссонанс, вызывая страх как у мужчин, так и у женщин, а, наоборот, создавать своеобразный амодальный буфер в целостном восприятии образа собственного тела человека [6].

Гендерный/половой фактор фобийности. Среди основных консигнаторов, которые влияют на различные концепты фобийности, исследователи выделяют гендерный фактор, проявляющийся в половых различиях. При этом фактор пола/гендера не только в фобических установках, но и в реальных поведенческих моделях выступает одной из основных детерминант, которую в своих исследованиях указывают в основном зарубежные ученые. Нам не удалось обнаружить работы отечественных исследователей, конкретно посвященные выявлению половых/гендерных различий в реакциях, связанных со страхом, и особенностей проявления ФТ в мужской и женской группах респондентов, объектом которых являются те или иные части человеческого тела.

Представляется, что вышеизложенное подтверждает определенную целесообразность изучения фобий человеческого тела через призму половых/гендерных различий и позволяет актуализировать к данной проблеме научный интерес. При этом многочисленные данные подтверждают, что ФТР поражают около 21% женщин и 11% мужчин [5]. Кроме того, данное исследование носит пилотный характер и представляет собой движение в направлении верификации феномена ФТ в пределах ФТР, включающего в себя страх частей человеческого тела, в отношении которых формируются фобические расстройства.

В данной статье предпринята попытка сравнительного анализа и систематизации некоторых результатов исследований, современных оригинальных и научных данных медицинской, социологической,

¹ Иррациональный страх (фобия, от греч. phobos — “страх”), имеющий абсессивную природу, постоянно и стойко возникающий, представленный навязчиво и сильно, выражающийся в определенном модусе проявления тревоги, в виде боязни одушевленных или неодушевленных (специфических) объектов, отдельных предметов, действий, событий и, в частности, различных частей (собственного) тела (называемых “стимулами фобий”), развивающийся в ответ на определенные как внутренние импульсы, так и внешние ситуации.

² Фобии, включающие в себя боязнь человеческого тела и его частей, болезней, синдромов, медицинских процедур и лечения, а также несоциального поведения.

психиатрической, психологической и другой литературы по профилю ФТР в объектности частей человеческого тела с учетом гендерно-половозрастных различий. Данная проблема относится к числу актуальных комплексных задач изучения человека и его здоровья как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Однако, несмотря на ее многоаспектность, рассмотрим влияние лишь одного фактора на частоту ФТР, а именно фактора пола/гендера.

Цель, объект и предмет исследования. Цель данного исследования — выявление, анализ и систематизация существующих результатов изучения фобий тех или иных частей человеческого тела, а также детерминант (идентификационных факторов), влияющих на процесс их формирования.

Объект исследования — мужчины/юноши/мальчики, женщины/девушки/девочки населения³ тех стран, в которых проводились замеры.

Предмет исследования — особенности влияния гендера/пола на процесс формирования и проявления фобий человеческого тела и его частей.

МЕТОДИКА

Методология исследования базировалась на вторичном анализе результатов ранее проведенных исследований, опубликованных зарубежными учеными. При этом выбор фобий определялся лишь одним признаком их принадлежности к группе фобий, детерминирующим выявленный спектр частей человеческого тела. Приведенные в статье существующие фобии 57 частей человеческого тела, в отношении которых формируются фобические расстройства, на данный момент являются исчерпывающими, так как в проанализированной литературе не обнаружено еще каких-либо триггеров, объектов страха человеческого тела, вызывающих фобии.

В основу вторичного анализа данных положены результаты исследований конкретных объектов (в данном случае человеческого тела и его частей) фобийности. Все данные ассемблировались вне зависимости от “привязки” к какому-то конкретному периоду (времени) исследований, так как этот принцип не дал бы возможности интегрировать ту информацию, которую удалось получить. Период времени анализируемых исследований составил более 40 лет, что может являться определенным

критерием валидации представленных данных и их корреляции между собой. Эксперция исследований репрезентирует респондентов не только по гендеру/полу, но и по возрасту начала проявления фобии, распространенности среди близких родственников и населения в целом.

Количественная методология (количество респондентов фиксирует лишь количественный параметр выборки) была дополнена качественной — анализом результатов, позволившим выявить и более четко рефлексировать гендерную направленность с целью определения направлений дальнейшего изучения явления фобийности у мужчин и женщин.

На основе метаанализа, объединив данные, собранные в более чем 70 научных работах (ссылки на часть из них приведены в прилагаемом списке литературы), мы получили выборку из около 20 тыс. человек, из них женщин/девушек/девочек — 11 047, мужчин/юношей/мальчиков — 7969 (рис. 1).

Более полное описание методологии исследования с конкретизацией методики анализа эмпирических данных представлено нами в предыдущей работе [5].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В итоге проведенного метаанализа нами было выявлено 57 частей человеческого тела, в отношении которых у мужчин и женщин формируются ФТР. Иными словами, пол/гендер и диагностируемый объект страха (часть человеческого тела) стали в работе одними из основных установленных предикторов, что позволило проанализировать отдельно нозологическую специфику и влияние на нее половых различий, а также их сочетанное воздействие, т.е. изменение признака в зависимости от определенного пола при конкретной нозологии.

Предварительный анализ объектов страха показал, что в целом у мужчин и женщин не имеется общих фобий на физические или психические недостатки человеческого тела и его частей. Однако в процессе дифференцирования объектов страха через призму пола/гендера были обнаружены две части человеческого тела, которые одновременно у мужчин и женщин вызывают стойкие фобии. Это выпадающие волосы и запах изо рта. Возникающий при этом страх может быть связан, как мы полагаем, с социофобией, в частности с появлением в обществе и необходимостью общения с людьми. Касательно страха выпадающих волос можно

³ Хотя по содержанию работы объектом исследования в ней являются не люди, а публикации, посвященные фобиям, в которых приведены результаты исследования фобической фабулы у людей разного пола и возраста.

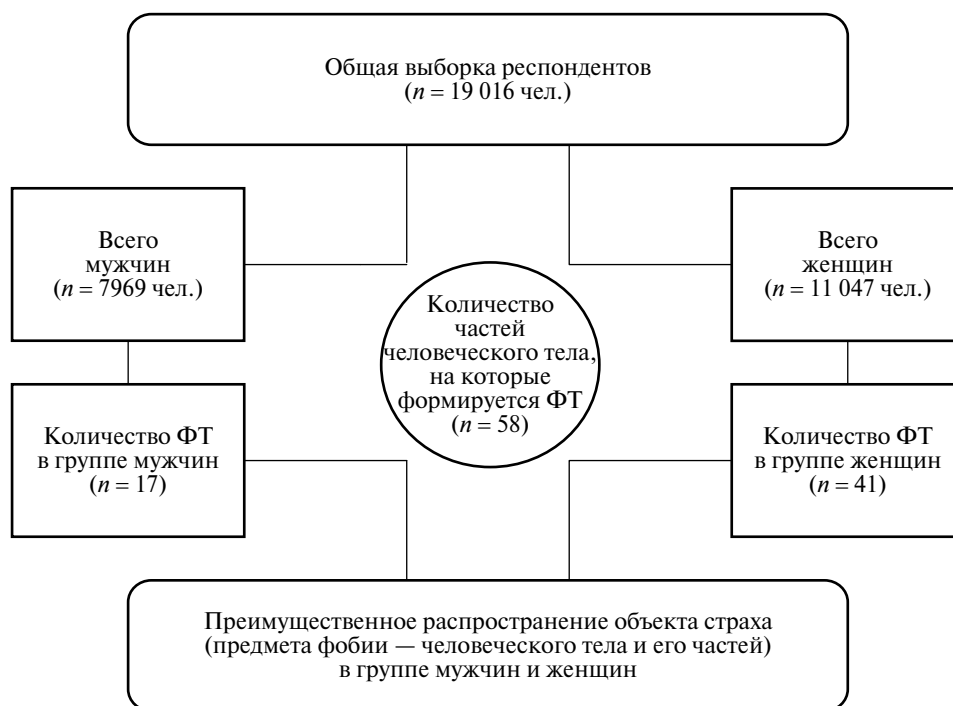

Рис. 1. Количественные параметры используемой выборки (суммарные показатели) в анализируемых исследованиях

отметить достаточно высокое соотношение мужчин и женщин (4.5:4.5), распространенность среди населения 1.6–4.1% и повышенную распространенность среди близких родственников, а страха запаха изо рта — также относительно высокое соотношение мужчин и женщин (3.8:3.8), распространенность среди населения — не менее 1.1%, но не более 2.2% и незначительную распространенность среди близких родственников.

Как правило, фобические опасения у мужчин и женщин связаны с идеями психического или физического недостатка, возможно неприятного для окружающих, генерализованного сенситивными идеями, например, отношения, распространения неприятных человеческих запахов (кожных, кишечных, ротовых) и т.д. Подобные опасения во многом определяются личностным профилем мужчины или женщины и психологическими особенностями его/ее состояния в конкретный момент времени [12; 14; 16]; концентрируясь вокруг предполагаемого физического (некрасивое лицо, угревая сыпь, ранняя алопеция, излишне полная или, наоборот, худая фигура и т.п.) или психического (убежденность в собственной физической непривлекательности, непропорциональности частей своего тела, внешней неполноценности и т.п.) недостатка, они носят персистирующий характер (особенно у женщин). Вместе с тем тревога может возникать при любых обстоятельствах и не имеет, как правило, тенденции к снижению интенсивности с течением времени (без учета процесса лечения в случае

диагностируемого психического заболевания). Сохранением социальной тревоги и коморбидных идей отношения при этом служат, во-первых, представление о “несоответствии” определенных телесных маркеров, частей тела (волосы, грудь, уши, нос, рот, кожа, ягодицы и т.д.) задаваемым гендерным концептом “эталонам” красоты и, во-вторых, необъяснимый страх перед теми или иными частями тела (анус, пупок, прямая кишка, шрамы, дыхание и т.д.), формирующий соответствующую фобическую фабулу (проктофобия, умбиликофобия, ректофобия, стигматофобия, галофобия и т.д.). Эта возникающая зависимость находит подтверждение во многих исследованиях [18; 29].

Представленные данные наглядно демонстрируют маркер различия в реакциях, связанных со страхом к тем или иным частям человеческого тела, у мужчин и женщин (без учета возрастного фактора): у них разные части человеческого тела вызывают фобии, они по-разному свои фобии оценивают и, соответственно, ведут себя по-разному. В мужской группе респондентов 15 частей человеческого тела вызывают ФТ (рис. 2), в женской — 41 часть человеческого тела детерминирует их появление и формирование (рис. 3).

Представленная на рис. 2 гистограмма распространенности частей человеческого тела, формирующих ФТ у мужчин, демонстрирует две разные по численному соотношению группы этих объектов страха. В первую “фобийную” группу, согласно результатам исследований, попали части

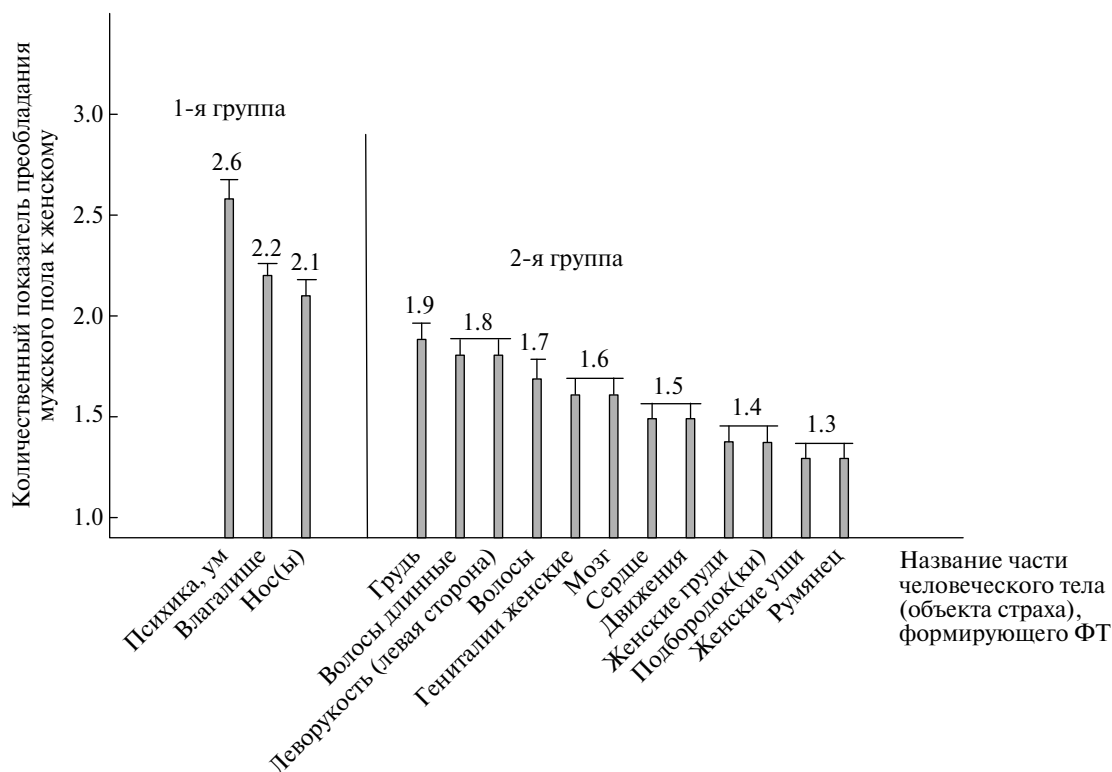

Рис. 2. Гистограмма распространенности частей человеческого тела, формирующих ФТ в мужской группе респондентов

женского тела, вызывающие у мужчин наибольший страх. Сравнительный анализ объектов страха обеих групп показывает, что наибольший страх вызывает психика (ум)⁴ (первая группа), а наименьший — румянец на лице и женские уши (вторая группа). Примечательно, что психика из первой группы триггеров страха коррелирует с мозгом из второй группы объектов страха. При этом довольно сложно объяснить “смысловое” наполнение для мужчин этих частей человеческого тела, которые вызывают у них страх и половое влечение одновременно⁵.

У женщин непривлекательность лица, внешняя несимпатичность, уродливость, различные телесно-лицевые дефекты и деформированное тело не только провоцируют максимально глубокое фобическое расстройство, но и оказываются проявлениями персистирующей социальной тревоги

и конгруэнтных ей сверхценных сенситивных идей отношения. Как указывает Д.В. Ястребов, подобные проявления, трансформируясь в убежденность в собственной физической неполноценности, сопровождаются неадекватностью поведения с явлениями моральной ипохондрии [16, с. 116]. Однако при этом ступни ног не вызывают столь сильного страха⁶.

Синдром дисморфофобии, которым чаще страдают женщины, обычно включает в себя мучительные переживания мнимой “уродливости” своего лица: их пугают чрезмерное увеличение надбровных дуг, форма своего носа, нарушенная “симметрия” лица, “выпячивание” глаз и пр. Женщины, страдающие ФТ, постоянно рассматривают себя в зеркале, “упорно” находя “подтверждение” своих страхов (так называемый “симптом зеркала”). Указанное обстоятельство еще сильнее фиксирует амальгамирующуюся с личностью женщины фобическую симптоматику, которая, закрепляясь, проявляется новыми, несвойственными ранее стереотипами ее поведения в ситуациях, провоцирующих тревогу. Данный модус реагирования, по мнению

⁴ Этот страх вслед за Эрихом Нойманом можно назвать “страхом фемининности”.

⁵ В современной рекламе при этом широко используются многие части как мужского, так и женского тела (например, женская грудь, длинные женские волосы, женские губы, мужской голый торс и т.д.). Ранее нами были проведены исследования, убедительно показывающие, какие части женского и мужского тела “эксплуатируются” рекламой и как часто применяются в рекламной практике варианты такой презентации с использованием явлений гиперболизации, персонификации, имитации, витализации и детализации частей человеческого тела в рекламной коммуникации [2–4].

⁶ Например, в Китае эротическими и вожделенными являются именно ступни женских ног. Китайцы в больших ногах, как и в большой груди, видят нечто животное (“звериное”); в их культуре со ступнями отчасти связана и особая походка, получившая название “мелкие шажки”.

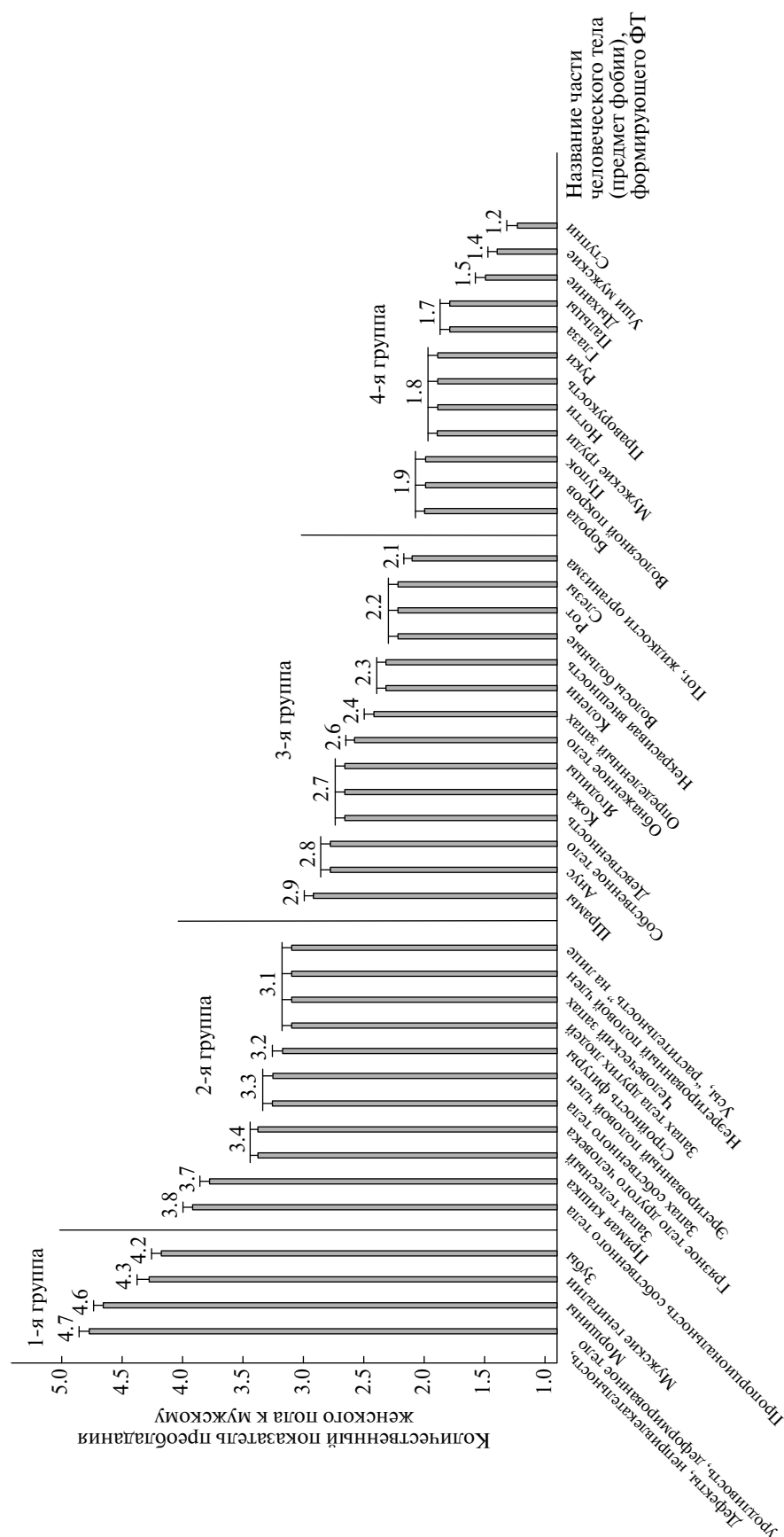

Рис. 3. Гистограмма распространённости частей человеческого тела, формирующих ФТ в женской группе респондентов

Д.В. Ястребова, становится субъективно привычным и воспринимается близким окружением женщины как новая, не отмечавшаяся ранее ее личностная особенность (например, появление несвойственных ранее тревожных черт, стремление к ограждению себя от влияния провоцирующих факторов, нередко в сочетании с явлением невротической ипохондрии) [16]. Некоторые авторы считают, что в подобных случаях правильнее было бы использовать термин “дисморфомания”, так как в клинике этого патологического состояния компонент страха как таковой отсутствует [15; 22]. Это фобии “внутреннего стимула” в их оценке по признаку “направленности” (внешнего/внутреннего стимула) страхов в классификации Б. Карвасарского [8].

Если говорить о предикторах динамики ФТ как о клиническом синдроме, то она, очевидно, негативно связана с психическим здоровьем. Немногочисленные клинические исследования фобий человеческого тела и его частей свидетельствуют о том, что в целом у больных с психическими расстройствами ее выраженность выше, чем у психически здоровых людей. Выраженность ФТ также позитивно связана с длительностью заболевания [21]. Поэтому, вероятно, немаловажный вклад в формирование синдрома дисморфофобии вносит эффект стигматизации.

На рис. 3 гистограмма распространенности частей человеческого тела, формирующих ФТ у женщин, демонстрирует четыре разные по численному соотношению группы частей человеческого тела, вызывающих страх у женщин. Женщины чаще испытывают фобии от таких частей человеческого тела, как морщины на лице и теле, мужские гениталии и зубы, условно включенных нами в первую группу триггеров страха по количественному показателю соотношения мужского пола к женскому.

У страдающих ФТ мужчин и женщин, особенно подростков, юношей и девушек, как правило, формируется ригидное, обсессивное супер-эго, способствующее возникновению сильного переживания вины и в особенности стыда [17]. Информация о частях тела, помимо ФТ, может обуславливать у мужчин и женщин тревожно-депрессивные расстройства со значительной соматогенной астенией, повышенной утомляемостью и слабостью, частота которых составляет 40% случаев [20]. Иными словами, люди с ФТ становятся более тревожными и мнительными. Объекты фобий в виде определенных частей человеческого тела на общем тревожном фоне оказываются триггером страха и стресса, детерминируя возникновение пароксизмов

тревоги [17]. При этом, как отмечают некоторые авторы [26], ФТ не связаны с уровнем развития когнитивных способностей (вербальным, математическим и пространственным мышлением, рассуждением, словарным запасом, памятью и вниманием). Однако сами мужчины и особенно женщины с высокой выраженностью данного вида фобий склонны недооценивать их. В сравнении с мужчинами женщины с повышенным страхом человеческого тела и его частей в социальных ситуациях чаще используют уничижительный стиль самопрезентации, а также защитный стиль, позволяющий избегать социального осуждения, и не склонны демонстрировать самовозвышающий и чувствительный стили самопрезентации, определяемые стремлением к социальному одобрению [14; 28]. Последние данные положительно коррелируют с показателями по гелотофобии, которые приводят в своих работах отечественные исследователи [12; 13]. Кроме того, страх частей человеческого тела, формирующий ФТ, более свойствен фемининным, чем маскулинным, мужчинам и женщинам [27].

Половые/гендерные аспекты фобии тела как противоположности фобии. Отдельной гранью представленного исследования выступает обнаруженный амбивалентный аспект, который связан релевантной зависимостью с фобическим страхом и выделяется исследователями как его противоположность. Это филия (*philia*)⁷, обозначающая привязанность, болезненную наклонность (“жажду”) или нездоровое (болезненное) влечение, сексуальное возбуждение (в частности, вызываемое соответствующими частями человеческого тела) к чему-либо, являющееся противоположностью фобии. Эти два слова, фобия и филия, стали крайностями одной и той же сути. Панический страх и страстное влечение. Значение некой ненормальности. Как указывал Б.Д. Карвасарский, “... это кардинальное преобладание чувственного подсознания над разумным пониманием” [8, с. 94].

Некоторые исследователи [8; 16; 25; 30] считают филию психическим заболеванием, которое развивается (может развиваться) на фоне тревоги или панических атак, в том числе влияния определенных гормональных механизмов, “запускаемых” в мозге человека, а также включаемых эротических фантазий, вызывающих сильные эмоции и возбуждение. При этом роль фетиша играют разные части человеческого тела. На текущий момент времени

⁷ Филия (от др.-греч. *philia*) — часто переводится как “дружба” или “любовь”, не имеет точного соответствия в других языках. Оно обозначает не только дружбу, но и влияние, любовь. Любая филия, которую нельзя реализовать, не нарушая нормы общества, является психическим расстройством.

однозначного ответа о природе фобий, механизмах их патогенеза пока нет, она может быть вызвана разными причинами. В контексте данной работы обозначенный аспект, можно полагать, предопределяет и ряд других для раскрытия вопросов. Но, учитывая целеполагание статьи, мы не будем углубляться в конкретный аспект исследуемой проблематики.

Влечение или половое возбуждение от какой-либо части человеческого тела анализируется в представленной статье через призму гендерно-половых различий. Внимательное изучение женской и мужской групп респондентов позволяет рефлексировать наличие парадоксальной ситуации, в частности корреляции между конкретным страхом и одновременным влечением к этому предмету фобий. Например, женские уши вызывают у мужчин страх, но одновременно стимулируют сексуальное возбуждение последних. Аналогичная зависимость наблюдается и у женщин, например, двойные чувства вызывают слезы человека. Согласно полученным нами данным, женщины страдают фобиями чаще, чем мужчины (рис. 4). В данной связи можно предположить, что в интерпретации ФТ особую значимость приобретает их амбивалентная “функциональность”, которая детерминирует не только отрицательную роль страха в формировании ФТР, но и сексуально стимулирующую его функцию. На это указывают многие ученые в своих работах [14; 19; 22].

Безусловно, трудно однозначно объяснить обнаруженную “зависимость” в результатах проанализированных исследований и довольно сложно интерпретировать эти различия, поскольку здесь задействовано слишком много культурных, социальных, исторических и психологических переменных. Необходимо располагать сведениями об условиях замеров, сезонности ФТ (так называемые “приливы” и “отливы” ФТ), учитывать характеристики выборки респондентов, используемую различную методологию определения, критериев и подсчета фобий, неоднородность подходов в представлении полученных данных, приводящих к обобщениям разнородного эмпирического материала, например, по чисто формальным, а не содержательным характеристикам, используемые методики и опросники, а также другие факторы, которые могут приводить к методологическому несовершенству и научному затруднению в осмыслении представленных и используемых материалов. Более того, мы считаем, что значение имеют и качественные различия в гендерной культуре, разные уровни социальной реальности, ментальности и т.д. В силу этого можно полагать, что специалистам еще

предстоит оценить выявленные факты и объяснить их этиологическую экспликацию.

Еще одним аспектом настоящего исследования является попытка ответить на вопросы: имеется ли связь в наличии ФТ у мужчин и женщин и их близких родственников и, если имеется, на кого (мужчин или женщин) сильнее влияет родственный (семейный) фактор? Так, в частности, два предмета страха имеют достаточно высокую корреляционную зависимость с распространенностью среди близких родственников (рис. 5).

Это, во-первых, собственное тело (телосложение), его пропорциональность, дефекты, непривлекательность, уродливость, деформированность у женщин и, во-вторых, выпадающие волосы у мужчин и женщин. Распространенность среди близких родственников, характеризующаяся как средняя, в основном касается женщин по таким фобиям, как трихопатифобия, бромидросифобия, дисомофобия, одонтофобия, фаллофобия, медортофобия, ректофобия, мисофобия, аутомисофобия, гимнофобия и октофобия. Незначительная корреляционная зависимость отмечается у мужчин в 7 случаях формирования ФТ, а у женщин — в 13. Таким образом, изучая патогенез фобических расстройств, а также исходя из имеющихся данных, можно заключить, что трансгенерационные детерминанты (семейные формы фобий) — родственник (близкие родственники) фактор сильнее коррелирует с формированием ФТ у женщин, а не у мужчин, с коэффициентом в соотношении 3.25.

Выявленная, таким образом, информация согласуется с данными по этиологии фобий. В частности, большинство исследователей явления фобийности до настоящего времени не могут однозначно рефлексировать и утверждать, как возникают фобии. Вместе с тем в качестве причин они выделяют пропилитизацию взаимодействия наследственности и окружающей среды. Данное обстоятельство подтверждается процессом развития фобий в семьях, где родители или близкие родственники страдают ФТР. Именно в таких семьях страхи могут передаваться по наследственной линии [14; 15; 20]. При этом причина, вызвавшая формирование фобии, часто оказывается вытесненной из сознания человека.

Экспликация этиологии фобий. Экспликация этиологии фобий и их троирования — это отдельный, объемный вопрос, в рассмотрении которого можно написать целую статью и даже не одну. На данный момент не существует единого общепринятого объяснения этиологии фобийности, т.е. нет единой общепринятой теории, которая бы объясняла все клинические проявления,

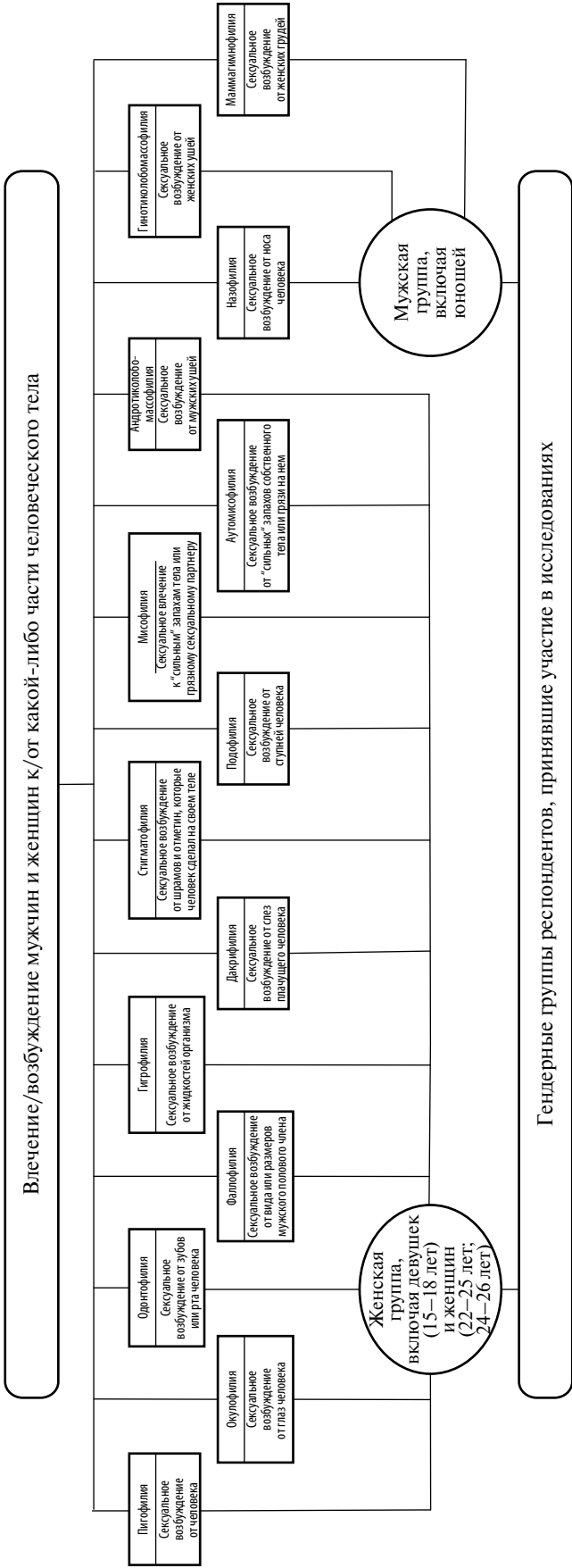

Рис. 4. Гендерно-половые различия влечения/возбуждения к/от какой-либо части человеческого тела

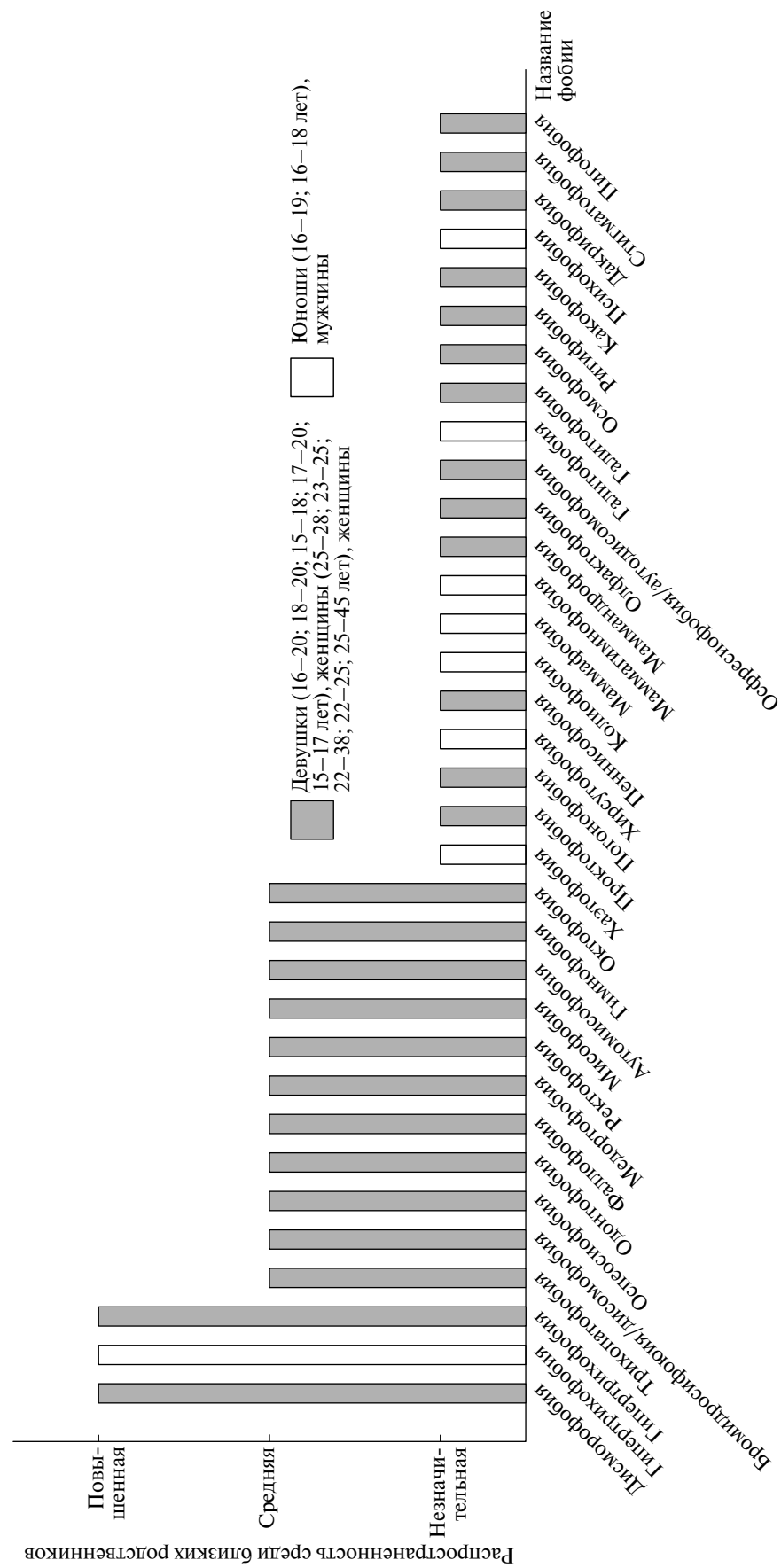

Рис. 5. Гистограмма распространенности ФТ среди близких родственников в мужской и женской группах респондентов

симптомы, распространенность и анамнез фобий. Принято, однако, считать, что возникновению фобий предшествуют конкретные преципитирующие события. В свою очередь, они могут рассматриваться или не рассматриваться в качестве непосредственной причины фобийности в зависимости, например, от той или иной теоретической ориентации ученого.

Подходы к выявлению морфологической основы фобий, их этиологии, развитию и объяснению связывают со множеством психосоциальных факторов, начиная от глубинных психодинамических конфликтов до относительно прямого травматического обусловливания страха. В связи с этим представляет исследовательский интерес не иерархия страхов как таковых, а то, каким образом набор страхов может влиять на индикаторы фобий тела. До сих пор неизвестно, являются ли причиной предрасположенности людей к страху частей человеческого тела аскриптивные (биологические), социальные (средовые) факторы как следствие социальной реальности (функционирование социальных институтов, социальной структуры, социальных взаимоотношений (включая половые) и процессов) или психологические (индивидуально-личностные). По нашему мнению, факторы, значимые для этиологии и патогенеза фобий тела и его частей, могут находиться на разных уровнях — биологическом (генетическом, нейробиологическом, нейроэндокринологическом), психологическом и социальном. Однако гена фобий (генетического фактора), определяющего их возникновение, в настоящее время не обнаружено. Семейные формы фобий (семейный анамнез) высокой валидностью не подтверждаются, хотя определенные корреляции имеются. Более 87% фобий не имеют стойкой взаимосвязи с семейным фактором. Повышенную степень распространенности среди близких родственников имеют лишь две фобии. Это гипертрихофобия (страх перед выпадающими волосами), которой страдают одинаково часто и мужчины, и женщины, а также дисморфобия (страх в наличии какого-то дефекта собственного тела), которой страдают только женщины. Одиннадцать фобий характеризуются средней степенью влияния семейного фактора на появление фобийности. Следует заметить, что все 11 фобий поражают только женщин и имеют семейную отягощенность, связанную с семейным анамнезом. В связи с этим можно условно говорить о трансгенерационной детерминации — семейной форме фобий в отношении женской фобийности, в части своего происхождения. При этом можно отчетливо видеть, что все фобии связаны с телесными маркерами, т.е. со страхом за свою внешнюю привлекательность, и соответствием социальной стереотипизированности женской красоты. Но это отдельный аспект анализа данной проблематики.

Более того, можно полагать, что возникновение данного вида фобий опосредовано и самой динамикой поведения человека, что может означать замаскированность причин возникновения более высоким уровнем свойств индивидуальности — личностными и социально-психологическими свойствами человека. Кроме того, необходимо отметить, что современные психоневрологи М.И. Буянов, А.И. Захаров, В.И. Горбузов и др. считают, что фобии являются клинко-психологическим выражением проблем трех поколений — прародителей, родителей и детей. Далее раскрывать данный аспект обозначенной проблемы не имеет смысла, так как выше отражены те основные тенденции, которые имеют место быть. Тем более что в предыдущих наших работах и работах коллег данному аспекту было уделено особое внимание.

Таким образом, однозначно ответить на вопрос, чем детерминированы выявленные половые/гендерные различия фобий тела и его частей, на данный момент не представляется возможным, так как причины, лежащие в их основе, в целом до сих пор менее изучены, чем их патогенез⁸. Мы полагаем, что для объяснения причинной детерминированности появления и формирования фобий тела и его частей необходимо учитывать воздействие (взаимодействие) всей совокупности биологических, психологических и социальных сенсibiliзирующих факторов или факторов риска ее формирования. Однако более глубокий анализ данного аспекта исследуемой проблемы выходит за рамки вынесенной в статье темы.

ВЫВОДЫ

Обобщение результатов выявленных и проанализированных исследований показывает, что ФТ превалируют в группе женщин, хотя распространенность некоторых фобий оказалась выше у мужчин. При этом интересным фактом является то, что у женщин гораздо разнообразнее «набор» фобий частей человеческого тела. Данные, представленные в работе, основаны на показателях в основном зарубежных ученых; среди теоретических и практических исследований работы отечественных авторов на настоящий момент отсутствуют. В целом же результаты проведенного нами анализа, преследуя полезную цель не только выявить,

⁸ Патогенез — процесс развития фобии в клинически значимое и нуждающееся в лечении расстройство.

определить, но и показать, как различаются распространенность и сюжеты фобий, связанных с частями тела у мужчин и женщин, позволяют надеяться, что помимо утилитарной функции они послужат источником новых идей в разных областях теоретизирования и практической работы, создавая возможности для организации дальнейшего изучения человека и его фобийности, преломляемой через призму половых/гендерных различий, что созвучно потребностям не только зарубежных, но и российских исследователей. Кроме того, полученные и впервые представленные данные в таком системном виде демонстрируют научному сообществу имеющиеся различия стойких фобий мужчин и женщин на те или иные части человеческого тела, в отношении которых формируются ФТР, что является, с одной стороны, интересным с точки зрения их научной перспективности и дальнейшего использования, например, при создании и демонстрации рекламы. С другой стороны, имея информацию о половых различиях фобийности тела и его частей, можно более успешно проводить первичную профилактику, диагностировать, определять наиболее эффективные способы борьбы и лечения фобий, включая в протоколы лечения заболевания половые особенности пациентов, профилировать и проводить эффективные и адекватные реабилитационные мероприятия, детерминирующие качество жизни мужчин и женщин. То есть полученные данные можно использовать в целях реабилитации и восстановления их психического здоровья.

Представленные данные могут быть интересны и для образовательного процесса детей и подростков в качестве первичной профилактики фобийности. В частности, в процессе выстраивания полового образования мальчиков и девочек, начиная с детского сада, а затем продолжая в школе (младший и средний школьный возраст), необходимо знакомить детей с основами и удивительным строением человеческого тела и его возможностями⁹. Это поможет формировать правильное отношение к человеческому телу начиная с раннего детства, проложив определенную образовательную траекторию к анатомии и биологии человека для старшего возраста, что позволит нивелировать частоту появления ФТ.

Таким образом, по поведенческим аттитюдам и их индивидуальной саморефлексии, тому эффекту, который они имеют для поведения людей

и, в частности, их адекватной поведенческой регуляции в коммуникативных процессах с противоположным полом, имеющих разные фобии тела, полученные данные можно интерпретировать в любом направлении в зависимости от целеполагания ученого, исследующего представленные данные, и научно-исследовательских задач, стоящих перед ним. Все это актуализирует дальнейшее изучение фобий человеческого тела и его частей у мужчин и женщин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутовская М.Л., Левашова В.В. Пешеход в эволюционной перспективе // Человек. 2004. № 3. С. 26–36.
2. Грошев И.В. Гендерные образы рекламы // Вопросы психологии. 2000. № 6. С. 38–49.
3. Грошев И.В. Политика репрезентации мужского и женского образа в рекламе // Вестн. Моск. ун-та. Серия 10: Журналистика. 2000. № 4. С. 56–64.
4. Грошев И.В. Полоролевые стереотипы в рекламе // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 3. С. 119–133.
5. Грошев И.В., Давыдова Ю.А. Половые/гендерные различия фобий заболеваний // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 2. С. 50–62.
6. Грошев И.В., Штыркина Т.Ю. Гендерный аспект изучения социальной визуальности образа собственного тела // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика. 2012. № 4. С. 71–77.
7. Каплан Г.И., Сэдок Б. Дж. Клиническая психиатрия: В 2 т. / Пер. с англ. В.Б. Стрелец. Т. 1. М.: Медицина, 1994.
8. Карвасарский Б.Д. Неврозы. М.: Медицина, 1990.
9. Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Аномальная психология / Пер. с англ. И. Малковой, А. Смирнова; Науч. ред. пер. Б.В. Овчинников. 11-е изд. СПб.: Питер, 2004.
10. Комер Р. Патопсихология поведения. Нарушения и патологии психики / Пер. с англ. Е. Будагова и др. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
11. Свирковская С.В. Ксенофобический дискурс: лингвопрагматический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005.
12. Стефаненко Е.А., Ениколопов С.Н., Иванова Е.М. Социодемографические аспекты гелотофобии в России // Вопросы психологии. 2013. № 2. С. 104–111.
13. Стефаненко Е.А., Иванова Е.М., Ениколопов С.Н. и др. Диагностика страха выглядеть смешным: русскоязычная адаптация опросника гелотофобии // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 94–108.
14. Чугунов Д.А. Клинико-динамическая характеристика фобий у больных психиатрического стационара:

⁹ Удачным примером этого является первая такого рода детская энциклопедия о теле человека для детей: “О теле человека для мальчиков и девочек. Детская энциклопедия” (М.: Владис, 2019).

- Дис. ... канд. мед. наук. М.: Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава России, 2018.
15. Щербатых Ю.В., Ивлева Е.И. Психофизиологические и клинические аспекты страха, тревоги и фобий. Воронеж: Исток, 1998.
 16. Ястребов Д.В. Социальная фобия и чувствительные идеи отношения (клиника и терапия): Дис. ... канд. мед. наук. М.: Научный центр психического здоровья Российской академии медицинских наук, 2000.
 17. Afshari N., Farokhzadian J., Abdi K., Sheikhbardsiri H. Gender matter, social phobia and high-risk behaviors in young medical students // *Ethiopian Journal Health Science*. 2021. V. 31. № 2. P. 359–370.
 18. Boll S., Bartholomaeus M., Peter U. et al. Disorders attentional mechanisms of social perception are biased in social phobia // *Journal of Anxiety Disorders*. 2016. № 40. P. 83–93.
 19. Davey G. *Phobias*. L.: John Wiley, 1997.
 20. Doctor R., Kahn A., Adamec C. *The encyclopedia of phobias, fears, and anxieties, facts on file*. N.Y.: Prouds Science Publishers, 2008.
 21. Forabosco G., Ruch W., Nucera P. The fear of psychiatric patients // *Humor: International Journal of Humor Research*. 2009. V. 22. № 1/2. P. 233–252.
 22. Hastings P. *Remove phobias, hypnosis and NLP*. N.Y.: Oxford University Press, 2009.
 23. Juan S. *Who's afraid of butterflies? Our fears and phobias named and explained*. Australia: Harper Collins Publishers, 2011.
 24. Lacôte C. Note's sur la phobie. La phobie / Ed. by M. Le-rude-Flechet. Paris: A.L.I., 2008. P. 234–301.
 25. Marks I.M. *Fears, phobias and rituals: panic, anxiety and their disorders*. N.Y.: Oxford University Press, 1996.
 26. Proyer R.T., Ruch W. Intelligence and phobia: the relations of self-estimated and psychometrically measured intelligence to the fear // *Humor: International Journal of Humor Research*. 2009. V. 22. № 1/2. P. 165–182.
 27. Radomska A., Tomczak J. Self-presentation styles, and psychological gender // *Psychological Test and Assessment Modeling*. 2010. V. 52. № 2. P. 191–201.
 28. Renner K.-H., Heydasch T. On the relations between self-presentation styles and katagelasticism // *Psychological Test and Assessment Modeling*. 2010. V. 52. № 2. P. 171–190.
 29. Tibi L., Asher S., van Oppen P. et al. The correlates of social phobia in OCD: Findings from a large clinical sample // *British Journal Clinical Psychology*. 2021. V. 60. № 3. P. 312–332.
 30. Wolf B. *Files: celebrity phobias*. N.Y.: ABC News, 2009.

MAN, AND PHOBIAS OF HIS BODY PARTS: SEXUAL/GENDER ASPECTS

I. V. Groshev*, Yu. A. Davydova**

*ANO Research Institute of Education and Science;
123056, Moscow, Bolshaya Gruzinskaya str., 32, bldg. 3, Russia.*

**Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economics, Professor,
Deputy Director of Science of the Research Institute of Education and Science.*

E-mail: aus_tgy@mail.ru

***Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Deputy Director of Public Relations
at the Research Institute of Education and Science.*

E-mail: UA_Davidova@mail.ru

Received 11.01.2024

Annotation. The connection between the parts of the human body and the formation of their phobic plot in men and women is investigated. The methodology of the work was based on a secondary analysis of the results of conducted and published studies on existing objects (the human body and its parts) of phobias. 57 parts of the human body were identified, on which men and women form FTD, of which 15 objects of fear in the group of men cause persistent FT, and in women — 40 objects of fear determine the appearance of phobias and their formation. In men, the greatest fear is caused by the female psyche, and the blush on the face and female ears are the least. In women, the unattractiveness of the face, ugliness, various bodily and facial defects, deformed body, wrinkles and teeth provoke the deepest phobic disorder. As a conclusion, it is concluded that this type of phobias in terms of frequency of development and comorbidity prevails in the group of women who suffer from it more often.

Keywords: women, men, sexual/gender differences, fears, body phobias, human body parts.

REFERENCES

1. Butovskaya M.L., Levashova V.V. Peshehod v ehvolyutsionnoi perspektive. *Chelovek*. 2004. № 3. P. 26–36. (In Russian)
2. Groshev I.V. Gendernye obrazy reklamy. *Voprosy psikhologii*. 2000. № 6. P. 38–49. (In Russian)
3. Groshev I.V. Politika reprezentatsii muzhskogo i zhenskogo obraza v reklame. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 10: Zhurnalistika. 2000. № 4. P. 56–64. (In Russian)
4. Groshev I.V. Polorolevye stereotipy v reklame. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1998. V. 19. № 3. P. 119–133. (In Russian)
5. Groshev I.V., Davydova Yu.A. Polovye/gendernye razlichiya fobij zabolevaniy. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2023. V. 44. № 2. P. 50–62. (In Russian)
6. Groshev I.V., Shtyrkina T.Yu. Gendernyi aspekt izucheniya social'noi vizibel'nosti obraza sobstvennogo tela. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*. Ser.: Psikhologiya i pedagogika. 2012. № 4. P. 71–77. (In Russian)
7. Kaplan H.I., Sadok B.J. Klinicheskaya psikhiiatriya. Transl. from Engl. by V.B. Strelets. Pt. 1. Moscow: Medicine Publ., 1994. (In Russian)
8. Karvasarskii B.D. Nevrozy. Moscow: Medicine Publ., 1990. (In Russian)
9. Karson R., Batcher J., Mineka S. Anormal'naya psikhologiya. Transl. from Engl. by I. Malkova, A. Smirnov; Ed. by B.V. Ovchinnikov. 11nd ed. St. Petersburg: Peter Publ., 2004. (In Russian)
10. Komer R. Patopsikhologiya povedeniya. Narusheniya i patologii psikhiki. Transl. from Engl. by E. Budagov et al. St. Petersburg: Prime-Evroznak Publ., 2002. (In Russian)
11. Svirkovskaya S.V. Ksenofobicheskii diskurs: lingvopragmaticheskii aspekt: Dis. ... kand. filol. nauk PhD, Philology. Krasnodar: Kuban State University Publ., 2005. (In Russian)
12. Stefanenko E.A., Enikolopov S.N., Ivanova E.M. Sociodemograficheskie aspekty gelotofobii v Rossii. *Voprosy psikhologii*. 2013. № 2. P. 104–111. (In Russian)
13. Stefanenko E.A., Ivanova E.M., Enikolopov S.N. et al. Diagnostika straha vyglyadet' smeshnym: russkoyazychnaya adaptatsiya oprosnika gelotofobii. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2011. V. 32. № 2. P. 94–108. (In Russian)
14. Chugunov D.A. Kliniko-dinamicheskaya harakteristika fobii u bol'nykh psikhiiatricheskogo statsionara: Dis. ... kand. med. nauk. Moscow: V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology under the Russian Federation Ministry of Public Health Publ., 2018. (In Russian)
15. Shcherbatykh Yu.V., Ivleva E.I. Psikhofiziologicheskie i klinicheskie aspekty strakha, trevogi i fobii. Voronezh: Istok Publ., 1998. (In Russian)
16. Yastrebov D.V. Social'naya fobiya i sensitivnye idei ot-nosheniya (klinika i terapiya): Dis. ... kand. med. nauk. Moscow: Scientific Center of Mental Health of the Russian Academy of Medical Sciences Publ., 2000. (In Russian)
17. Afshari N., Farokhzadian J., Abdi K., Sheikhbardsiri H. Gender matter, social phobia and high-risk behaviors in young medical students. *Ethiopian Journal Health Science*. 2021. V. 31. № 2. P. 359–370.
18. Boll S., Bartholomaeus M., Peter U. et al. Disorders attentional mechanisms of social perception are biased in social phobia. *Journal of Anxiety Disorders*. 2016. № 40. P. 83–93.
19. Davey G. Phobias. London: John Wiley, 1997.
20. Doctor R., Kahn A., Adamec C. The encyclopedia of phobias, fears, and anxieties, facts on file. New York: Prous Science Publishers, 2008.
21. Forabosco G., Ruch W., Nucera P. The fear of psychiatric patients. *Humor: International Journ of Humor Research*. 2009. V. 22. № 1/2. P. 233–252.
22. Hastings P. Remove phobias, hypnosis and NLP. New York: Oxford University Press, 2009.
23. Juan S. Who's afraid of butterflies? Our fears and phobias named and explained. Australia: Harper Collins Publishers, 2011.
24. Lacôte C. Note's sur la phobie. La phobie. Ed. by M. Le-rude-Flechet. Paris: A.L.I., 2008. P. 234–301.
25. Marks I.M. Fears, phobias and rituals: panic, anxiety and their disorders. New York: Oxford University Press, 1996.
26. Proyer R.T., Ruch W. Intelligence and phobia: the relations of self-estimated and psychometrically measured intelligence to the fear. *Humor: International Journal of Humor Research*. 2009. V. 22. № 1/2. P. 165–182.
27. Radomska A., Tomczak J. Self-presentation styles, and psychological gender. *Psychological Test and Assessment Modeling*. 2010. V. 52. № 2. P. 191–201.
28. Renner K.-H., Heydasch T. On the relations between self-presentation styles and katagelasticism. *Psychological Test and Assessment Modeling*. 2010. V. 52. № 2. P. 171–190.
29. Tibi L., Asher S., van Oppen P. et al. The correlates of social phobia in OCD: Findings from a large clinical sample. *British Journal Clinical Psychology*. 2021. V. 60. № 3. P. 312–332.
30. Wolf B. Files: celebrity phobias. New York: ABC News, 2009.

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ

УДК 159.9.072

АПРОБАЦИЯ ШКАЛЫ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЭМОЦИЙ НА РОССИЙСКОЙ ВЫБОРКЕ

© 2024 г. М. А. Шестова*, М. Р. Забелина**, У. И. Васильченко***,
К. В. Анохина****, Е. А. Волдинер*****

*Факультет общей и клинической психологии Московского института психоанализа;
121170, г. Москва, Кутузовский проспект, д. 34, стр. 14, Россия.*

**Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии
Московского института психоанализа.*

E-mail: shestova-ma@inpsycho.ru

***Студент факультета общей и клинической психологии Московского института психоанализа.*

E-mail: terrvgrvt@gmail.com

****Студент факультета общей и клинической психологии
Московского института психоанализа.*

E-mail: lawpchechnikovauliana@gmail.com

*****Студент факультета общей и клинической психологии
Московского института психоанализа.*

E-mail: ksuanokh1na@gmail.com

******Студент факультета общей и клинической психологии
Московского института психоанализа.*

E-mail: voldiner@yandex.ru

Поступила 02.02.2024

Аннотация. В отечественной психологической литературе практически отсутствуют исследования, посвященные эстетическому опыту. Это может быть обусловлено отсутствием методик, с помощью которых можно измерить эстетические суждения, эмоции и смыслы, — ключевые образующие эстетического опыта. Цель исследования — апробировать Шкалу эстетических эмоций (ЭстЭм) на российской выборке. Апробация методики проведена в соответствии с современными психометрическими стандартами. Для оценки конструктивной валидности применены методы параллельного и эксплораторного факторного анализа, а также структурного моделирования; для оценки конвергентной и дивергентной валидности — корреляционный анализ; для оценки дискриминативности применен коэффициент Фергюсона в модификации Ханкинса. В исследовании приняло участие 473 человека ($M_{\text{возраст}} = 23.4$; $SD = 4.9$; $Me = 22$), из них 327 женщин и 146 мужчин, 40% из которых получают, а 60% имеют высшее образование. Выборка собиралась в период с мая по июнь 2023 г. возле различных культурных мест г. Москвы. В исследовании применялись следующие психодиагностические методики: Опросник Черт эмоционального интеллекта, краткая версия (TEIQue-SF), Шкала сопричастности к красоте (EBS 2.0), Опросник эмоциональной креативности Дж. Эверилла (ECI), Невербальная методика оценки эмоций (SAM), Шкала эстетических суждений. Результаты анализа показали, что шкала ЭстЭм обладает хорошими психометрическими показателями: шкалы методики имеют нормальное распределение и высокую согласованность пунктов внутри шкал (Альфа Кронбаха ≥ 0.70). Шкала ЭстЭм обладает высокой дискриминативностью: $\Delta G = 0.99$. Русскоязычный вариант ЭстЭм обладает конструктивной валидностью: Шкала имеет семифакторную структуру, образованную 21 фасеткой, что соответствует оригинальной версии ($N = 243$, $\chi^2/df = 1.90$, $CFI = 0.965$, $RMSEA = 0.061$). Результаты корреляционного анализа связей позволили сделать вывод о том, что ЭстЭм обладает конвергентной и дивергентной валидностью.

Ключевые слова: эстетический опыт, эстетические эмоции, эстетические суждения, Шкала эстетических эмоций (ЭстЭм), эстетическая отзывчивость, эмоциональная креативность, черты эмоционального интеллекта, невербальная методика измерения эмоций.

Благодарности. Авторы выражают признательность и благодарность генеральному директору частного учреждения “Музей изобразительных искусств АЗ” Н.В. Опалевой и административному директору музея Е. Чернышевой за сотрудничество и возможность провести исследование.

DOI: 10.31857/S0205959224030088

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ЭМОЦИИ

Эстетические эмоции понимаются как эмоции неутилитарного характера [23], которые могут возникнуть, когда человек воспринимает и оценивает эстетическую привлекательность некоторого объекта [22]. Традиционно эстетические эмоции изучаются в рамках психологии эстетического опыта, который, согласно модели М. Ледера и Х. Надаля, состоит из когнитивного, эмоционального и семантического компонентов (см. обзор [5]). Анализ лексикона в этой сфере показал, что существует 131 слово, которыми обозначают эстетические эмоции, например эмоции трепета и благоговения, растроганности и удивления, а слова, отражающие негативные эстетические эмоции, составляют 1/5 лексикона [25]. В класс эстетических эмоций относят также и некоторые их телесные проявления, например плач [26], озноб или дрожь [24]. Основанием для такого отнесения являются связи эстетических эмоций и телесных ощущений: было показано, что интенсивность телесных ощущений положительно связана с интенсивностью эмоциональных переживаний, из чего исследователи делают вывод, что не только эмоции и когниции являются ключевым компонентом эстетического опыта, но и телесные ощущения [21]. В 2019–2020 гг. в журнале *Psychological Review* развернулась дискуссия, в которой ставился под сомнение факт их наличия.

Ученые в области нейроэстетики настаивают на том, что эстетических эмоций не существует, так как им не удалось обнаружить различий в активации зон головного мозга в условиях эстетической оценки и иной сенсорной стимуляции [27]. Меннингхаус с коллегами отстаивают необходимость выделения эстетических эмоций в отдельный класс [17], приводя контраргументы: во-первых, эстетические эмоции возникают в ответ на широкий спектр стимулов, а не только на произведения искусства; во-вторых, исследователи проверили модель, которая показала, что позитивные эстетические эмоции оказывают влияние на эстетическую оценку стимула, а базовые негативные эмоции вносят вклад только в случае наличия медиатора — эстетической эмоции “очарования” или “растроганности” [16]; в-третьих, ими было показано, что эмоции “растроганности” от негативных событий выше в условии вымышленных событий (просмотр фильмов, чтение книг), чем в условиях медиасобытий (новости) и собственной жизни [18].

Один из последних метаанализов показал, что орбитофронтальная кора и передняя поясная кора вовлечены в процесс эстетической эмоциональной

обработки визуального стимула. Авторы проверили гипотезу об универсальности активации этих зон для представителей разных культур, и конъюнктурный анализ показал, что различия между представителями разных культур отсутствуют, что может служить аргументом в поддержку выделения класса эстетических эмоций и понимания их как свободных от культурного влияния [11]. На основе Шкалы эстетических эмоций исследователи показали различия в наборе используемых эстетических эмоций при описании воспоминаний, связанных с эстетическими стимулами (искусством: живопись, кино, литература, музыка и т.п.), неэстетическими (просмотр новостей, политических дебатов, спортивных матчей и т.п.) и при описании воспоминаний, связанных с покупкой вещей в магазине. В эстетическом условии чаще упоминались эмоции растроганности, осмысленности, сентиментальности, дискомфорта и испуга, а анализ связей между словами внутри психометрической сети для ЭстЭм обнаружил более тесные связи в эстетическом условии [14].

Исследование эстетических эмоций является важным, так как они могут способствовать развитию эмоционального интеллекта и когнитивной сферы [8], например облегчать извлечение смысла и освоение сложности произведения искусства [24]. Эстетические эмоции, вызываемые прослушиванием музыки, влияют на эпизодическую память: негативные эстетические эмоции ухудшают процесс вспоминания [20], а в нашем исследовании было показано, что позитивные эстетические эмоции повышают эффективность принятия решений, а негативные снижают [6].

В отечественной психологической литературе на данный момент отсутствуют исследования, посвященные эстетическим опыту и эмоциям, и это может быть обусловлено отсутствием методик, с помощью которых можно измерить эстетические суждения и эмоции — ключевые образующие эстетического опыта.

Цель: апробация Шкалы эстетических эмоций (ЭстЭм) на русскоязычной выборке.

Задачи:

- 1) проверить психометрические показатели и оценить дискриминативность ЭстЭм;
- 2) выявить факторную структуру ЭстЭм;
- 3) оценить конвергентную и дивергентную валидность ЭстЭм.

Гипотезы:

- 1) шкала ЭстЭм обладает хорошими психометрическими показателями, в частности, шкалы

методики имеют нормальное распределение и высокую согласованность;

2) Шкала ЭстЭм обладает высокой дискриминативностью.

3) Шкала ЭстЭм имеет семифакторную структуру, как и в оригинальной версии;

4) Шкала ЭстЭм обладает конвергентной и дивергентной валидностью.

МЕТОДИКА

Участники исследования. Выборку для апробации ЭстЭм составили 473 человека — молодежь, проживающая в г. Москве ($M_{\text{возраст}} = 23.4$; $SD = 4.9$; $Me = 22$), из них 327 женщин и 146 мужчин, из них 40% имеющих и 60% получающих высшее образование. Выборка собиралась в период с мая по июнь 2023 г. По задумке авторов ЭстЭм можно применять для оценки эстетических эмоций, возникающих при взаимодействии человека с широким спектром стимулов: живописью — классической и современной, скульптурой, декоративно-прикладным искусством, музыкой и театральными постановками, фильмами, архитектурой и даже парфюмерией. Поэтому авторы при разработке ЭстЭм собирали выборку возле музеев и галерей, театров и кинотеатров, а также концертных площадок. Для апробации русскоязычной версии ЭстЭм мы пошли тем же путем, что и авторы методики, и собирали выборку возле различных культурных мест г. Москвы (полный перечень музеев, возле которых были привлечены участники, представлен в приложении 2). Нами было получено разрешение на апробацию данной методики.

Согласно a priori анализу мощности исследования, выполненному в программе G*Power v. 3.1., для расчета парной корреляции минимальная выборка, при которой достигается мощность исследования в 80%, составляет 84 участника при следующих параметрах: два хвоста, ожидаемая корреляция 0.3, $\alpha = 0.05$. Максимальное число выборки, при котором достигается мощность в 95%, составляет 137 респондентов.

Связи между ЭстЭм и Опросником Черт эмоционального интеллекта рассчитывались на выборке из 197 человек в возрасте 17 до 45 лет ($M_{\text{возраст}} = 23.7$; $SD = 5.6$; $Me = 22$), из них 145 женщин и 52 мужчины. Связи между ЭстЭм и Шкалой сопричастности к красоте рассчитывались на выборке из 197 человек в возрасте от 17 до 45 лет ($M_{\text{возраст}} = 23.7$; $SD = 5.6$; $Me = 22$), из них 145 женщин и 52 мужчины. Связи между ЭстЭм и Опросником эмоциональной креативности рассчитыва-

лись на выборке из 202 человек в возрасте от 17 до 45 лет ($M_{\text{возраст}} = 24.3$; $SD = 5.4$; $Me = 23$), из них 144 женщины и 58 мужчин. Связи между ЭстЭм, Шкалой эстетических суждений и методикой SAM рассчитывались на выборке из 89 студентов Московского института психоанализа в возрасте от 17 до 34 лет ($M_{\text{возраст}} = 21.07$; $SD = 3.2$; $Me = 20$), из них 44 женщины и 45 мужчин, изучение связей проводилось на материале Музея AZ (8 женских портретов).

Процедура апробации ЭстЭм.

1. Прямой и обратный перевод пунктов шкалы.
2. Оценка психометрических свойств и дискриминативности ЭстЭм.
3. Проведение параллельного, эксплораторного (ЭФА) и конфирматорного факторного (КФА) анализов для оценки конструктивной валидности шкалы.
4. Оценка конвергентной и дивергентной валидности ЭстЭм через поиск связей со шкалами методики эстетической отзывчивости, шкалами методики, позволяющей оценивать эмоции, возникающие в ответ на разные стимулы, Опросником Черт эмоционального интеллекта и шкалами Опросника эмоциональной креативности. Оценка конвергентной и дивергентной валидности ЭстЭм проводилась на базе московского Музея AZ (Анатолия Зверева — отечественного художника, основателя русского экспрессионизма). Процедура: участники заходили в помещение музея и по порядку (прямому или обратному) оценивали 8 картин, размещенных на одной стене (см. приложение 6). Этап оценки картин проходил следующим образом: участники рассматривали картину, затем заполняли опросник ЭстЭм, невербальную методику оценки эмоций, после эстетические суждения, — и так для всех 8 стимулов (бланки методик заполнялись в печатном формате). После оценки картин участники заполняли методики, измеряющие личностные черты (в электронном формате).

Методики. Опросник Черт эмоционального интеллекта, краткая версия (TEIQue-SF) [1]. Методика состоит из 4 шкал: Благополучие — уважительное отношение к самому себе, оптимистичный взгляд на мир и ощущение счастья; Социальность — способность управлять эмоциями других людей и ассертивность; Самоконтроль — способность контролировать собственные эмоции, устойчивость к стрессовым воздействиям низкая импульсивность; Эмоциональность — эмпатичность, умение верно называть эмоции, способность встать на место другого человека.

Шкала сопричастности к красоте [4] включает оценку отзывчивости на красоту в разных доменах. Красота природы — оценка красоты ландшафтов, флоры, фауны и т.п.; Красота искусства — оценка эстетической ценности и художественных качеств конкретного произведения искусства; Нравственная красота — оценка произведения искусства или идеи на основе их способности вдохновлять и продвигать положительные ценности; Красота идей — оценка идей с точки зрения их способности бросить вызов традиционному мышлению и расширить понимание мира. Каждая из шкал содержит вопросы, раскрывающие отзывчивость на красоту через когнитивный, телесный, эмоциональный и духовный компоненты.

Опросник эмоциональной креативности [2] состоит из 5 шкал: Новизна — способность порождать эмоции, отличные от привычных эмоциональных реакций; Готовность размышлять над эмоциями — склонность к анализу, рефлексии и исследованию собственных эмоциональных переживаний; Многообразие порождаемых эмоций — этап зарождения, актуалгенеза эмоций до фиксации их в названиях; Эффективность — насколько эмоции, порождаемые человеком, способствуют или мешают его социальным связям; Аутентичность — степень подлинности и искренности эмоций.

Невербальная методика оценки эмоций — Self-Assessment Manikin, SAM [3]. Методика графическая, каждая шкала представляет ряд “манекенов”, внутри которых в разной степени интенсивности отражены эмоциональные переживания: Удовольствие — оценка эмоциональных состояний как позитивных или негативных; Возбуждение — выявление уровня физической активности респондента; Доминантность — выявление степени контроля ситуации. Каждый ряд из “манекенов” оценивается по Лайкертовой шкале от 1 до 9.

Шкала эстетических суждений [7], в нашем переводе. Методика позволяет измерять аффективные (валентность и возбуждение) и когнитивные (симпатия, интерес и понимание) аспекты эстетических суждений. Возбуждение — интенсивность эмоций, вызванных произведением искусства; Валентность — оценка эмоций — как положительных, так и отрицательных, — возникающих при взаимодействии с произведением искусства; Симпатия — степень, в которой произведение искусства нравится или, напротив, не нравится респонденту; Интерес — отражает степень увлеченности, интриги, очарования произведением искусства; Понимание — оценка степени интерпретируемости и возможности извлечь личностные смыслы из произведения искусства.

Шкала эстетических эмоций [22] содержит 7 шкал, состоящих из 21 фасетки. Негативные эмоции раскрываются через фасетки чувств уродства, скуки, замешательства, гнева и беспокойства; шкала Прототипические эстетические эмоции — истинно эстетические эмоции, возникающие при встрече с произведением искусства благодаря оценке его формальных признаков (стиль, симметрия, упорядоченность и т.п.), включает фасетки чувства прекрасного, удивления, растроганности, благоговения, трепета и увлеченности, — и эти фасетки отражают эстетическую оценку произведения искусства независимо от валентности эмоций; шкала Эпистемические эмоции содержит фасетки озарения, интереса и интеллектуального вызова, отражает поиск и достижение понимания и осмысления произведения; фактор Эмоции оживления объединяет фасетки энергии, бодрости и очарования, шкала позволяет зафиксировать активизирующий эффект произведения искусства; Эмоции ностальгии и расслабленности — включение фасеток расслабленности и ностальгии в один фактор связано с потенциалом, которым обладают эти эмоции для восстановления душевного равновесия человека: фасетка расслабления фиксирует успокаивающее действия произведения искусства, а ностальгия способствует переживанию непрерывности собственной личности и ощущению осмысленности жизни; шкала Печали образована фасеткой меланхолии как сложной эмоции, включающей в себя удовольствие от размышлений в дополнение к чувствам печали, одиночества и пустоты; шкала Эмоции развлечения содержит фасетки радости и юмора как неутилитарных переживаний, отражающих наслаждение произведением искусства. Бланк шкалы и ключ в приложениях 4 и 5 соответственно.

Статистическая обработка данных. Эксплораторный факторный анализ (ЭФА) проводился в программе SPSS v. 22 с применением метода главных компонент и прямоугольным вращением промакс (promax). При определении факторной структуры ЭстЭм учитывались:

- 1) интерпретируемость полученных факторов;
- 2) согласованность паттернов факторных нагрузок пунктов ЭстЭм на факторы;
- 3) результаты анализа графика результатов параллельного факторного анализа (ПФА) и графика “каменистой осыпи” — собственных значений факторов.

Конфирматорный факторный анализ (КФА) и ПФА проводился с использованием программы RStudio и библиотеки lavaan. Для оценки

пригодности моделей применялся метод взвешенных наименьших квадратов с поправкой на среднее значение и дисперсию — WLSMV (Weighted Least Squares with Mean and Variance adjustment). Данный метод показал свою эффективность при работе с категориальными переменными, малым объемом выборки и распределением, отличающимся от нормального [15].

РЕЗУЛЬТАТЫ

На первом этапе был осуществлен расчет описательных статистик с помощью формул, применяемых для дискретных распределений (см. приложение 1, табл. 1). Показатели асимметрии и эксцесса применялись для оценки нормальности распределений по шкалам, так как критерии нормальности распределения имеют свойство искажать данные при больших объемах выборок (см. приложение 1, табл. 2). Значения асимметрии и эксцесса в пределах ± 1 являются “отличными”, а ± 2 — “приемлемыми” при оценке психометрических показателей [12, с. 114–115]. Показатели асимметрии и эксцесса по шкалам не превышают ± 2 .

На втором этапе была произведена оценка дискриминативности методики, рассчитанная при помощи коэффициента Фергюсона в модификации Ханкинса [13], применяемой для Лайкертовых шкал. Результаты расчета показали, что среднее Δ_G по 42 пунктам составляет 0.715, а по всему опроснику Δ_G — 0.993; чем показатель ближе к 1, тем большей дискриминативностью обладает методика [13].

На третьем этапе осуществлен параллельный факторный анализ для определения количества факторов, выделяемых на наших данных ($N = 473$). Результаты показали выделение 7 факторов и 4 компонентов (см. приложение 3, рис. 1).

На четвертом этапе мы случайным образом разбили выборку на две примерно равные части ($N = 230$ и $N = 243$), данная процедура была выполнена с целью избежания необоснованной поддержки, найденной на этапе ЭФА структуры ЭстЭм. Затем на выборке из 230 респондентов мы еще раз провели ПФА, результаты показали выделение 6 факторов и 4 компонентов (см. приложение 3, рис. 2). Результаты ЭФА представлены в табл. 1 (более подробный вариант см. в приложении 7), график каменистой осыпи показал выделение 8 факторов (см. приложение 3, рис. 3). Результаты ЭФА на 6 факторов привели к включению шкалы “Грусти” в фактор “Негативных эстетических эмоций” и выделению нового фактора,

включающего пункты из разных фасеток одной шкалы “Прототипических эстетических эмоций”, что затруднило интерпретацию данного фактора. Анализ согласованности шкал показал хороший результат, поэтому пункты с факторной нагрузкой меньше 0.35 удалены не были, так как их удаление снижает согласованность. Проверка нескольких моделей структуры ЭстЭм с помощью КФА представлена в табл. 2. Мы также проверили 4-факторную структуру ЭстЭм, так как сами разработчики и исследователи, применявшие методику, указывают на теоретическую обоснованность данной модели [9; 22].

Как показали результаты конфирматорного факторного анализа, модель с семью факторами и дополнительными связями между 21 фасеткой лучше всего описывает полученные данные.

В результате проверки связей между эстетическими эмоциями и компонентами эмоционального интеллекта были обнаружены отрицательные связи шкал “Негативных эстетических эмоций” с “Благополучием”, “Социальностью” и “Самоконтролем”, но положительные — с “Эмоциональностью”. Шкала “Грусти” демонстрирует такие же связи, за исключением связей со шкалой “Самоконтроля”. Шкала “Социальность” отрицательно связана со всеми эстетическими эмоциями, кроме шкал “Оживление”, “Ностальгия и расслабление”.

ЭстЭм во всех шкалах, кроме “Негативных эмоций”, положительно коррелируют со всеми шкалами опросника эстетической отзывчивости.

Шкала “Негативные эстетические эмоции” демонстрирует отрицательные связи с компонентами эмоциональной креативности, а все остальные эстетические эмоции связаны с эмоциональной креативностью положительно.

Альфа Кронбаха для Шкалы эстетических суждений = 0.802, что позволяет сделать вывод о хорошей согласованности пунктов шкалы. Шкалы ЭстЭм связаны со всеми шкалами эстетических суждений положительно, кроме шкалы “Негативные эмоции”.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты нашей апробации позволяют принять гипотезу о 7-факторной структуре методики, однако 4-факторная структура (эмоции удовольствия, прототипические, негативные, эпистемические) тоже показала хорошие результаты. Изменение количества факторов в ЭстЭм в меньшую сторону, на наш взгляд, допустимо, так как не каждый

Таблица 1. Факторные нагрузки для пунктов опросника ЭстЭм и показатели альфа Кронбаха ($N = 230$)

Название фактора	Название пункта	Факторная нагрузка	Альфа Кронбаха при удалении пункта
Прототипические эмоции $A = 0.872$	40. Я почувствовал благоговение и трепет	0.822	0.849
	36. Тронули меня	0.747	0.851
	14. Растрогали меня	0.741	0.856
	31. Вызвали возвышенные чувства	0.726	0.852
	11. Ошеломили меня	0.538	0.864
	1. Я почувствовал их красоту	0.532	0.862
	34. Впечатлили меня	0.591	0.855
	6. Понравились мне	0.510	0.860
	29. Удивили меня	0.367	0.870
	7. Заинтриговали меня	0.302	0.875
Негативные эмоции $\alpha = 0.873$	17. Вызвали раздражение	0.732	0.856
	12. Показались мне безобразным	0.724	0.856
	24. Сбили меня с толку	0.706	0.858
	25. Разозлили меня	0.691	0.861
	27. Обеспокоили меня	0.691	0.861
	35. Показались мне безвкусным	0.679	0.858
	37. Почувствовал себя растерянным	0.678	0.861
	30. Вызвали гнетущие чувства	0.664	0.862
	19. Навеяли на меня скуку	0.659	0.863
	33. Оставили меня равнодушным	0.587	0.868
Эпистемические эмоции $\alpha = 0.800$	10. Вызвали множество мыслей	0.832	0.736
	2. Заставили меня задуматься	0.780	0.757
	13. Я почувствовал глубокий смысл	0.737	0.751
	5. Пробудили любопытство	0.587	0.790
	38. Вызвали интерес	0.578	0.773
	21. Я почувствовал озарение	0.415	0.801
Эмоции оживления $\alpha = 0.853$	8. Вызвали чудесные ощущения	0.720	0.810
	9. Вдохнули в меня жизнь	0.525	0.813
	32. Воодушевили меня	0.482	0.813
	16. Зарядили меня энергией	0.404	0.807
	41. Пробудили желание действовать	0.331	0.841
	18. Зачаровали меня	0.362	0.876
Ностальгия и расслабление $\alpha = 0.743$	26. Пробудили сентиментальные чувства	0.676	0.664
	28. Вызвали ностальгию	0.647	0.663
	20. Расслабили меня	0.465	0.655
	4. Успокоили меня	0.248	0.706
Веселье $\alpha = 0.774$	22. Позабавили меня	0.741	0.757
	42. Развеселили меня	0.705	0.669
	39. Сделали меня счастливым	0.379	0.704
Грусть $\alpha = 0.699$; коэффициент Спирмена—Брауна: 0.718	3. Порадовали меня	0.345	0.742
	23. Навеяли на меня грусть	0.664	—
	15. Навеяли на меня тоску	0.590	—

Таблица 2. Показатели пригодности моделей ($N = 243$)

Модель	χ^2	df	χ^2/df	CFI	TLI	$RMSEA$	$CI_{90\%}$	$SRMR$
4 фактора на основе ЭФА	1520	792	1.92	0.954	0.950	0.062	0.057–0.066	0.099
7 факторов — ЭФА решение	1705	798	2.13	0.955	0.951	0.069	0.064–0.073	0.099
7 факторов — оригинальная	1590	798	1.99	0.961	0.957	0.064	0.059–0.069	0.094
7 факторов — оригинальная и 21 фасетка	1481	778	1.90	0.965	0.961	0.061	0.056–0.066	0.091

Таблица 3. Связи Эстетических эмоций с чертами эмоционального интеллекта ($N = 197$)

	Благополучие	Социальность	Самоконтроль	Эмоциональность
Негативные эмоции	–0.255**	–0.150*	–0.187**	0.248**
Прототипические эстетические эмоции	0.174*	–0.148*	0.331**	–0.093
Эпистемические эстетические эмоции	0.144*	–0.154*	0.359**	–0.104
Оживление	0.173*	–0.073	0.294**	–0.040
Ностальгия/расслабление	0.076	–0.124	0.220**	0.018
Грусть	–0.155*	–0.161*	0.003	0.153*
Развлечение	0.126	–0.208**	0.271**	0.047

Примечание. ** $p < 0.01$; * $p < 0.05$. Что касается размера эффекта, переводя средние $r = 0.3$ и $r = 0.21$ в d Коэна мы получаем $d = 0.63$ и $d = 0.43$ соответственно, что довольно близко к среднему размеру эффекта.

Таблица 4. Связи эстетических эмоций с эстетической отзывчивостью ($N = 197$)

	Красота природы	Красота искусства	Красота идей	Красота нравственного поведения	Красота когнитивная	Красота телесная	Красота эмоциональная	Красота духовная
Негатив. эмоции	–0.061	–0.125	0.02	–0.109	–0.18	–0.01	–0.061	–0.02
Прототип. эмоции	0.472**	0.502**	0.426**	0.450**	0.404**	0.472**	0.519**	0.554**
Эпистем. эмоции	0.493**	0.485**	0.392**	0.477**	0.459**	0.466**	0.536**	0.486**
Оживление	0.368**	0.404**	0.323**	0.367**	0.305**	0.353**	0.424**	0.440**
Ностальгия	0.370**	0.324**	0.304**	0.350**	0.238**	0.347**	0.375**	0.450**
Грусть	0.248**	0.167	0.211	0.207	0.132	0.231	0.219	0.303**
Развлечение	0.332**	0.291**	0.260**	0.276**	0.278**	0.270**	0.318**	0.322**

Примечание. Значимость указана с учетом поправки Бонферрони: ** $p < 0.0009$; * $p < 0.001$.

Таблица 5. Связи эстетических эмоций с эмоциональной креативностью ($N = 202$)

	Новизна—уникальность	Готовность размышлять над эмоциями	Эффективность	Аутентичность	Многообразие порождаемых эмоций
Негативные эмоции	0.080	–0.192*	–0.208*	–0.193*	0.011
Прототипические эстетические эмоции	0.192*	0.307**	0.394**	0.230**	0.309**
Эпистемические эстетические эмоции	0.210*	0.338**	0.377**	0.218*	0.335**
Оживление	0.138	0.207*	0.401**	0.186*	0.218*
Ностальгия/расслабление	0.169*	0.216*	0.300**	0.124	0.293**
Грусть	0.218*	–0.032	–0.057	–0.060	0.230**
Развлечение	0.174*	0.170*	0.321**	0.076	0.232**

Примечание. Значимость указана с учетом поправки Бонферрони: ** $p < 0.0014$; * $p < 0.05$.

Таблица 6. Связи ЭстЭм с невербальной методикой оценки эмоций (SAM) и шкалой эстетических суждений ($N = 89$)

SAM/Эстетические суждения	Негатив. эм.	Прототип. эм.	Эпистем. эм.	Оживл.	Ностал./расслаб.	Грусть	Развлечение
Удовольствие	0.144	-0.027	0.101	0.056	0.091	0.432**	-0.087
Возбуждение	0.243*	0.247*	0.187	0.179	0.101	0.241*	0.232*
Доминантность	-0.156	0.057	-0.026	0.099	0.119	0.093	0.103
Возбуждение	-0.243*	0.537**	0.344**	0.454**	0.420**	0.047	0.400**
Валентность	-0.204	0.599**	0.470**	0.498**	0.332*	0.119	0.407**
Симпатия	-0.090	0.502**	0.372**	0.438**	0.261*	0.114	0.260*
Интерес	0.036	0.455**	0.319*	0.452**	0.293*	0.246*	0.387**
Понимание	-0.194	0.275*	0.254*	0.207	0.226*	-0.195	0.272*

Примечание. Значимость корреляции ЭстЭм со Шкалой эстетических суждений указана с учетом поправки Бонферрони: ** $p < 0.0014$; * $p < 0.05$.

арт-объект способен вызвать полный спектр эстетических эмоций. Этот вывод подкрепляют исследования, показавшие, что эстетические эмоции различаются в зависимости от стимула [14; 18; 19]. Четырехфакторная структура ЭстЭм выделяется и в англоязычной версии, но фасетки, образующие эти 4 фактора, в нашей и англоязычной версии отличаются [9]. Мы рекомендуем при использовании ЭстЭм проверять ее структуру и ориентироваться на 4 или 7 факторов, так как интерпретация 5–6 факторов затруднительна. Гипотеза о хороших психометрических показателях принимается: Шкалы ЭстЭм в русскоязычном варианте показали большую согласованность (по всем пунктам альфа Кронбаха больше 0.70), чем в оригинальной версии (от 0.55 до 0.85 см [22]) и схожую согласованность относительно англоязычного варианта [9]; шкалы ЭстЭм обладают нормальным распределением. Гипотеза о высокой дискриминативности ЭстЭм принимается, так как показатель равен 0.99.

Гипотеза о конвергентной и дивергентной валидности методики принимается. Конвергентную валидность подтверждают: 1) позитивные связи шкалы ЭстЭм “Эпистемические эмоции” со шкалой Опросника эмоциональной креативности “Готовность размышлять над эмоциями”; отрицательные связи шкалы “Негативные эмоции” со шкалой “Благополучие” опросника Черт эмоционального интеллекта; 2) положительные связи шкал ЭстЭм “Прототипические эмоции” со всеми шкалами Опросника эстетической отзывчивости на красоту; 3) отрицательные связи “Ностальгии/расслабления” со шкалой “Самоконтроль” по опроснику Черт эмоционального интеллекта, а также положительные корреляции шкалы “Грусть” со шкалой SAM “Удовольствие” и шкалой “Эмоциональность” опросника Черт эмоционального интеллекта.

Положительные связи ЭстЭм со всеми шкалами Опросника эстетических суждений поддерживают

представление авторов методики об эстетических эмоциях как об *оценочных*, т.е. подверженных влиянию и способных влиять на эстетические суждения [22]. Положительные связи ЭстЭм со всеми шкалами опросника эстетической отзывчивости согласуются с результатами, показывающими, что степень эстетической отзывчивости положительно предсказывает степень выраженности эстетических эмоций [9]. Положительные связи ЭстЭм с эстетическими суждениями еще раз подтверждают найденные ранее связи с физиологическими и самоотчетными (по ЭстЭм) показателями эмоций [10].

Дивергентную валидность подтверждают:

1) отсутствие связей “Негативных эстетических эмоций” со всеми шкалами Опросника эстетической отзывчивости на красоту, а также отсутствие связей Шкалы ЭстЭм “Оживление” со шкалой “Оживление” по методике SAM, т.е. шкала ЭстЭм “Оживление” не отражает общую активацию организма или состояние возбуждения, а фиксирует именно оживляющий эффект произведения искусства;

2) отсутствие статистически значимых положительных связей между шкалой ЭстЭм “Развлечение” и шкалой SAM “Удовольствие”;

3) отсутствие связей всех шкал ЭстЭм со шкалой SAM “Доминантность”.

В пользу необходимости выделения отдельного фактора “Грусти” и против включения пунктов, образующих фактор “Грусти”, например, в фактор “Негативных эмоций”, свидетельствует наличие положительной связи “Грусти” со шкалами “Удовольствие” и “Возбуждение” по методике SAM. Грусть может доставлять удовольствие и вызывать общую активацию, в отличие от негативных эстетических эмоций [22]. Также шкала “Грусть” положительно связана со шкалами методики Эстетической отзывчивости “Красота природы” и “Красота духовная”, в то время как шкала ЭстЭм

“Негативные эмоции” не демонстрирует связей с данными шкалами красоты. Это значит, что грусть вовсе не синонимична по содержанию негативным эмоциям, но позволяет насладиться духовной и природной красотой, в отличие от отрицательных эмоций.

ВЫВОДЫ

1. Апробация русскоязычной версии Шкалы ЭстЭм показала semifакторную структуру методики, которая образована 21 фасеткой, а хорошие показатели пригодности модели указывают в пользу конструктивной валидности ЭстЭм.

2. ЭстЭм имеет хорошие психометрические показатели (обладает нормальным распределением) и высокой согласованностью пунктов внутри шкал, α Кронбаха ≥ 0.70 .

3. Шкалы ЭстЭм продемонстрировали конвергентную и дивергентную валидность.

4. ЭстЭм обладает отличной дискриминативностью, общий показатель для шкалы $\Delta_G = 0.99$.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корнилова Т.В. Черты эмоционального интеллекта (по TEIQue) как предикторы стилевой регуляции принятия решений // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 4. С. 82–92.
2. Корнилова Т.В., Шестова М.А., Павлова Е.М. Эмоциональная креативность в системе связей с эмоционально-личностной сферой и имплицитными теориями креативности // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 4. С. 19–31.
3. Красавцева Ю.В. Предвосхищаемые и результирующие эмоции в регуляции принятия решений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 2. С. 18–33.
4. Сабодош П.А. Русская версия Шкалы сопричастности красоте EBS (the Engagement With Beauty Scale): многочертная-многометодная модель (на английском языке) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 14. № 1. С. 7–21.
5. Шестова М.А. Экспериментальная эстетика и эстетические эмоции: обзор западных трендов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 1. С. 47–54.
6. Шестова М.А. Эмоциональная креативность в личностной регуляции принятия решений: Дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ. 2022. 246 с.
7. Brieber D., Leder H., Nadal M. The experience of art in museums: An attempt to dissociate the role of physical context and genuineness // Empirical Studies of the Arts. 2015. V. 33. № 1. P. 95–105.
8. Consoli G. The Cognitive Value of Aesthetic Emotions // Art & Perception. 2022. V. 10. № 4. P. 361–378.
9. Diessner R. et al. Olfactory and gustatory beauty: Aesthetic emotions and trait appreciation of beauty // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2021. V. 15. № 1. P. 38–50.
10. Egermann H., Reuben F. “Beauty Is How You Feel Inside”: Aesthetic Judgments Are Related to Emotional Responses to Contemporary Music // Frontiers in Psychology. 2020. V. 11. P. 510029.
11. Feng X. et al. Neural representations of visual aesthetic experience (VAE): a meta-analysis // Culture and Brain. 2022. T. 10. № 1. P. 1–26.
12. George D., Mallery P. IBM SPSS Statistics 26 Step by Step: A Simple Guide and Reference. 16th ed. Routledge, 2009. 402 p.
13. Hankins M. Questionnaire discrimination: (re)-introducing coefficient δ // BMC Medical Research Methodology. 2007. V. 7. P. 1–5.
14. Kenett Y.N. et al. Aesthetic emotions are affected by context: a psychometric network analysis // Scientific Reports. 2023. V. 13. № 1: 20985.
15. Liang X., Yang Y. An evaluation of WLSMV and Bayesian methods for confirmatory factor analysis with categorical indicators // International Journal of Quantitative Research in Education. 2014. V. 2. № 1. P. 17–38.
16. Menninghaus W. et al. Aesthetic emotions are a key factor in aesthetic evaluation: Reply to Skov and Nadal. Psychological Review. 2020. V. 127. № 4. P. 650–654.
17. Menninghaus W. et al. What are aesthetic emotions? // Psychological review. 2019. V. 126. № 2. P. 171–195.
18. Menninghaus W. et al. Towards a psychological construct of being moved // PloS One. 2015. V. 10. № 6: e0128451.
19. Mesz B. et al. Aesthetic emotions in a mixed reality gastrosonic experience: an exploratory study // Digital Creativity. 2023. P. 1–16.
20. Nawaz S., Omigie D. Investigating the interaction of pleasantness and arousal and the role of aesthetic emotions on episodic memory using a musical what-where-when paradigm // Cognition and Emotion. 2023. V. 37. № 2. P. 320–328.
21. Nummenmaa L., Hari R. Bodily feelings and aesthetic experience of art // Cognition and Emotion. 2023. V. 37. № 3. P. 1–14.
22. Schindler I. et al. Measuring aesthetic emotions: A review of the literature and a new assessment tool // PloS One. 2017. V. 12. № 6: e0178899.
23. Scherer K.R. Which emotions can be induced by music? What are the underlying mechanisms? And how can we

- measure them? // Journal of New Music Research. 2004. V. 33. № 3. P. 239–251.
24. *Schoeller F., Perlovsky L.* Aesthetic chills: knowledge-acquisition, meaning-making, and aesthetic emotions // *Frontiers in Psychology*. 2016. V. 7: 1093.
25. *Schubert E.* The aesthetic emotion Lexicon: A literature review of emotion words used by researchers to describe aesthetic experiences // *Empirical Studies of the Arts*. 2024. V. 42. № 1. P. 3–37.
26. *Silvia P.J., Nusbaum E.C.* On personality and piloerection: Individual differences in aesthetic chills and other unusual aesthetic experiences // *Psychology of Aesthetics, Creativity and the Arts*. 2011. V. 5. № 3. C. 208–214.
27. *Skov M., Nadal M.* There are no aesthetic emotions: Comment on Menninghaus et al. (2019) // *Psychological Review*. 2020. V. 127. № 4. P. 640–649.

APPROBATION OF THE AESTHETIC EMOTIONS SCALE ON A RUSSIAN SAMPLE

M. A. Shestova*, **M. R. Zabelina****, **U. I. Vasilchenko*****,
K. V. Anokhina****, **E. A. Voldiner*******

*Moscow Institute of Psychoanalysis;
121170, Moscow, Kutuzovsky Prospekt, 34/14, Russia.*

**PhD (Psychology), Associate Professor.*

E-mail: shestova-ma@inpsycho.ru

***Student of the Faculty of General and Clinical Psychology at the Moscow Institute of Psychoanalysis.*

E-mail: lawpchechnikovauyana@gmail.com

****Student of the Faculty of General and Clinical Psychology at the Moscow Institute of Psychoanalysis.*

E-mail: terrygrvm@gmail.com

*****Student of the Faculty of General and Clinical Psychology at the Moscow Institute of Psychoanalysis.*

E-mail: ksuanokh1na@gmail.com

******Student of the Faculty of General and Clinical Psychology at the Moscow Institute of Psychoanalysis.*

E-mail: voldiner@yandex.ru

Received 02.02.2024

Abstract. There are practically no studies devoted to aesthetic experience in the Russian psychological literature; this may be due to the lack of techniques by which aesthetic judgments, emotions, and meanings — the key components of aesthetic experience — can be measured. The purpose of the study is to approbate the Aesthetic Emotions Scale (AESTHEMOS) on a Russian-speaking sample. The approbation of the AESTHEMOS was carried out in accordance with modern psychometric standards. The methods of parallel and exploratory factor analysis, as well as structural equation modeling, were used to assess structural validity; correlation analysis was used to assess convergent and divergent validity; and the Ferguson coefficient in the Hankins modification was used to assess discriminativity. A sample consists of 473 people ($M_{age} = 23.4$; $SD = 4.9$; $Me = 22$), of whom 327 are women and 146 are men, 40% of whom have been pursuing an undergraduate degree and 60% have already obtained at least one at the time of approbation. The sample was gathered from May to June 2023, near the various Moscow cultural centers. In the study, the following psychodiagnostics tools were used: Trait Emotional Intelligence Questionnaire Short Form (TEIQue-SF), Engagement With Beauty Scale (EBS 2.0), Emotional Creativity Inventory (ECI), Self-Assessment Manikin (SAM), and Aesthetic Judgments Scale. The results showed that the AESTHEMOS has good psychometric properties: all the scales have a normal distribution and high consistency of points within the scales (Cronbach's $\alpha \geq 0.70$). The AESTHEMOS has a high level of discrimination. $\Delta_G = 0.99$. The Russian-language version of the AESTHEMOS has constructive validity: the results showed that the AESTHEMOS has a seven-factor structure formed by 21 facets and good psychometric properties, which correspond to the original version ($N = 243$, $\chi^2/df = 1.90$, $CFI = 0.965$, $RMSEA = 0.061$). The results of the correlation analysis allowed us to conclude that the AESTHEMOS has convergent and divergent validity.

Keywords: aesthetic experience, aesthetic emotion, aesthetic judgements, aesthetic responsiveness, AESTHEMOS, Aesthetic emotions scale, emotional creativity, trait emotional intelligence.

Acknowledgements. The authors express their appreciation and gratitude to the general director of the private institution “Museum of Fine Arts AZ” N.V. Opaleva and the administrative director of the museum E. Chernysheva for their cooperation and the opportunity to conduct this research.

REFERENCES

1. Kornilova T.V. Cherty emocional'nogo intellekta (po TEIQue) kak prediktory stilevoj regulyatsii prinyatiya reshenij. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2023. V. 44. № 4. P. 82–92. (In Russian)
2. Kornilova T.V., Shestova M.A., Pavlova E.M. Emocional'naya kreativnost' v sisteme svyazey s emocional'no-lichnostnoj sferoj i implicitnymi teoriyami kreativnosti. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2020. V. 41. № 4. P. 19–31. (In Russian)
3. Krasavceva Yu.V. Predvoskhishchaemye i rezul'tiruyushchie emocii v regulyatsii prinyatiya reshenij. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki*. 2020. № 2. P. 18–33. (In Russian)
4. Sabadosh P.A. Russkaya versiya SHkaly soprichastnosti krasote EBS (the Engagement With Beauty Scale): mnogochertnaya-mnogometodnaya model' (na anglijskom yazyke). *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*. 2017. V. 14. № 1. P. 7–21. (In English)
5. Shestova M.A. Eksperimental'naya estetika i esteticheskie emocii: obzor zapadnyh trendov. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki*. 2021. № 1. P. 47–54. (In Russian)
6. Shestova M.A. Emocional'naya kreativnost' v lichnostnoj regulyatsii prinyatiya reshenij: kand. dis. M.: MGU. 2022. 246 p. (In Russian)
7. Brieber D., Leder H., Nadal M. The experience of art in museums: An attempt to dissociate the role of physical context and genuineness. *Empirical Studies of the Arts*. 2015. V. 33. № 1. P. 95–105.
8. Consoli G. The Cognitive Value of Aesthetic Emotions. *Art & Perception*. 2022. V. 10. № 4. P. 361–378.
9. Diessner R. et al. Olfactory and gustatory beauty: Aesthetic emotions and trait appreciation of beauty. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2021. V. 15. № 1. P. 38–50.
10. Egermann H., Reuben F. “Beauty Is How You Feel Inside”: Aesthetic Judgments Are Related to Emotional Responses to Contemporary Music. *Frontiers in Psychology*. 2020. V. 11. P. 510029.
11. Feng X. et al. Neural representations of visual aesthetic experience (VAE): a meta-analysis. *Culture and Brain*. 2022. V. 10. № 1. P. 1–26.
12. George D., Mallery P. IBM SPSS Statistics 26 Step by Step: A Simple Guide and Reference. 16th ed. Routledge, 2009. 402 p.
13. Hankins M. Questionnaire discrimination: (re)-introducing coefficient δ . *BMC Medical Research Methodology*. 2007. V. 7. P. 1–5.
14. Kenett Y.N. et al. Aesthetic emotions are affected by context: a psychometric network analysis. *Scientific Reports*. 2023. V. 13. № 1: 20985.
15. Liang X., Yang Y. An evaluation of WLSMV and Bayesian methods for confirmatory factor analysis with categorical indicators. *International Journal of Quantitative Research in Education*. 2014. V. 2. № 1. P. 17–38.
16. Menninghaus W. et al. Aesthetic emotions are a key factor in aesthetic evaluation: Reply to Skov and Nadal. *Psychological Review*. 2020. V. 127. № 4. P. 650–654.
17. Menninghaus W. et al. What are aesthetic emotions? *Psychological review*. 2019. V. 126. № 2. P. 171–195.
18. Menninghaus W. et al. Towards a psychological construct of being moved. *PloS One*. 2015. V. 10. № 6: e0128451.
19. Mész B. et al. Aesthetic emotions in a mixed reality gastronomic experience: an exploratory study. *Digital Creativity*. 2023. P. 1–16.
20. Nawaz S., Omigie D. Investigating the interaction of pleasantness and arousal and the role of aesthetic emotions on episodic memory using a musical what-where-when paradigm. *Cognition and Emotion*. 2023. V. 37. № 2. P. 320–328.
21. Nummenmaa L., Hari R. Bodily feelings and aesthetic experience of art. *Cognition and Emotion*. 2023. V. 37. № 3. P. 1–14.
22. Schindler I. et al. Measuring aesthetic emotions: A review of the literature and a new assessment tool. *PloS One*. 2017. V. 12. № 6: e0178899.
23. Scherer K.R. Which emotions can be induced by music? What are the underlying mechanisms? And how can we measure them? *Journal of New Music Research*. 2004. V. 33. № 3. P. 239–251.
24. Schoeller F., Perlovsky L. Aesthetic chills: knowledge-acquisition, meaning-making, and aesthetic emotions. *Frontiers in Psychology*. 2016. V. 7: 1093.
25. Schubert E. The aesthetic emotion Lexicon: A literature review of emotion words used by researchers to describe aesthetic experiences. *Empirical Studies of the Arts*. 2024. V. 42. № 1. P. 3–37.
26. Silvia P.J., Nusbaum E.C. On personality and piloerection: Individual differences in aesthetic chills and other unusual aesthetic experiences. *Psychology of Aesthetics, Creativity and the Arts*. 2011. V. 5. № 3. C. 208–214.
27. Skov M., Nadal M. There are no aesthetic emotions: Comment on Menninghaus et al. (2019). *Psychological Review*. 2020. V. 127. № 4. P. 640–649.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1. Описательные статистики ($N = 473$) для Шкалы эстетических эмоций

	Среднее	Станд. откл.	Медиана	Асимметрия	Экссесс	Станд. ошибка	Мин.	Макс.
Негативные эмоции	16.64	7.04	15	1.58	2.82	0.32	10	50
Прототипические эстетические эмоции	29.01	8.67	28	0.23	-0.44	0.40	11	50
Эпистемические эстетические эмоции	18.27	5.36	18	0.03	-0.37	0.25	6	30
Оживление	16.23	6.25	16	0.28	-0.72	0.29	6	30
Ностальгия/Расслабление	10.26	3.95	10	0.40	-0.61	0.18	4	20
Грусть	3.92	2.02	3	0.99	0.24	0.09	2	10
Развлечение	10.64	3.97	11	0.27	-0.48	0.18	4	20

Таблица 2. Тестовые нормы в процентилях ($N = 473$) для Шкалы эстетических эмоций

Мужчины $N = 110$	Процентили			
		25	50	75
	Негативные эмоции	11	15	20
	Прототипические эстетические эмоции	23	28	34
	Эпистемические эстетические эмоции	14	18	21
	Оживление	11	16	20
	Ностальгия/расслабление	7	10	13
	Грусть	2	3	5
	Развлечение	8	10	13
Женщины $N = 363$	Процентили			
		25	50	75
	Негативные эмоции	11	15	19
	Прототипические эстетические эмоции	22	29	35
	Эпистемические эстетические эмоции	15	19	22
	Оживление	11	17	21
	Ностальгия/расслабление	7	10	13
	Грусть	2	3	5
	Развлечение	8	11	13
Вся выборка $N = 473$	Процентили			
		25	50	75
	Негативные эмоции	11	15	20
	Прототипические эстетические эмоции	23	28	35
	Эпистемические эстетические эмоции	15	18	22
	Оживление	11	16	21
	Ностальгия/расслабление	7	10	13
	Грусть	2	3	5
	Развлечение	8	11	13

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Места сбора данных исследования

Площадки	Количество респондентов
Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина	165
Музей AZ	89
Дом культуры "ГЭС-2"	44
Государственная Третьяковская галерея	44

Площадки	Количество респондентов
Выставочный центр Lumiere Hall	13
Выставочный центр Vekarta Босх и Брейгели	13
ГМЗ “Останкино и Кусково”	12
Московский музей современного искусства	11
Центр современного искусства Винзавод	10
Центр дизайна Artplay	10
Клуб “16 тонн”	5
Локус Солус. Кладовая тишины.	5
Парк искусств “Музеон”	4
Центр современного искусства MAPC	4
Концерты фонда “Бельканто”	4
Эстонский дом авторской куклы	4
ГБУК города Москвы Московская государственная картинная галерея народного художника СССР Ильи Глазунова	3
Фонд искусство наций	3
Джаз в Никольских рядах	3
Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского	2
Зоологический музей МГУ	2
Музей московского Кремля	2
Музей современного искусства “Гараж”	2
Театр музыки и драмы Стаса Намина	1
Книжная выставка “Красная площадь”	1
Музей архитектуры им. А.В. Щусева	1
Выставка в честь 20-летия “Смешарики”	1
Московский академический музыкальный театр имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко	1
Государственный центральный музей современной истории России	1
Музей Анны Ахматовой	1
Музей Москвы “Дом моделей”	1
Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник Абрамцево	1
Сборный экспериментальный театр	1
Дом-музей А.П. Чехова	1
Акустический концерт группы “Автоспорт”	1
Art & Sound	1
Центр авангарда	1
Good Orchestra	1
Дом-музей Марины Цветаевой	1
Государственный исторический музей	1
Московский театр Мастерская П.Н. Фоменко	1
ФГБУК Государственный музей Востока	1

ПРИЛОЖЕНИЕ 3
Графики результатов расчета факторного анализа

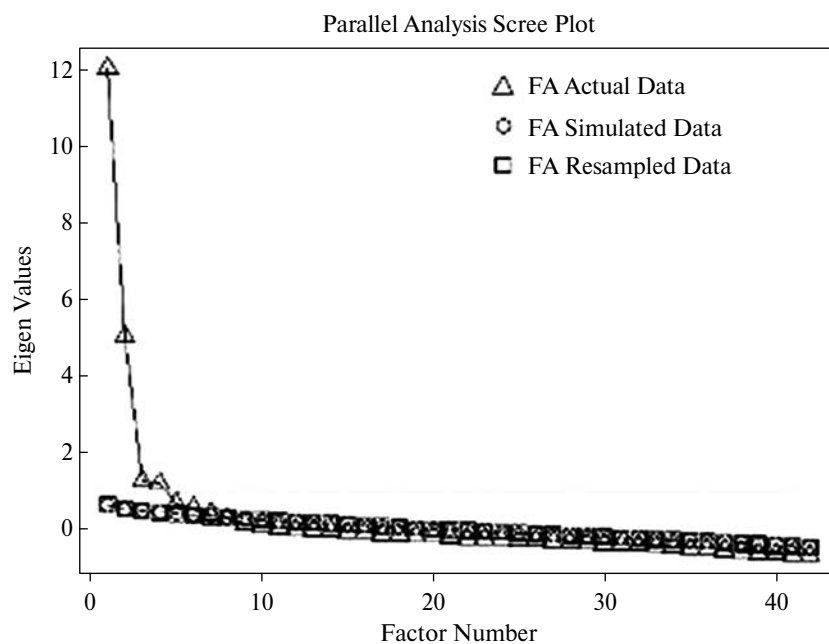

Рис. 1. Результаты параллельного факторного анализа ($N = 473$)

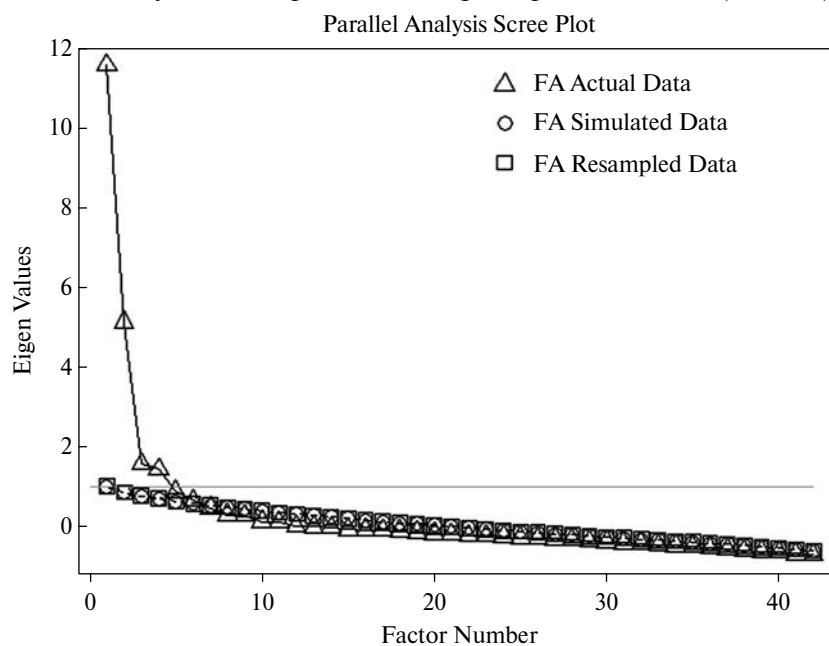

Рис. 2. Результаты параллельного факторного анализа ($N = 230$)

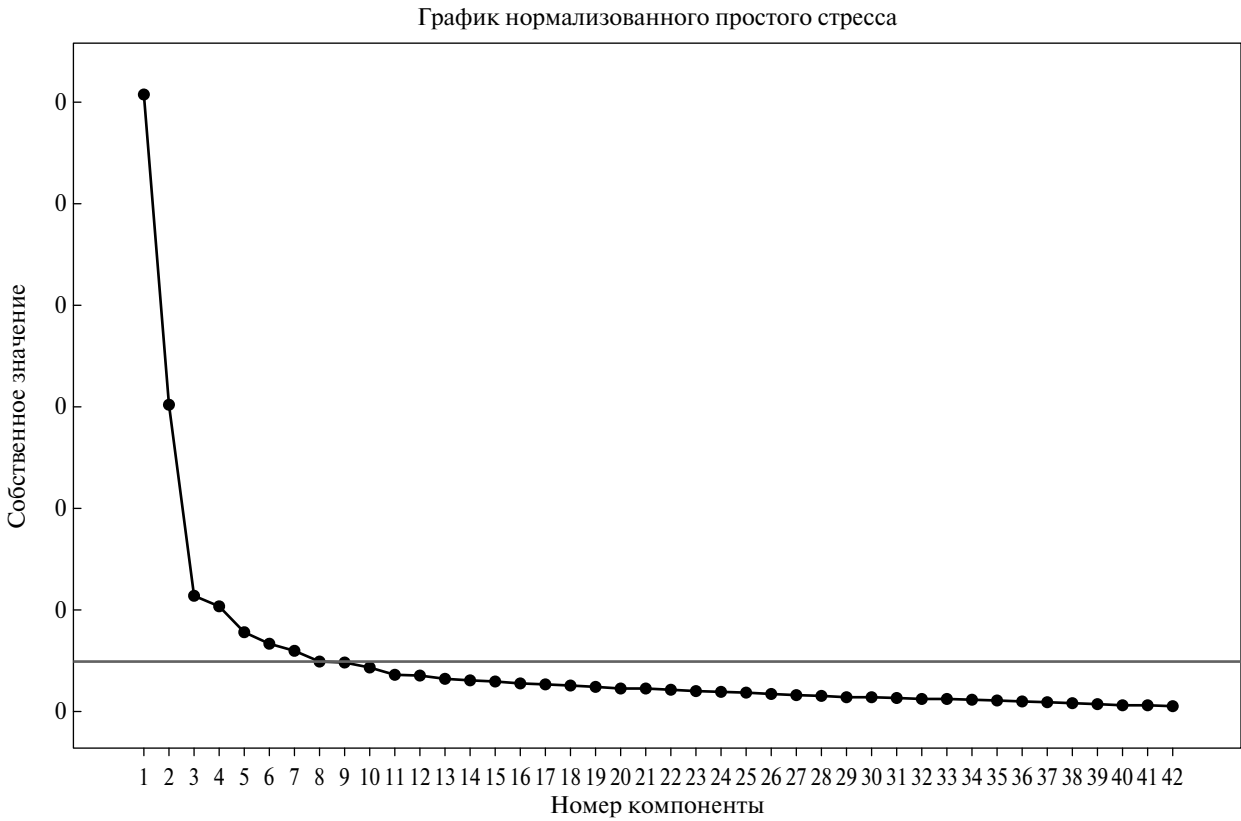

Рис. 3. Собственные значений факторов (N = 230)

ПРИЛОЖЕНИЕ 4
Бланк Шкалы эстетических эмоций (ЭстЭм)

Шкала может использоваться либо для оценки интенсивности эстетических эмоций (например, для изучения сиюминутного эстетического переживания или переживания конкретного стимула, такого как картина, стихотворение, музыкальное произведение или сцена из фильма), либо частоты переживания эстетических эмоций во время более длительного эстетического переживания (например, для изучения события в целом: художественной выставки, театрального представления или прогулки на природе).

Для частотной версии необходимо внести следующие изменения. Инструкция по оценке: Как часто вы испытывали эту эмоцию? Шкала оценок: от 1 никогда до 5 очень часто. Какой эмоциональный эффект оказал на вас _____? Для каждого эмоционального переживания, указанного ниже, пожалуйста, отметьте частоту реакции, которая наилучшим образом соответствует вашему личному опыту. Пожалуйста, укажите только то, что вы на самом деле чувствовали. Не характеризуйте эмоции, выраженные в _____, если вы сами их не испытывали.

	Насколько сильно вы почувствовали эти эмоциональные переживания?				
Эмоциональное переживание	1	2	3	4	5
1. Я почувствовал их красоту	1	2	3	4	5
2. Заставили меня задуматься	1	2	3	4	5
3. Порадовали меня	1	2	3	4	5
4. Успокоили меня	1	2	3	4	5
5. Пробудили любопытство	1	2	3	4	5
6. Понравились мне	1	2	3	4	5
7. Заинтриговали меня	1	2	3	4	5
8. Вызвали чудесные ощущения	1	2	3	4	5

9. Вдохнули в меня жизнь	1	2	3	4	5
10. Вызвали множество мыслей	1	2	3	4	5
11. Ошеломили меня	1	2	3	4	5
12. Показались мне безобразными	1	2	3	4	5
13. Я почувствовал глубокий смысл	1	2	3	4	5
14. Растрогали меня	1	2	3	4	5
15. Навяли на меня тоску	1	2	3	4	5
16. Зарядили меня энергией	1	2	3	4	5
17. Вызвали раздражение	1	2	3	4	5
18. Зачаровали меня	1	2	3	4	5
19. Навяли на меня скуку	1	2	3	4	5
20. Расслабили меня	1	2	3	4	5
21. Я почувствовал озарение	1	2	3	4	5
22. Позабавили меня	1	2	3	4	5
23. Навяли на меня грусть	1	2	3	4	5
24. Сбили меня с толку	1	2	3	4	5
25. Разозлили меня	1	2	3	4	5
26. Пробудили сентиментальные чувства	1	2	3	4	5
27. Обеспокоили меня	1	2	3	4	5
28. Вызвали ностальгию	1	2	3	4	5
29. Удивили меня	1	2	3	4	5
30. Вызвали гнетущие чувства	1	2	3	4	5
31. Вызвали возвышенные чувства	1	2	3	4	5
32. Воодушевили меня	1	2	3	4	5
33. Оставили меня равнодушным	1	2	3	4	5
34. Впечатлили меня	1	2	3	4	5
35. Показались мне безвкусными	1	2	3	4	5
36. Тронули меня	1	2	3	4	5
37. Почувствовал себя растерянным	1	2	3	4	5
38. Вызвали интерес	1	2	3	4	5
39. Сделали меня счастливым	1	2	3	4	5
40. Я почувствовал благоговение и трепет	1	2	3	4	5
41. Пробудили желание действовать	1	2	3	4	5
42. Развеселили меня	1	2	3	4	5

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Ключ к методике: Шкала эстетических эмоций

Шкала	Фасетка	Пункты
Негативные эмоции	Чувство уродства	12, 35
	Замешательство	24, 37
	Злость	17, 25
	Скука	19, 33
	Беспокойство	27, 30
Прототипические эмоции	Растроганность	14, 36
	Удивление	11, 29
	Заинтригованность	7, 37
	Чувство прекрасного	1, 6
	Благоговение и трепет	31, 40
Эпистемические эмоции	Интеллектуальный вызов	2, 10
	Интерес	5, 38
	Озарение	13, 21

Оживление	Энергия	16, 41
	Витальность	9, 32
	Очарование	8, 18
Ностальгия / Расслабление	Ностальгия	26, 28
	Расслабление	4, 20
Развлечение	Радость	3, 39
	Юмор	22, 42
Грусть	Грусть	15, 23

Ключ на 4 фактора

Прототипические эмоции: 14, 36, 1, 6, 31, 40, 16, 41, 9, 32, 8, 18, 26, 28, 4, 20

Эпистемические эмоции: 2, 10, 5, 38, 13, 21, 7, 37, 11, 29

Негативные эмоции: 12, 35, 24, 37, 17, 25, 19, 33, 27, 30, 15, 23

Эмоции удовольствия: 3, 39, 22, 42

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Стимульный материал — картины Анатолия Зверева

1. Портрет Полины, 1980 г. Бумага, масло. Размер: 85×60 см.
2. Портрет Люси, 1966 г. Картон, масло. Размер: 62×47 см.
3. Портрет Зои Берлинской, 1967 г. Бумага, смешанная техника. Размер: 81×61 см.
4. Женский портрет, 1976 г. Картон, масло. Размер: 79×48 см.
5. Портрет Лили, 1957 г. Бумага, гуашь. Размер: 57,4×40,2 см.
6. Портрет Галины Орловой, 1963 г. Бумага, гуашь. Размер: 72,5×54 см.
7. Портрет девочки (Саша Бахмутская), 1964 г. Бумага, акварель, присыпка. Размер: 71×46 см.
8. Портрет Наташи Костаки, 1958 г. Бумага, акварель. Белила, Размер: 59×45 см.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Результаты ЭФА на выборке из 230 респондентов

Название пункта Шкалы эстетических эмоций	Компонента						
	1	2	3	4	5	6	7
40. Я почувствовал благоговение и трепет	0,822	−0,019	0,350	0,427	0,352	0,055	0,340
16. Зарядили меня энергией	0,808	0,023	0,433	0,404	0,153	0,228	0,251
32. Воодушевили меня	0,803	−0,212	0,371	0,482	0,188	0,091	0,356
9. Вдохнули в меня жизнь	0,793	−0,040	0,505	0,525	0,165	0,162	0,190
39. Сделали меня счастливым	0,777	−0,049	0,242	0,466	0,126	0,345	0,379
36. Тронули меня	0,747	−0,002	0,415	0,310	0,623	−0,158	0,276
14. Растрогали меня	0,741	0,137	0,493	0,274	0,586	−0,085	0,083
8. Вызвали чудесные ощущения	0,731	−0,152	0,492	0,720	0,190	0,138	0,361
31. Вызвали возвышенные чувства	0,726	−0,080	0,384	0,421	0,446	−0,186	0,376
21. Я почувствовал озарение	0,706	0,161	0,415	0,281	0,382	0,162	0,141
41. Пробудили желание действовать	0,680	−0,024	0,307	0,331	0,010	0,277	0,244
17. Вызвали раздражение	0,067	0,732	0,200	−0,129	0,190	0,252	−0,199
12. Показались мне безобразным	0,046	0,724	0,197	−0,215	0,215	0,262	−0,155
24. Сбили меня с толку	−0,038	0,706	0,063	−0,242	0,210	−0,010	0,124
25. Разозлили меня	0,163	0,691	0,052	−0,129	0,186	0,087	−0,185
27. Обеспокоили меня	−0,067	0,691	0,162	0,040	0,210	−0,220	0,331
35. Показались мне безвкусным	−0,003	0,679	0,029	−0,196	0,132	0,286	−0,042

Название пункта Шкалы эстетических эмоций	Компонента						
	1	2	3	4	5	6	7
37. Почувствовал себя растерянным	0,138	0,678	0,120	0,061	0,211	-0,081	0,184
30. Вызвали гнетущие чувства	-0,084	0,664	0,170	-0,048	0,373	-0,368	0,273
19. Навеяли на меня скуку	-0,165	0,659	-0,049	-0,101	0,128	0,213	-0,275
33. Оставили меня равнодушным	-0,272	0,587	-0,161	-0,267	0,100	0,230	-0,234
10. Вызвали множество мыслей	0,405	0,027	0,832	0,303	0,352	-0,012	0,238
2. Заставили меня задуматься	0,403	0,005	0,780	0,336	0,200	-0,045	0,250
13. Я почувствовал глубокий смысл	0,517	0,067	0,737	0,222	0,489	-0,156	0,262
7. Заинтриговали меня	0,302	0,132	0,672	0,411	0,112	0,291	0,344
11. Ошеломили меня	0,538	0,221	0,664	0,273	0,284	0,111	0,229
1. Я почувствовал его красоту	0,532	-0,305	0,329	0,775	0,123	-0,009	0,389
6. Понравились мне	0,510	-0,312	0,465	0,774	0,181	-0,047	0,432
4. Успокоили меня	0,424	-0,056	0,287	0,761	0,248	0,106	0,152
3. Порадовали меня	0,593	-0,207	0,472	0,703	0,116	0,290	0,345
20. Расслабили меня	0,459	0,042	0,263	0,607	0,465	0,233	0,059
5. Пробудили любопытство	0,205	-0,033	0,587	0,589	0,001	0,140	0,338
26. Пробудили сентиментальные чувства	0,624	0,035	0,354	0,287	0,676	-0,157	0,028
23. Навеяли на меня грусть	0,006	0,506	0,210	-0,006	0,664	-0,069	0,096
28. Вызвали ностальгию	0,391	0,026	0,250	0,314	0,647	0,117	0,186
15. Навеяли на меня тоску	0,029	0,569	0,243	-0,134	0,590	0,011	-0,038
18. Зачаровали меня	0,411	0,124	0,392	0,362	0,544	0,015	0,313
22. Позабавили меня	0,225	0,249	0,260	0,182	0,212	0,741	0,072
42. Развеселили меня	0,380	0,145	0,157	0,320	-0,072	0,705	0,282
29. Удивили меня	0,367	0,093	0,321	0,263	0,116	0,194	0,705
34. Впечатлили меня	0,591	-0,189	0,342	0,479	0,214	-0,031	0,697
38. Вызвали интерес	0,383	-0,192	0,578	0,422	0,246	0,195	0,591

Примечание. Полужирным курсивом в таблице выделены нагрузки пунктов в соответствии с тем, в какой фактор они попали у авторов методики; полужирным прямым — распределение пунктов по результатам ЭФА.

УДК 159.9.019

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИНЖЕНЕРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ А.И. ГАЛАКТИОНОВА (к 100-летию со дня рождения)¹

© 2024 г. А. Л. Журавлев^{1,*}, Е. А. Трофимов^{2,**}, А. А. Костригин^{1,***}

¹ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

²Научно-исследовательский институт информационно-аналитических технологий;

115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 19, стр. 1, Россия.

*Академик РАН, научный руководитель ФГБУН Института психологии РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

**Кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник.

E-mail: eatrofimov@rambler.ru

***Кандидат психологических наук, научный сотрудник
лаборатории истории психологии и исторической психологии.

E-mail: artdzen@gmail.com

Поступила 29.03.2024

Аннотация. Статья посвящена 100-летию юбилею отечественного инженерного психолога Анатолия Ивановича Галактионова (1924–1996). Описывается жизненный путь ученого. Обсуждаются работы А.И. Галактионова по ряду направлений его исследований в области инженерной психологии: разработки концептуальной модели профессиональной деятельности; исследования психологической структуры деятельности; инженерно-психологического проектирования систем управления и отображения информации. Делается вывод о том, что в условиях современного технологического уклада его научные представления о многоуровневой структуре концептуальной модели деятельности заслуживают самого пристального внимания разработчиков систем различного уровня и назначения.

Ключевые слова: история психологии, А.И. Галактионов, инженерная психология, Институт психологии РАН, концептуальная модель деятельности, психологическая структура деятельности, автоматизация технологических процессов, системы отображения информации.

DOI: 10.31857/S0205959224030097

Крупный специалист в области инженерной психологии, умело сочетающий теоретические, экспериментальные и прикладные исследования.

Б.Ф. Ломов

В настоящее время формируется устойчивый интерес исследователей к истории отечественной инженерной психологии [25–27; 30; 33; 34; 37; и др.]. В частности, это связано с тем, что в последние годы активно развивается проблематика психологического исследования искусственного интеллекта [33], истоки которой (хотя и в другом понимании) восходят к изучению этого вопроса в 1970–1980-е годы в советской психологии [9; 28; 29; 35; и др.].

Значимое место в истории российской инженерной психологии занимает научно-исследовательская деятельность выдающихся ученых Института психологии РАН: Б.Ф. Ломова, К.К. Платонова, В.Ф. Рубахина, В.А. Бодрова и др. [8; 22; 25; 26; 30]. В этом ряду важно отметить Анатолия Ивановича Галактионова (1924–1996), доктора психологических наук, кандидата технических наук, ветерана Великой Отечественной войны (ВОВ), крупного специалиста в области инженерной психологии. О его жизни и творчестве написано явно недостаточно — его вклад справедливо отмечается в обзорно-аналитических работах по истории отечественной инженерной психологии [8, с. 16; 27, с. 59; 34, с. 126; 37, с. 315; и др.], психологии труда и профессиональной деятельности [7, с. 67; 24, с. 33; и др.]. В связи со 100-летием со дня его рождения пред-

¹ Работа выполнена в соответствии с госзаданием № 0138-2024-0010.

ставляется важным более подробно рассмотреть его научную биографию и основные направления исследований.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ А.И. ГАЛАКТИОНОВА

Анатолий Иванович родился 22 июня 1924 г. в с. Синьково Дмитровского района Московской области в семье рабочих. Отец — Иван Петрович (1890—1943), работал в колхозе столяром и заведующим слесарным цехом на фабрике; мать — Анна Дмитриевна (1900—?), также работала в колхозе. В 1939 г. А.И. Галактионов окончил Синьковскую неполную среднюю школу, затем поступил в Московский техникум общественного питания при Народном комиссариате внутренней и внешней торговли СССР, но в июне 1941 г. в связи с началом ВОВ, будучи 17 лет, ушел добровольцем на трудовой фронт (работал под Смоленском, Брянском, Москвой и др.). Через год в августе 1942 г. он был призван в ряды Советской армии: участвовал в освобождении Украинской ССР, Молдавской ССР, Румынии, Югославии, Венгрии и др. После окончания ВОВ продолжил служить на Сахалине [32, Л. 10, 12].

Можно выделить два *периода научной биографии* А.И. Галактионова по основаниям места работы и специализации организаций:

— 1947—1979 гг. — “инженерно-технический”: научно-исследовательская работа в инженерно-технических организациях;

— 1980—1996 гг. — “инженерно-психологический”: научно-исследовательская деятельность в Институте психологии АН СССР (РАН).

“ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ” ПЕРИОД НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.И. ГАЛАКТИОНОВА

В сентябре 1947 г. после демобилизации А.И. Галактионов поступил на подготовительное отделение Московского механического института (с 1953 г. — Московский инженерно-физический институт), где с 1948 по 1954 г. учился по специальности “физическое приборостроение” и выпустился с квалификацией “инженер-физик” [Там же, Л. 20]. После получения высшего образования с марта 1954 г. он начал работать инженером-конструктором в лаборатории космических лучей Физического института им. П.Н. Лебедева Академии наук СССР [Там же, Л. 118]. Здесь он занимался инженерно-технологиче-

ческой работой и разработал несколько сложных электронных устройств для исследования параметров частиц высоких энергий, ряд установок в области ядерной физики [14].

В ноябре 1959 г. Анатолий Иванович поступил в аспирантуру Института автоматики и телемеханики АН СССР (с 1969 г. — Институт проблем управления (ИПУ) АН СССР), которую закончил в 1964 г., а в 1966 г. здесь же защитил кандидатскую диссертацию по техническим наукам на тему “Исследование процесса обнаружения событий человеком-оператором в системах контроля”. Одновременно с обучением в аспирантуре с 1962 г. А.И. Галактионов был зачислен сотрудником в ИПУ АН СССР, где последовательно занимал должности ведущего инженера, младшего и старшего научного сотрудника, заместителя заведующего лабораторией [32, Л. 7]. В эти годы Анатолий Иванович занимался изучением сложной мыслительной деятельности человека-оператора по решению задач контроля и управления технологическими процессами и комплексами техники, процессов формирования и трансформации психологической структуры деятельности. Он разработал электролюминесцентные и световодные мнемосхемы для Ужгородского бетонного завода-автомата, атомного ледокола “Ленин”, Серебряковского цементного завода и др. [3, с. 145—146].

В апреле 1977 г. его перевели в Проектно-конструкторское бюро автоматизированных систем управления (ПКБ АСУ) при Министерстве приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР (г. Нахабино, Московская область) на должность заместителя директора по научной работе [32, Л. 15, 118]. Летом 1978 г. Московское отделение ПКБ АСУ было сначала переведено в другой город, а затем расформировано. По этой причине с июня 1978 г. А.И. Галактионов начал вести преподавательскую деятельность, став доцентом кафедры вычислительной техники и автоматизированных систем управления (АСУ) Московского технологического института мясной и молочной промышленности, а затем и заместителем заведующего кафедрой [Там же, Л. 15, 68]. Он читал курсы, посвященные АСУ в целом и на предприятиях в частности. В этом институте он продолжал преподавать и в 1980-е гг. Кроме преподавательской деятельности, Анатолий Иванович занимался разработкой методов инженерно-психологического проектирования автоматизированных систем управления технологическим процессом (АСУ ТП) [31].

“ИНЖЕНЕРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ” ПЕРИОД НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.И. ГАЛАКТИОНОВА

Новый этап жизни и творчества Анатолия Ивановича начался в мае 1980 г., когда он стал старшим научным сотрудником лаборатории инженерной психологии (рук. — В.Ф. Венда) Института психологии АН СССР [32, Л. 23], в которой работали В.А. Вавилов, Е.П. Ермолаева, Г.Н. Ильина, Л.А. Китаев-Смык, Б.В. Пулькин, В.Н. Янушкин и др. Здесь он возглавил группу по инженерно-психологическому анализу и проектированию деятельности операторов современных систем управления [Там же, Л. 58]. А.И. Галактионов участвовал в разработке нескольких научно-исследовательских тем ИП АН СССР: например, в 1981 г. — «Методологические и теоретические принципы построения систем адаптивного взаимодействия в системах “человек—машина”» [5, Л. 17], в 1982 г. — «Анализ и оптимизация психологических факторов сложности в деятельности операторов» [6, Л. 15] и др. В 1983 г. он защитил докторскую диссертацию по психологии на тему “Инженерно-психологический анализ и проектирование деятельности оператора АСУ ТП”.

С июля 1986 г. А.И. Галактионов перешел на должность ведущего научного сотрудника [32, Л. 83]. С сентября этого же года он стал и.о., а в мае 1987 г. — заведующим лабораторией инженерной психологии [Там же, Л. 143, 160]. В эти годы он занимался разработкой основ инженерно-психологического проектирования, анализа и оценки системы “человек—машина” и деятельности оператора. Кроме теоретико-методологических вопросов, Анатолий Иванович решал прикладные проблемы и участвовал в нескольких научно-технических проектах: разрабатывал рекомендации по инженерно-психологическому анализу деятельности и проектированию ее технических средств, а также методов обучения операторов и созданию технических средств обучения для Кирово-Чепецкого химического комбината им. Б.П. Константинова, атомных электростанций при Научно-исследовательском и конструкторском институте энерготехники (НИКИЭТ), НПО “Энергия”, СПКБ “Промавтоматика”, предприятий Северо-Крымского канала, Уренгойского газового месторождения и др. [Там же, Л. 73, 148].

Он руководил лабораторией до 1990 г., когда вновь вернулся на должность ведущего научного сотрудника [Там же, Л. 188]. В 1990-е годы А.И. Галактионов обратился к проблемам психологии

труда — профессионального развития человека и информационного пространства деятельности.

НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.И. ГАЛАКТИОНОВА И ЕГО ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ

Анатолий Иванович состоял в различных ученых советах, комиссиях и других академических сообществах, в частности, он был заместителем председателя Комиссии по исследованию оптимальных форм взаимодействия человека и автоматических устройств в Научном совете по комплексной проблеме “Кибернетика” при Президиуме АН СССР, а также заместителем председателя Секции 3 “Алгоритмы и средства деятельности” Межведомственного координационного совета по эргономике [3, с. 145; 32, Л. 57–58, 74].

А.И. Галактионов был одним из ответственных редакторов (вместе с В.Ф. Вендой и В.А. Вавиловым) сборника научных трудов “Психологические факторы операторской деятельности” (1988). Кроме того, под его научным руководством были защищены две кандидатские диссертации: диссертация В.Н. Янушкина “Взаимная адаптация образа объекта и структуры мнемосхемы в процессе обучения операторов” (1984) (под совместным с В.Ф. Вендой научным руководством) и диссертация Е.А. Трофимова “Инженерно-психологическое обеспечение АСУ АЧ” (1985).

Значение научно-исследовательской и научно-организационной деятельности А.И. Галактионова признавалось профессиональным сообществом и государством. Так, его коллега старший научный сотрудник Института психологии АН СССР В.А. Вавилов написал следующее заключение в одной из рекомендаций: “А.И. Галактионов принадлежит к числу наиболее известных специалистов в нашей стране. Его доклады, представленные на международные конференции, отражали последние достижения инженерной психологии в области формирования специальных навыков и профессионального обучения операторов на основе идеализированных структур деятельности” [32, Л. 195].

Наконец Анатолий Иванович имел несколько наград, в том числе медали за участие в ВОВ (“За боевые заслуги”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”, “Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”, “Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”, “Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне

1941–1945 гг.”), медали “За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина”, “50 лет Вооруженных Сил СССР” и “60 лет Вооруженных Сил СССР”, “Ветеран труда”, бронзовую медаль за разработку системы отображения информации (СОИ) АСУ “Цемент-1” (1976) [14; 32, Л. 14, 25, 45, 68, 132] и др. Ему также были присвоены звания старшего научного сотрудника по специальности “Приборы и устройства автоматики и телемеханики” (1972) и “Ударника коммунистического труда” (1983) [4; 32, Л. 22, 58, 123].

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ ИНЖЕНЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ В ТРУДАХ А.И. ГАЛАКТИОНОВА

За годы своего научного творчества Анатолий Иванович подготовил две монографии: “Представление информации оператору (исследование деятельности человека — оператора производственных процессов)” (1969) [11] и “Основы инженерно-психологического проектирования АСУ ТП” (1978) [12], а также более 80 статей в журналах и сборниках научных трудов, тезисов, патентов и др. В своей научной деятельности он занимался как фундаментальными вопросами проектирования человеко-машинных систем, так и прикладными задачами инженерной психологии, принимал непосредственное участие в создании систем управления и отображения информации целого ряда АСУ. Работы А.И. Галактионова не потеряли своей ценности и в настоящее время (в период бурного развития систем искусственного интеллекта): его научные представления о многоуровневой структуре концептуальной модели деятельности заслуживают самого пристального внимания разработчиков систем искусственного интеллекта.

Предметом исследований А.И. Галактионова являлась сложная мыслительная деятельность человека-оператора по решению задач контроля и управления технологическими объектами. Он занимался разработкой теоретических основ проектирования человеко-машинных систем, в частности систем отображения информации, разработкой методов анализа и оценки деятельности человека-оператора, а также прикладными задачами инженерной психологии — созданием схем управления различными системами автоматизации, имеющими большую практическую ценность для экономики страны. В настоящей статье рассматриваются лишь некоторые направления его научной деятельности: разработка проблемы концептуальной модели профессиональной деятельности;

исследование психологической структуры деятельности; инженерно-психологическое проектирование систем управления и отображения информации.

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАБОТАХ А.И. ГАЛАКТИОНОВА

В инженерной психологии одним из основных принципов проектирования человеко-машинных систем является обеспечение адекватности *внутренней (концептуальной) модели деятельности* (КМД)² оператора и внешней информационной модели — системы отображения информации о состоянии объекта управления. Естественно, что практическая реализация этого принципа требует глубокого изучения КМД реальных операторов и создания простой и доступной методологии решения задач инженерно-психологического проектирования их деятельности.

На основании выполненных А.И. Галактионовым экспериментальных исследований им была высказана гипотеза о многоуровневой структуре КМД: “В процессе обучения и тренировки по обслуживанию объекта оператор-технолог способен выработать несколько КМД разного характера и назначения” [15, с. 20]. Было обозначены пять *базовых частных моделей*, различающихся составом оперативных единиц деятельности (ОЕД), характером связей между ними и способом их организации:

— *технологическая модель деятельности* — ее структура образуется технологическими ОЕД (в виде понятий отдельных элементов, например, агрегата, устройства, технологической операции и т.п.) и производственно-технологическими связями;

— *функциональная модель деятельности* — это субъективный образ существующих причинно-следственных связей между возможными изменениями и нарушениями технологического процесса (функциональные ОЕД представляются в виде

² По определению А.И. Галактионова, КМД представляет собой систему навыков и представлений (“образов”) оператора о реальной и прогнозируемой обстановке, в которой функционируют контролируемый объект и система управления им. Понятие “концептуальная модель” (conceptual model) было предложено английским психологом А.Т. Велфордом в 1961 г. на XIV Международном конгрессе по прикладной психологии и понималось им как глобальный образ, формирующийся в сознании оператора.

понятий о состоянии элементов технологического процесса);

— *причинно-следственная модель деятельности* — в ее структурной организации используются причинно-следственные связи между информационными ОЕД (в виде отклонений контролируемых параметров);

— *алгоритмическая модель деятельности*, формализуемая в виде набора алгоритмов контроля событий по их признакам — информационным ОЕД;

— *образная модель деятельности* — набор единых образов возможных событий на объекте управления, каждое из которых характеризуется комбинацией информационных единиц (интегральных ОЕД), воспринимаемых симультанно.

Ценность работ А.И. Галактионова по исследованию свойств КМД заключается в том, что он показал иерархическое строение образа, формирующегося у человека и осуществляющего регулятивную функцию профессиональной деятельности [23]. Это послужило основой глубокого понимания психологической структуры деятельности оператора АСУ ТП. Оператор в реальной работе пользуется несколькими частными КМД в зависимости от условий деятельности. В процессе обучения он постепенно оптимизирует структуру связей и состав ОЕД, достигая их идеальности (упорядоченности). Такие частные КМД были названы *идеализированными*. Владея структурой внутренних средств деятельности, проектировщик может начать работать над созданием внешних средств деятельности и их приспособлением к внутренним средствам. В этом приспособлении и состоит общая задача согласования методов и средств контроля, управления и отображения информации. Вместе с тем многоструктурность КМД, ее динамичность в процессе принятия решений значительно осложняют разработку моделей, необходимых для решения задач инженерно-психологического проектирования.

А.И. Галактионовым были разработаны методы (эвристический и аналитический) теоретического построения идеализированных КМД, что в значительной степени решило эту проблему [12; 21]. Для формального описания моделей использовался математический аппарат теории графов. Каждая частная концептуальная модель представляется в виде ациклического графа, узлами которого являются характерные для этой модели ОЕД, соединенные соответствующими связями. Это позволило упростить построение моделей деятельности — устранить сложные математические расчеты и абстрагироваться от использования таких исходных данных,

как временные и надежностные характеристики деятельности оператора, характеристики потоков информации, которые трудно получить при построении новых систем. Соответственно, теоретические модели деятельности легли в основу многих методик инженерно-психологического проектирования средств управления и отображения информации АСУ ТП [12; 16; 17; 27].

Следует отметить, что в условиях современного технологического уклада, характеризующегося бурным развитием отрасли искусственного интеллекта, работы А.И. Галактионова приобретают особое значение. Его концепция о многоуровневой структуре КМД ориентирует разработчиков искусственного интеллекта на создание полисетевых нейронных систем [36; 38]. Именно многоуровневость сетей становится доминантным фактором для концептуализации сильного искусственного интеллекта, а их мощность должна соответствовать числу частных КМД с соответствующей регулятивной функцией. В практике использования искусственного интеллекта уже появились и успешно эксплуатируются системы, в структуре которых содержится несколько нейронных сетей. Подобные системы (их называют генеративно-состязательными) моделируют многие когнитивные функции интеллекта человека. Например, в мае 2023 г. “Яндекс” выпустил новое приложение “Шедеврум”³, которое обучено генерировать изображения по текстовым запросам пользователей. Подобные системы признаются самой выдающейся разработкой за последние 20 лет в области обучения нейросетей⁴.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТРУДАХ А.И. ГАЛАКТИОНОВА

Первые работы А.И. Галактионова в области исследования *психологической структуры деятельности* (ПСД) человека-оператора по контролю и управлению технологическими процессами были посвящены разработке методов количественной оценки различных параметров его деятельности — сложности решаемых задач, пропускной способности (объема обрабатываемой информации), временных показателей и др. [11]. Дальнейшие

³ Подробнее о приложении “Шедеврум” см.: <https://yandex.ru/support2/shedevrum/ru/> (дата обращения: 22.02.2024).

⁴ Цуриков А. Как ИИ рисует котиков. Говорим о генеративно-состязательных нейросетях (GAN) // Skillbox Media. 3 сентября 2021 г. URL: <https://skillbox.ru/media/code/govorim-o-generativnosostyazatelnykh-neyrosetyakh/> (дата обращения: 22.02.2024).

исследования касались уже собственно ПСД: была разработана методика для анализа и оценки всего многообразия частных психологических структур (концептуальных моделей), формируемых человеком, т.е. способов решения сложных мыслительных задач. За основу была взята “кривая обучения” — зависимость показателей деятельности человека (времени решения задач, числа ошибочных решений и т.п.) от длительности обучения. В течение ряда лет был накоплен большой объем экспериментальных данных, который позволил получить статистически достоверные результаты анализа этих зависимостей (кривых обучения) для разных испытуемых, вариантов систем отображения информации, сложности задач, различных методов обучения и др. Был выявлен феномен качественного и количественного различия кривых обучения для операторов: форма кривых обучения содержит характерные признаки, отражающие индивидуальные особенности психологической структуры их деятельности. Оказалось, что кривая обучения носит немонотонный характер и форма ее индивидуальна, но линия тренда кривой обучения обладает определенной систематичностью — на ней несложно выявить ряд характерных участков, соответствующих сформированному оператором частным ПСД.

Эта работа выполнялась с использованием ряда известных на то время экспериментальных методик (“слепого поиска” информации; активного испытуемого; регистрации глазодвигательной активности; анкетирования и др.), а также методики собственной разработки (АКО-грамм — анализа и оценки деятельности по кривым обучения), что позволило в итоге значительно повысить валидность получаемых результатов путем сравнительного их анализа. Активное участие в этих работах принимали ученики А.И. Галактионова — Н.А. Бахарева, Е.Ф. Горский, А.Д. Следь, Е.А. Трофимов, В.Н. Янушкин и др. [15–17; 19; 20].

Методика АКО-грамм основана на сопоставлении моделей частных ПСД (графов контроля и управления) и кривых обучения, отражающих динамику качества приобретаемого оператором навыка. Такой подход позволяет представить в виде целостной картины объективную причинно-следственную схему взаимосвязанных событий на объекте управления и алгоритмов их идентификации. Таким образом, АКО-грамма давала возможность без применения специализированных технических средств проводить анализ сложной мыслительной деятельности человека-оператора, процессов формирования, эволюции и трансформации ПСД в различных конкретных условиях. Появился механизм управления внешними факторами как при

обучении операторов, так и при разработке инженерно-психологического проекта деятельности.

По мнению А.И. Галактионова, методика АКО-грамм открыла новое направление исследований в инженерной психологии, которое ориентировано в первую очередь на анализ психологической структуры сложной мыслительной деятельности человека [20, с. 97]. Эта методика позволила разработать новый класс интегральных психологических критериев оценки деятельности человека-оператора (эффективности и сложности формируемых частных ПСД, стратегий и способов решения задач), оценки сложности решаемых задач, качества проектируемых принципов, способов, технических средств (СОИ) и условий деятельности. Кроме того, методика АКО-грамм и полученные на ее основе интегральные показатели деятельности позволили осуществлять количественную и качественную оценку индивидуальных особенностей деятельности человека, степени их профессиональной пригодности для разных видов деятельности и уровня их обученности [17].

ИНЖЕНЕРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ И ОТОБРАЖЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ТРУДАХ А.И. ГАЛАКТИОНОВА

В своей научной деятельности А.И. Галактионов большое внимание уделял методологии инженерно-психологического проектирования человеко-машинных систем [12; 17; 21].

По результатам экспериментальных исследований и психологического анализа деятельности операторов различных технологических производств А.И. Галактионовым были сформулированы основные положения по решению задач согласования внутренних и внешних средств деятельности. Операторская деятельность по своему содержанию многоструктурна (она может быть представлена в виде пяти вышеописанных частных КМД), более того, в процессе обучения происходят трансформации этой структуры, что, в свою очередь, приводит к изменению стратегии принятия решений. Таким образом, СОИ должна быть изоморфной как объекту контроля и управления, так и КМД оператора. Инженерно-психологическое проектирование СОИ заключается в разработке целесообразного проекта деятельности оператора по контролю и управлению конкретным объектом, а также в выборе степени ее автоматизации с учетом психологических особенностей человека и специфики

управляемого объекта. Эскизный проект СОИ в качестве основы должен содержать оптимальную (целесообразную) функционально-алгоритмическую структуру процесса контроля и управления объектом, которая должна быть адекватной структуре частных КМД человека-оператора и в первую очередь отражать структуру причинно-следственных и алгоритмических связей этих моделей [21].

Принципы многоструктурности операторской деятельности и методы инженерно-психологического проектирования, разработанные А.И. Галактионовым, были успешно реализованы им в ряде проектов по созданию реальных систем управления и отображения информации [10; 18; и др.] на различных предприятиях, отмеченных выше. Ученый принимал участие в известном проекте “Олимпиада—1980”, а также в проектировании автоматизированных рабочих мест операторов наземных служб “Аэрофлота”. Некоторые из его разработок были защищены авторскими свидетельствами [1; 2].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научный вклад А.И. Галактионова в разработку проблем инженерной психологии касался специальных вопросов концептуализации деятельности оператора и проектирования различных инженерных систем и комплексов, что остается востребованным и в настоящее время. Многие важные свои исследования он проводил, уже работая в Институте психологии АН СССР (РАН), поэтому его можно отнести к представителям *научной школы инженерной психологии и психологии труда* ИП РАН, одним из ключевых принципов которой было использование системного подхода [13].

В качестве *перспективных направлений* изучения его жизненного и творческого пути являются, например, использование и развитие его научных представлений в работах его непосредственных учеников и последователей, анализ его личностных свойств как профессионала и руководителя, организатора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агейкин Д.И., Галактионов А.И., Сакович В.Н. Светящийся символ. А.С. 228522 (СССР) // Открытия. Изобретения. Промышленные образцы. Товарные знаки. 1973. № 6. С. 83.
2. Агейкин Д.И., Галактионов А.И., Сакович В.Н. Светящийся символ типа “длинная линия”. А.С. 218655

- (СССР) // Открытия. Изобретения. Промышленные образцы. Товарные знаки. 1973. № 6. С. 37.
3. Анатолию Ивановичу Галактионову — 70 лет // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 6. С. 145–146.
4. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 411. Оп. 59. Д. 4344.
5. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 104.
6. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 115.
7. Бодров В.А. Современный этап развития отечественной инженерной психологии // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 66–80.
8. Бодров В.А., Дикая Л.Г., Журавлев А.Л. Основные направления и результаты инженерно-психологических исследований в Институте психологии РАН // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 2 / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011. С. 15–34.
9. Брушлинский А.В. Почему невозможен искусственный интеллект // Вопросы философии. 1979. № 2. С. 61–63.
10. Галактионов А.И. Электролюминесцентные мнемонические схемы // Энциклопедия измерений, контроля и автоматизации. Вып. 2. М.-Л.: Энергия, 1964. С. 107–108.
11. Галактионов А.И. Представление информации оператору (исследование деятельности человека — оператора производственных процессов). М.: Энергия, 1969.
12. Галактионов А.И. Основы инженерно-психологического проектирования АСУ ТП. М.: Энергия, 1978.
13. Галактионов А.И. Системное исследование психических образов, формируемых оператором-технологом // Системный подход в инженерной психологии и психологии труда / Отв. ред. В.А. Бодров, В.Ф. Венда. М.: Наука, 1992. С. 92–105.
14. Галактионов Анатолий Иванович // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 1. С. 185.
15. Галактионов А.И., Горский Е.Ф., Следь А.Д., Бахарева Н.А. Подход к реализации основных инженерно-психологических принципов проектирования человеко-машинных комплексов // Приборы и системы управления. 1974. № 1. С. 19–22.
16. Галактионов А.И., Горский Е.Ф., Трофимов Е.А. Анализ и проектирование деятельности оператора-кассира // Теория и эксперимент в анализе труда операторов / Отв. ред. В.Ф. Венда, В.А. Вавилов. М.: Наука, 1983. С. 256–271.
17. Галактионов А.И., Горский Е.Ф., Янушкин В.Н. Исследование, анализ и проектирование деятельности операторов АСУ ТП // Теория и эксперимент в анализе труда операторов / Отв. ред. В.Ф. Венда, В.А. Вавилов. М.: Наука, 1983. С. 228–255.

18. *Галактионов А.И., Казаринова И.В.* Способы представления информации и надежность работы оператора // Известия Ленинградского Ордена Ленина электротехнического института им. В.И. Ульянова (Ленина). Вып. 70. Труды II Всесоюзной межвузовской научно-технической конференции по проблемам повышения надежности электро- и радиотехнических изделий. Л., 1968. С. 90–92.
19. *Галактионов А.И., Янушкин В.Н.* Трансформация структуры деятельности оператора АСУ ТП на стадии самообучения // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 6. С. 65–75.
20. *Галактионов А.И., Янушкин В.Н.* Анализ и оценка деятельности по кривым обучения // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 4. С. 97–107.
21. *Галактионов А.И., Янушкин В.Н.* Исследование и практическое использование кривых обучения оператора // Психологические факторы операторской деятельности / Отв. ред. А.И. Галактионов, В.Ф. Венда, В.А. Вавилов. М.: Наука, 1988. С. 25–36.
22. *Глоточкин А.Д., Журавлев А.Л., Кольцова В.А.* Жизнь и научное творчество К.К. Платонова (к 100-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 3. С. 117–126.
23. *Дружилов С.А.* Концептуальная модель профессиональной деятельности как психологическая детерминанта профессионализма человека // Вестник Балтийской педагогической академии. 2002. № 48. С. 46–50.
24. *Дружилов С.А.* Психология профессионализма субъекта труда: концептуальные основания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2005. Т. 5. № 12. С. 30–43.
25. *Журавлев А.Л., Костригин А.А.* Психологическое наследие В.Ф. Рубахина (к 100-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 1. С. 127–136.
26. *Журавлев А.Л., Костригин А.А.* Теоретические проблемы инженерной психологии в трудах Б.Ф. Ломова // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022. Т. 7. № 1. С. 180–216.
27. *Зараковский Г.М.* Феномен инженерной психологии // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 2 / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011. С. 49–68.
28. “Искусственный интеллект” и психология / Отв. ред. О.К. Тихомиров. М.: Наука, 1976.
29. *Киселев М.Ю.* Проблема искусственного интеллекта: позиция советских ученых // Философские и социально-экономические проблемы исследования инновационных технологий и искусственного интеллекта / Сост. и науч. ред. В.О. Шелекета. Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2020. С. 145–156.
30. *Коннов В.И.* Инженерная психология в культурном контексте советской науки 1960-х гг.: опыт исследовательской программы Бориса Ломова // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4. № 4 (16). С. 17–30.
31. Лабораторные работы по автоматизированным системам управления (АСУ). Ч. 1. Решение основных задач проектирования АСУ ТП / Сост. А.И. Галактионов, Ю.А. Ивашкин, А.В. Власевич. М., 1980.
32. Научный архив Института психологии РАН (НА ИП РАН). Ф. 1. Оп. 2. Д. 24.
33. *Носкова О.Г.* Психология труда, инженерная психология и эргономика: историко-психологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2010. № 2. С. 32–42.
34. *Пономаренко В.А.* К 50-летней истории инженерной психологии // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 3. С. 125–128.
35. *Рубахин В.Ф.* “Искусственный интеллект” и принятие решений // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6. № 3. С. 247–255.
36. *Рябов В.Б., Трофимов Е.А.* Искусственный интеллект: возможности и ограничения // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022. Т. 7. № 3. С. 83–100.
37. *Сергеев С.Ф.* Краткая история послевоенной советской инженерной психологии и эргономики в лицах // Эргодизайн. 2021. № 4 (14). С. 313–319.
38. *Трофимов Е.А.* Болевые точки искусственного интеллекта // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки. 2022. № 1. С. 121–125.

MAIN DIRECTIONS OF A.I. GALAKTIONOV'S ENGINEERING-PSYCHOLOGICAL STUDIES (To the 100th Anniversary of Birth)⁵

A. L. Zhuravlev^{1,*}, E. A. Trofimov^{2,**}, A.A. Kostrigin^{1,***}

¹*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13 bldg. 1, Russia.*

²*Research Institute of Information and Analytical Technologies;
115054, Moscow, Bakhrushina str., 19 bldg. 1, Russia.*

^{*}*Academician of RAS, Professor, Scientific Adviser of Institute of Psychology RAS.*

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

^{**}*Candidate of Technical Sciences, Leading Researcher.*

E-mail: eatrofimov@rambler.ru

^{***}*Candidate of Psychological Sciences, Research Associate,
Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology.*

E-mail: artdzen@gmail.com

Received 29.03.2024

Abstract. The article is dedicated to the 100th anniversary of the Russian engineering psychologist Anatoly Ivanovich Galaktionov (1924–1996). The life path of a scientist is described. The works of A.I. Galaktionov are discussed in a number of areas of his research in the field of engineering psychology: development of a conceptual model of professional activity; research into the psychological structure of activity; engineering-psychological design of control systems and information display. It is concluded that in the conditions of the modern technological paradigm, his concept of a multi-level structure of a conceptual model of activity deserves the closest attention of developers of systems of various levels and purposes.

Keywords: history of psychology, A.I. Galaktionov, engineering psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, conceptual model of activity, psychological structure of activity, automation of technological processes, information display systems.

REFERENCES

1. Ageikin D.I., Galaktionov A.I., Sakovich V.N. Svetyashchiysya simvol. A.S. 228522 (SSSR). Otkrytiya. Izobreteniya. Promyshlennye obraztsy. Tovarnye znaki. 1973. № 6. P. 83. (In Russian)
2. Ageikin D.I., Galaktionov A.I., Sakovich V.N. Svetyashchiysya simvol tipa "dlinnaya liniya". A.S. 218655 (SSSR). Otkrytiya. Izobreteniya. Promyshlennye obraztsy. Tovarnye znaki. 1973b. № 6. P. 37. (In Russian)
3. Anatoliyu Ivanovichu Galaktionovu — 70 let. Psikhologicheskii zhurnal. 1994. V. 15. № 6. P. 145–146. (In Russian)
4. Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk (ARAN). F. 411. Op. 59. D. 4344. (In Russian)
5. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 104. (In Russian)
6. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 115. (In Russian)
7. Bodrov V.A. Sovremennyy etap razvitiya otechestvennoi inzhenernoi psikhologii. Psikhologicheskii zhurnal. 2009. V. 30. № 6. P. 66–80. (In Russian)
8. Bodrov V.A., Dikaya L.G., Zhuravlev A.L. Osnovnye napravleniya i rezul'taty inzhenerno-psikhologicheskikh issledovaniy v Institute psikhologii RAN. Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki. Vyp. 2. Eds. V.A. Bodrov, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2011. P. 15–34. (In Russian)
9. Brushlinsky A.V. Pochemu nevozmozhen iskusstvennyi intellekt. Voprosy filosofii. 1979. № 2. P. 61–63. (In Russian)
10. Galaktionov A.I. Elektrolyuminestsentnye mne-monicheskie skhemy. Entsiklopediya izmerenii, kontrolya i avtomatizatsii. Vyp. 2. Moscow—Leningrad: Energiya, 1964. P. 107–108. (In Russian)
11. Galaktionov A.I. Predstavlenie informatsii operatoru (issledovanie deyatel'nosti cheloveka — operatora proizvodstvennykh protsessov). Moscow: Energiya, 1969. (In Russian)
12. Galaktionov A.I. Osnovy inzhenerno-psikhologicheskogo proektirovaniya ASU TP. Moscow: Energiya, 1978. (In Russian)
13. Galaktionov A.I. Sistemnoe issledovanie psikhicheskikh obrazov, formiruemykh operatorom-tekhnologom. Sistemnyi podkhod v inzhenernoi psikhologii

⁵ The research was carried out according to the state assignments № 0138-2024-0010.

- i psikhologii truda. Eds. V.A. Bodrov, V.F. Venda. Moscow: Nauka, 1992. P. 92–105. (In Russian)
14. Galaktionov Anatolii Ivanovich. Psikhologicheskii zhurnal. 1997. V. 18. № 1. P. 185.
 15. Galaktionov A.I., Gorsky E.F., Sled' A.D., Bakhareva N.A. Podkhod k realizatsii osnovnykh inzhenerno-psikhologicheskikh printsiptov proektirovaniya cheloveko-mashinnykh kompleksov. Pribory i sistemy upravleniya. 1974. № 1. P. 19–22. (In Russian)
 16. Galaktionov A.I., Gorsky E.F., Trofimov E.A. Analiz i proektirovanie deyatel'nosti operatora-kassira. Teoriya i eksperiment v analize truda operatorov. Eds. V.F. Venda, V.A. Vasilov. Moscow: Nauka, 1983. P. 256–271. (In Russian)
 17. Galaktionov A.I., Gorsky E.F., Yanushkin V.N. Issledovanie, analiz i proektirovanie deyatel'nosti operatorov ASU TP. Teoriya i eksperiment v analize truda operatorov. Eds. V.F. Venda, V.A. Vasilov. Moscow: Nauka, 1983. P. 228–255. (In Russian)
 18. Galaktionov A.I., Kazarinova I.V. Sposoby predstavleniya informatsii i nadezhnost' raboty operatora. Izvestiya Leningradskogo ordena Lenina elektrotehnicheskogo instituta im. V.I. Ul'yanova (Lenina). Vyp. 70. Trudy II Vsesoyuznoi mezhvuzovskoi nauchno-tehnicheskoi konferentsii po problemam povysheniya nadezhnosti elektro- i radiotekhnicheskikh izdelii. Leningrad, 1968. P. 90–92. (In Russian)
 19. Galaktionov A.I., Yanushkin V.N. Transformatsiya struktury deyatel'nosti operatora ASU TP na stadii samoobucheniya. Psikhologicheskii zhurnal. 1981. V. 2. № 6. P. 65–75. (In Russian)
 20. Galaktionov A.I., Yanushkin V.N. Analiz i otsenka deyatel'nosti po krivym obucheniya. Psikhologicheskii zhurnal. 1985. V. 6. № 4. P. 97–107. (In Russian)
 21. Galaktionov A.I., Yanushkin V.N. Issledovanie i prakticheskoe ispol'zovanie krivyykh obucheniya operatora. Psikhologicheskie faktory operatorskoi deyatel'nosti. Eds. A.I. Galaktionov, V.F. Venda, V.A. Vasilov. Moscow: Nauka, 1988. P. 25–36. (In Russian)
 22. Glotchkin A.D., Zhuravlev A.L., Koltsova V.A. Zhizn' i nauchnoe tvorchestvo K.K. Platonova (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya). Psikhologicheskii zhurnal. 2006. V. 27. № 3. P. 117–126. (In Russian)
 23. Druzhilov S.A. Kontseptual'naya model' professional'noi deyatel'nosti kak psikhologicheskaya determinanta professionalizma cheloveka. Vestnik Baltiiskoi pedagogicheskoi akademii. 2002. № 48. P. 46–50. (In Russian)
 24. Druzhilov S.A. Psikhologiya professionalizma sub"ekta truda: kontseptual'nye osnovaniya. Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2005. V. 5. № 12. P. 30–43. (In Russian)
 25. Zhuravlev A.L., Kostrogina A.A. Psikhologicheskoe nasledie V.F. Rubakhina (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya). Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 1. P. 127–136. (In Russian)
 26. Zhuravlev A.L., Kostrogina A.A. Teoreticheskie problemy inzhenernoi psikhologii v trudakh B.F. Lomova. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda. 2022. V. 7. № 1. P. 180–216. (In Russian)
 27. Zarakovsky G.M. Fenomen inzhenernoi psikhologii. Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki. Vyp. 2. Eds. V.A. Bodrov, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2011. P. 49–68. (In Russian)
 28. "Iskusstvennyi intellekt" i psikhologiya. Ed. O.K. Tikhomirov. Moscow: Nauka, 1976. (In Russian)
 29. Kiselev M.Yu. Problema iskusstvennogo intellekta: pozitsiya sovetskikh uchenykh. Filosofskie i sotsial'no-ekonomicheskie problemy issledovaniya innovatsionnykh tekhnologii i iskusstvennogo intellekta. Ed. V.O. Sheleket. Belgorod: Belgorodskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet im. V.G. Shukhova, 2020. P. 145–156. (In Russian)
 30. Konnov V.I. Inzhenernaya psikhologiya v kul'turnom kontekste sovetskoi nauki 1960-kh gg.: opyt issledovatel'skoi programmy Borisa Lomova. Kontsept: filosiya, religiya, kul'tura. 2020. V. 4. № 4(16). P. 17–30. (In Russian)
 31. Laboratornye raboty po avtomatizirovannym sistemam upravleniya (ASU). Ch. 1. Reshenie osnovnykh zadach proektirovaniya ASU TP. Sost. A.I. Galaktionov, Yu.A. Ivashkin, A.V. Vlasovich. Moscow, 1980. (In Russian)
 32. Nauchnyi arkhiv Instituta psikhologii RAN (NA IP RAN). F. 1. Op. 2. D. 24. (In Russian)
 33. Noskova O.G. Psikhologiya truda, inzhenernaya psikhologiya i ergonomika: istoriko-psikhologicheskii analiz. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya. 2010. № 2. P. 32–42. (In Russian)
 34. Ponomarenko V.A. K 50-letnei istorii inzhenernoi psikhologii. Psikhologicheskii zhurnal. 2010. V. 31. № 3. P. 125–128. (In Russian)
 35. Rubakhin V.F. "Iskusstvennyi intellekt" i prinyatie reshenii. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda. 2021. V. 6. № 3. P. 247–255. (In Russian)
 36. Ryabov V.B., Trofimov E.A. Iskusstvennyi intellekt: vozmozhnosti i ogranicheniya. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda. 2022. V. 7. № 3. P. 83–100. (In Russian)
 37. Sergeev S.F. Kratkaya istoriya poslevoennoi sovetskoi inzhenernoi psikhologii i ergonomiki v litsakh. Ergo dizain. 2021. № 4 (14). P. 313–319. (In Russian)
 38. Trofimov E.A. Bolevye tochki iskusstvennogo intellekta. Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Estestvennye i tekhnicheskie nauki. 2022. № 1. P. 121–125 (In Russian)

УДК 159.9

РАЗЛИЧИЯ В СТРУКТУРЕ НАУЧНОГО ДИСКУРСА ПРИ ИНДИВИДУАЛЬНОМ И КОЛЛАБОРАТИВНОМ АВТОРСТВЕ ПУБЛИКАЦИЙ

© 2024 г. А. Н. Воронин^{1,*}, А. С. Рафикова^{1,**}, И. В. Смирнов^{2,***}, М. А. Станкевич^{2,****}

¹ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Россия.

²ФГУ Федеральный исследовательский центр “Информатика и управление” РАН;

119333, г. Москва, Вавилова, д. 44, корп. 2.

*Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник.

E-mail: voroninan@bk.ru

**Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник.

E-mail: antoninaraf@yandex.ru

***Кандидат физико-математических наук, заведующий отделом.

E-mail: ivs@isa.ru

****Инженер-исследователь.

E-mail: stankevich@isa.ru

Поступила 13.07.2023

Аннотация. В рамках научного дискурса статья занимает центральное место в конструировании и распространении знаний в научном сообществе. При этом коллаборативное авторство приобретает все более широкое распространение в научной среде. Синтаксические и семантические различия между текстами коллабораций и индивидуальных авторов представляют актуальную проблему и остаются малоизученными. Этим определяется цель исследования — выявление различий в структуре научного дискурса при индивидуальном и коллаборативном авторстве публикаций. На предварительном этапе исследования было проведено неструктурированное исследовательское интервью об особенностях написания научных статей индивидуально и в составе авторских коллективов. Основное исследование посвящено анализу семантико-синтаксической структуры текстов с помощью метода реляционно-ситуационного анализа (РСА), позволяющего автоматически выявлять соответствие синтаксической структуры предложения логической структуре действий, описанных в этом предложении. В ходе исследования сопоставлялись тексты 201 научной статьи на русском языке из ведущих психологических журналов, входящих в WoS и Scopus, разбитые на корпуса по типу авторства (индивидуальное—коллаборативное) и жанрам (теоретические статьи и обзоры vs эмпирических методических статей). В ходе исследования было выявлено, что в статьях, написанных в соавторстве, выше лексическая связность, они более синтаксически корректны. Объем текста научной статьи по психологии в среднем на 9% больше при индивидуальном авторстве по сравнению с коллаборативным написанием. Семантико-синтаксические различия текстов статей индивидуальных авторов и коллабораций имеют жанровую дифференциацию. В теоретических статьях и обзорах коллабораций выше синтаксическая сложность и смысловая связанность текста, превалирует традиционная структура высказывания: кратко постулируется тезис и затем развернуто обосновывается. При индивидуальном авторстве основная идея чаще формулируется после контекста, при этом в текстах отдельных авторов чаще используется переформулирование. Метадискурс в теоретических статьях также существенно различается: авторская позиция в большей степени представлена у индивидуальных авторов, а “вовлечение читателя” — в случае соавторства. В эмпирических и методических статьях основные различия выявлены в специфике метадискурса: авторская позиция, в отличие от жанра теоретических статей, в большей степени присуща текстам коллабораций.

Ключевые слова: научный дискурс, научная коллаборация, исследовательское интервью, семантико-синтаксическая структура текста, реляционно-ситуационный анализ.

DOI: 10.31857/S0205959224030107

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время дискурс является предметом исследований в разных отраслях гуманитарной науки. В наиболее общем понимании дискурс представляет собой различные виды разговорной практики и трактуется как “коммуникативное событие в прагматическом контексте” [2]. Коммуникативные ситуации использования языка в научных целях как письменного, так и устного, формируют научный дискурс, а письменные научные тексты (статьи, монографии, рецензии, доклады, диссертации, рефераты, отчеты и др.) и тексты, существующие в устном (доклады, сообщения, выступления и др.) или аудиовизуальном виде (презентации с докладом и/или сообщением, видеоблоги и др.), формируют корпус научного дискурса. Дискурсоформирующими признаками научного текста являются: регламентированность, структурированность, объективность, точность, абстрактность, полемичность, агональность [6] и интертекстуальность. В рамках научного дискурса научная статья занимает центральное место в конструировании и распространении знаний в научном сообществе [36], а ученый-исследователь является ключевым агентом научного дискурса. Первоначально роль исследователя и автора совпадали, но современная наука — коллективный процесс, и научные коллаборации являются ее неотъемлемой частью.

Коллаборативное авторство публикаций широко распространено в научной среде. При этом у научного сотрудничества есть ряд преимуществ: доступ к экспертной оценке, доступ к ресурсам, обмен идеями, объединение опыта для решения сложных задач, освоение новых навыков и др. [8]. Результатом научной деятельности, как коллаборативной, так и индивидуальной, являются научные тексты, и научную статью можно рассматривать как “сложноорганизованный риторический артефакт”, в котором информация и социальное взаимодействие должны быть сбалансировано представлены [12]. В научном академическом тексте, в том числе и в статье, зафиксированы следующие типы субтекстов: субтекст нового знания, субтекст старого знания, методологический субтекст, субтекст оценки, субтекст авторизации, субтекст адресации, а также периферийный субтекст, представленный аннотацией, ключевыми словами, библиографическим списком и др. [1].

На протяжении последних десятилетий произошел сдвиг в плане восприятия написания научного текста не как обезличенного процесса, а как социального и коммуникативного взаимодействия между автором и читателем [14; 16; 28]. Результатом

развития такого подхода к рассмотрению написания научных текстов стал повышенный интерес к изучению таких понятий, как метадискурс и авторский голос. Метадискурс рассматривается как дискурс автора о собственном тексте, помогающий читателю структурировать, интерпретировать и оценивать текст, формируя к нему определенное отношение [9; 35]. Выделяют два типа метадискурса: текстуальный (текстовые связки, интерпретаторы, иллюкутивные маркеры и нарраторы — цитирование других авторов или других работ автора текста) и интерперсональный (средства хеджирования, маркеры уверенности, маркеры отношения и комментарии). Формирование авторского голоса (субъектной позиции автора) имеет большое значение при написании научного текста [23; 25; 26]. По мнению Хайленда, самоупоминание и маркеры отношения являются двумя главными средствами метадискурсивной позиции автора и способствуют развитию отношений между автором и читателем [14]. Самоупоминание представляет собой основной прагматический компонент академического дискурса, так как оно способствует не только построению текста, но и риторического “я” [13]. Авторское местоимение является важным средством для развития “компетентной научной идентичности и получения признания своих идей” [13]. В интеракционной модели Хайленда [15] реализация авторского голоса осуществляется посредством двух подтипов интеракционного метадискурса: авторская позиция и вовлечение.

Наиболее широко метод коллаборативного письма исследован в контексте обучения иностранному языку, где он активно используется. В данном контексте многие исследования посвящены сравнению текстов, написанных в коллаборации и индивидуально [10; 28; 32; 37]. Полученные в ходе исследований результаты показывают, что для текстов, написанных коллаборативно, характерно меньшее число грамматических и лексических ошибок по сравнению с текстами с индивидуальным соавторством [7; 10; 17; 21; 22; 27; 30; 31; 35; 36]. Данные о влиянии коллаборативного написания текстов на объем и сложность текстов достаточно противоречивы. Одни исследования фиксируют, что тексты, написанные в коллаборациях больше по объему, чем тексты с индивидуальным авторством [7; 20; 28; 30], другие демонстрируют прямо противоположные результаты [10; 17; 24; 31; 35], а результаты некоторых исследований демонстрируют отсутствие существенных различий по этому показателю [33; 37]. Исследования различий в синтаксической сложности текстов в зависимости от количества авторов демонстрируют как преимущество коллаборативно написанных текстов [7; 20;

28], так отсутствие статистически значимых различий [10; 17; 33; 37]. Тексты, написанные в коллаборациях, более лексически разнообразные [26; 37], при этом различий в лексической плотности не было обнаружено [24]. С точки зрения комплексной оценки тексты, написанные коллаборативно, получили более высокие оценки по таким показателям, как организация, структура, содержание [28; 33; 35]. Сопоставление текстов научных статей при индивидуальном и коллаборативном типах авторства публикаций представляет собой отдельную и малоизученную задачу. Это определяет *цель исследования* — выявление различия в структуре научного дискурса при индивидуальном и коллаборативном авторстве публикаций. Достижение цели возможно при решении нескольких *исследовательских задач*: выявление представлений об особенностях процесса индивидуального и совместного написания текстов научных статей; выявление представлений о различиях в текстах статей; написанных индивидуально и в соавторстве; выявление лексических, синтаксических и семантических различий в текстах научных статей, написанных индивидуальными авторами и коллаборациями.

МЕТОДЫ

На предварительном этапе исследования было проведено неструктурированное исследовательское

интервью об особенностях написания научных статей индивидуально и в составе авторских коллективов. Продолжительность интервью в среднем составила 25 мин. Интервью проводилось онлайн и/или по телефону с последующим транскрибированием. Всего было проведено 11 интервью. В выборку вошли кандидаты и доктора психологических наук, имеющие более чем семилетний опыт публикации статей, написанных индивидуально и в составе научных коллективов, 2 из них являются редакторами рецензируемых журналов по психологии, средний возраст 62 года, 3 мужчин и 8 женщин. Анализ текстов интервью осуществлялся по схеме С. Квале [3] с применением феноменологии конденсации смысла по А. Джорджи [11].

Для основного исследования был собран 201 текст научных статей на русском языке из ведущих психологических журналов, входящих в WoS и Scopus за последние 5 лет. В общем корпусе текстов были пропорционально представлены статьи одиночных авторов, статьи малых (2–3 автора) и больших (4 и больше авторов). Одна половина статей была представлена теоретическими работами и обзорами, а вторая — экспериментальными и методическими. Библиометрические сведения о количестве статей и журналах представлены в табл. 1.

Общий объем текстов статей составил более 6395К знаков. Исследование семантико-синтакси-

Таблица 1. Количество статей и библиометрические сведения о журналах, в которых они были опубликованы

Название журнала	Обзоры и теоретические статьи	Эмпирические и методические статьи	Пятилетний импакт-фактор РИНЦ	Число статей, опубликованных за предыдущие 5 лет	Место в рейтинге SCIENCE INDEX за 2022 г. по тематике “Психология”
Психология. Журнал высшей школы экономики	14	10	1.244	234	11
Психологический журнал	20	9	1.439	362	2
Психологическая наука и образование	21	19	2.665	284	4
Экспериментальная психология	6	23	1.155	252	12
Сибирский психологический журнал	12	14	1.322	208	17
Социальная психология и общество	8	5	2.034	238	8
Культурно-историческая психология	4	5	1.760	229	3
Российский психологический журнал	4	3	1.272	191	19
Организационная психология	3	5	1.160	169	15
Клиническая и специальная психология	4	5	1.452	217	21
Консультативная психология и психотерапия	3	4	2.494	166	5

ческой структуры текстов осуществлялось с помощью реляционно-ситуационного анализа (РСА) [4; 5], позволяющего автоматически выявлять различные текстовые показатели: синтаксические признаки, семантические роли и связи, показатели принадлежности словарям различной лексики, дискурсивные показатели теории риторической структуры (TRC) для представления логико-когнитивной организации текста — всего 261 показатель.

Для статистических расчетов использовался пакет PASW Statistics 18. Конкретные статистики и критерии приведены при описании результатов исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе предварительного исследования было проведено неструктурированное исследовательское интервью об особенностях написания научных статей индивидуально и в составе авторских коллективов. Исследовательский вопрос состоял из двух частей: 1) чем отличается процесс индивидуального написания тестов научных статей от написания статей в соавторстве; 2) чем различаются тесты статей, написанные индивидуально и в соавторстве. Конкретизация центральной темы исследовательского интервью осуществлялась в нескольких направлениях: сопоставление процесса написания статей, осуществляемого индивидуально и в соавторстве, этапы процесса написания статей индивидуально и в составе коллектива, характеристики процесса и степени их выраженности (продолжительность, напряженность и др.), субъективные переживания (вовлеченность, ответственность и др.), текстуальные особенности статей, написанных индивидуальными авторами и в составе авторских коллективов.

В результате обобщения наиболее существенного содержания текстов интервью (конденсация смысла) было выявлено следующее:

1) существуют три типа соавторства: участие в исследовании без участия в написании текста статьи, участие в исследовании и процессе написания, участие в создании текста статьи без непосредственного участия в исследовании;

2) центральная идея исследования в целом и общее представление о том, какая должна получиться статья, пересекаются частично, и всегда имеется несколько вариантов статьи, посвященных одному исследованию. Часто статья оказывается посвященной отнюдь не центральной идее исследования.

Можно указать следующие этапы процесса создания статьи: общая идея статьи (чему посвящена статья и ее структура), номинация (именование), написание и/или информация для отдельных разделов статьи, редакция и коррекция ссылок, редакция лексической “правильности” текста, редакция семантической правильности, корректное оформление (приведение текста статьи в соответствие и формальными требованиями издания), совместное обсуждение фрагментов текста. При индивидуальном написании статьи, как правило, этапы явно не выделяются и четко не очерчиваются. В условиях соавторства этапы создания статьи выделяются стихийно, также как и при индивидуальном написании, не имеют четких границ, при этом часть этапов может быть пропущена и распределяться между соавторами исходя из складывающейся ситуации.

Текстуальные различия между индивидуальными и коллективными написаниями статей находятся на “периферии сознания” респондентов и представлены отдельными спонтанно названными признаками. В ходе проведения феноменологического анализа — обобщения существенного содержания (конденсации смысла) полученных текстуальных различий — было выделено 24 наиболее часто встречающихся естественных смысловых единиц — характеристик текстов, позволяющие дифференцировать статьи как написанные индивидуально или в соавторстве. В результате процедуры категоризации значений по С. Квале было выделено два класса различий (табл. 2). Первый класс различий относится непосредственно к научному дискурсу (синтаксическая сложность, корректность терминологии, введение новых терминов и т.п.), второй — различия в метадискурсе (выделено жирным): “диалогичность”, “авторский голос” определяют авторскую позицию; “оценочность”, “пояснения”, “раскрытие терминов”, “ориентация на читателя” — вовлечение.

В рамках основного исследования был проведен расчет показателей РСА для каждого из 201 текста. Всего рассчитывался 261 показатель в абсолютных и нормализованных значениях относительно количества слов в текстах. Оценка сдвига между показателями РСА проводилось попарно между корпусами текстов, написанных индивидуально и коллективно, для теоретических статей и статей, посвященных экспериментальным исследованиям по нормализованным значениям показателей с помощью теста Манна—Уитни. При сравнении каждого признака между группами обе выборки очищались от выбросов при помощи межквартильного интервала и проверялись на нормальность

Таблица 2. Характеристики текста, дифференцирующие индивидуальное и коллаборативное авторство статей (по данным интервью)

Характеристики текстов	В большей степени выражены при индивидуальном написании	В большей степени выражены при соавторстве
Метафорическое использование терминов	+	
Сложные предложения		+
Редкие и уникальные термины	+	
Введение новых терминов	+	
Объем статьи		+
Длина предложения	+	
Необычные словосочетания	+	
Лексические и синтаксические нарушения	+	
Категоричность	+	
Смешение стилей		+
“Гладкость” текста		+
Правильность построения предложения		+
Правильность структуры статьи		+
Корректность терминологии		+
Количество предложений		+
Лексическая вариативность и разнообразие		+
Синтаксическая сложность		+
Следование единому (научному) стилю		+
Пояснения		+
Оценочность	+	
Диалогичность	+	
“Раскрытие терминов”		+
“Ориентация на читателя”		+
Авторский голос (нарциссический компонент)	+	

распределения. Для анализа были оставлены показатели, где *p*-value был меньше 0.05 для указанной пары. Сравнение текстов статей индивидуальных авторов и коллабораций по всем работам показало, что имеются значимые различия по 18 различным показателям PCA (табл. 3)

При оценке сдвига между показателями PCA индивидуальных и коллаборативных текстов теоретических статей и обзоров выявлены значимые различия по 30 из них, а для экспериментальных и методических — по 12. Если последовательно сравнить между собой статьи, написанные индивидуально, малыми и большими коллаборациями, по всем направлениям, то максимальное количество различий наблюдаются между теоретическими работами и обзорами, написанными большими коллаборациями, и статьями по результатам экспериментальных исследований, написанными индивидуальными авторами (значимые различия по 56 показателям). Минимальное количество различий наблюдается между экспериментальными и методическими статьями индивидуальных авторов и больших коллабораций (6 показателей).

При сопоставлении показателей по трем корпусам текстов (общий, теоретические статьи и обзоры, эмпирические и методические статьи), представленном на рис. 1, выяснилось, что есть только два показателя — “number_of_trees” и “suspended_edus_number” (количество дискурсивных деревьев и количество элементарных дискурсивных единиц, не входящих ни в одно дерево) — по которым есть значимые различия между индивидуальным написанием статей и в соавторстве для всех категорий статей (они выше у индивидуальных авторов). По другим показателям пересечений нет: показатели, по которым имеются значимые различия для теоретических статей и обзоров, не пересекаются с показателями, по которым имеются значимые различия в корпусе экспериментальных и методических статей. Наблюдается отчетливая жанровая специализация различий в текстах отдельных авторов и коллабораций.

Описание показателей PCA см.: <https://github.com/tchewik/titanis-open/blob/master/docs/TITANIS%20API.pdf>.

Делать какие-то обобщения при анализе различий по отдельным показателям весьма сложно,

Таблица 3. Показатели PCA, по которым имеются значимые различия для текстов статей, написанных индивидуально и в соавторстве

Показатель PCA	Описание показателя PCA	1	2	3	4
average_tree_depth	Средняя глубина дискурсивного дерева	3455.5	0.01		*
background_NS	Риторическое отношение: Фон	3545.5	0.01	*	
char_count	Число символов	3677	0.04	*	
contrast_NN	Риторическое отношение: Контраст	3605	0.02	*	
du_len_imbalance	Среднее отношение длины правой части риторического отношения к длине левой части	3552	0.02		*
evidence_NS	Риторическое отношение: Обоснование	3429	0.01	*	
first_tree_edus_number	Количество элементарных дискурсивных единиц, входящих в первое дерево	3949	0.01		*
number_of_trees	Количество дискурсивных деревьев	3108	0.00	*	
punctuation_count	Число знаков препинания	3490.5	0.01	*	
suspended_edus_number	Количество элементарных дискурсивных единиц, не входящих ни в одно дерево	2659	0.00	*	
syntax: compound	Составная фразеологическая единица	3396.5	0.01		*
syntax: det	Детерминатив	3400	0.01	*	
syntax: fixed	Фиксированная фразеологическая единица	3684	0.04		*
syntax: flat: foreign	Прямая фразеологическая единица и ее подтипы	3493	0.01		*
syntax: nummod	Числительное	3595.5	0.02		*
Сем. роль: объект	Компонент с предметно-вещественным значением, подвергающийся действию	3436	0.01		*
Сем. роль: субъект_соучаст	Субъект — соучастник, которому приписывается предикативный признак	3649	0.03	*	
Сем. роль: трансгрессив	Результат каузации превращения	3976.5	0.05	*	

1 — Статистика U Манна—Уитни.

2 — Асимптотическая значимость (двухсторонняя).

3 — Показатель выше для статей, написанных индивидуально.

4 — Показатель выше для текстов статей, написанных в соавторстве.

а умышленно учесть сочетания различных показателей представляется почти невозможным. Для описания различий в структуре данных между текстами статей индивидуальных авторов и коллаборативными публикациями был использован один из способов факторного сравнения структур двух выборок — метод объединения данных (pooled data method). При его использовании объединяются данные из двух выборок, добавляется искусственная переменная, категории которой кодируют принадлежность испытуемых к той или иной выборке. Факторные нагрузки этой искусственной переменной указывают на факторы, в отношении которых групповые средние факторные оценки будут различаться сильнее всего. В нашем случае искусственной переменной являлась принадлежность данных статей к текстам, написанных индивидуальными авторами или в соавторстве. Результаты рассчитывались для двух корпусов, различающихся по жанрам:

- 1) теоретические статьи и обзоры;
- 2) экспериментальные и методические статьи.

При этом совмещались данные по статьям, написанным индивидуальными авторами и коллабо-

рациями. Полученные совмещенные данные были подвергнуты факторному анализу методом главных компонент с последующим Варимакс-вращением. Результаты представлены в табл. 4, 5 и на рис. 2, 3.

При сравнении теоретических статей и обзоров, написанных индивидуально и в коллаборациях, дополнительная переменная наибольшую нагрузку получила в пятом (0.447), втором (–0.291) и третьем (–0.259) факторах.

Наибольшие различия между текстами индивидуальных авторов и текстами коллабораций представлены в пятом факторе. В нем наиболее высокие веса у показателей “средняя глубина дискурсивного дерева”, “количество элементарных дискурсивных единиц, входящих в первое дерево” и “среднее отношение длины правой части отношения к длине левой части”. Они все значимо выше в текстах коллабораций и определяют сложность и смысловую связанность текста. При этом проявляется приверженность к традиционному способу изложения идей: сначала заявляется некий тезис, а потом обстоятельно обосновывается. Второй фактор указывает на различия в лексических и синтаксических предпочтениях: в текстах

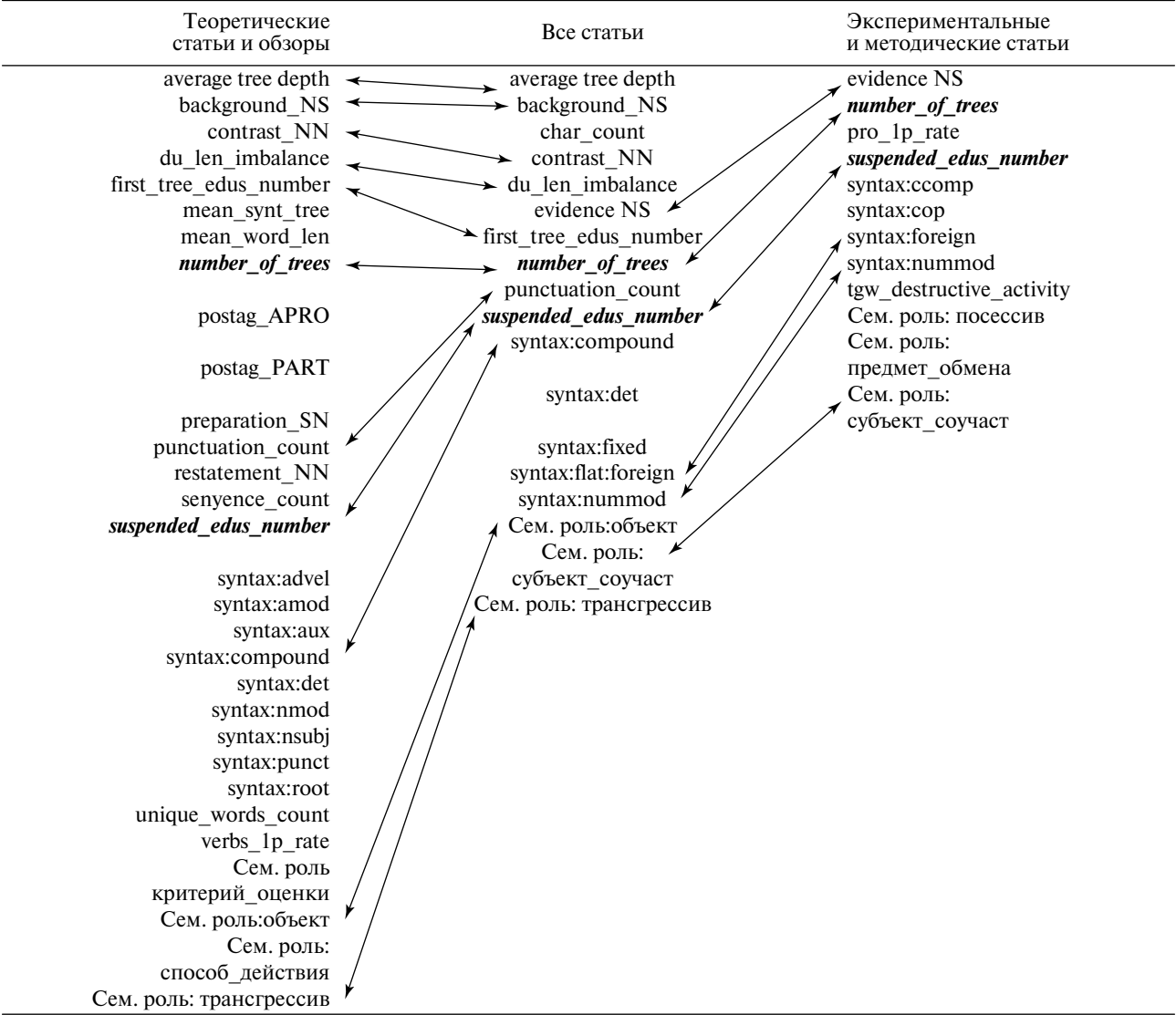

Рис. 1. Показатели PCA, по которым имеются значимые различия между статьями, написанными индивидуально или в соавторстве индивидуальных авторов больше местоименных прилагательных, определяющих слов и частиц (формообразующих, характеризующих признаки и др.); в текстах коллабораций больше именных модификаторов и определений. Третий фактор различий образован показателями “средняя глубина

Таблица 4. Полная объясненная дисперсия по выборке текстов теоретических статей и обзоров

Компо- нента	Начальные собственные значения		
	Итого	% Дисперсии	Кумулятивный % дисперсии
1	7.714	26.601	26.601
2	5.381	18.556	45.156
3	2.466	8.504	53.661
4	2.116	7.298	60.959
5	1.502	5.179	66.138
6	1.193	4.114	70.252
7	1.136	3.917	74.169
—	—	—	—
29	0.001	0.005	100.000

Таблица 5. Полная объясненная дисперсия по выборке текстов экспериментальных и методических статей

Компо- нента	Начальные собственные значения		
	Итого	% Дисперсии	Кумулятивный % дисперсии
1	2.700	24.546	24.546
2	1.615	14.685	39.231
3	1.297	11.792	51.023
4	1.071	9.735	60.759
5	1.014	9.220	69.979
—	—	—	—
11	0.106	0.968	100.000

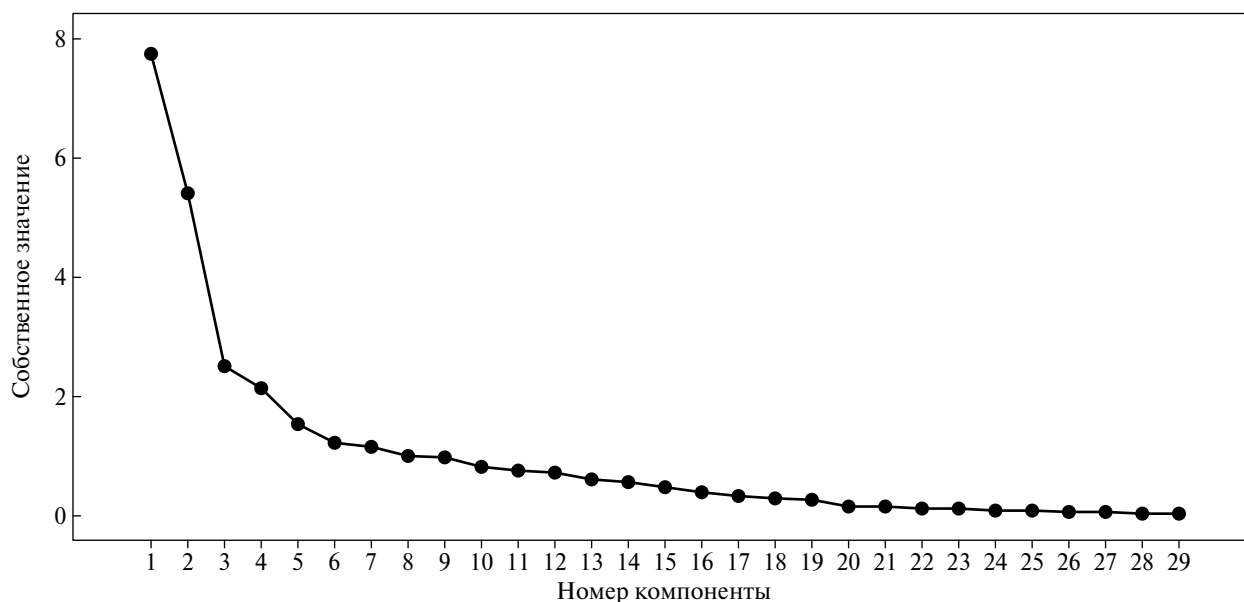

Рис. 2. График собственных значений по выборке текстов теоретических статей и обзоров

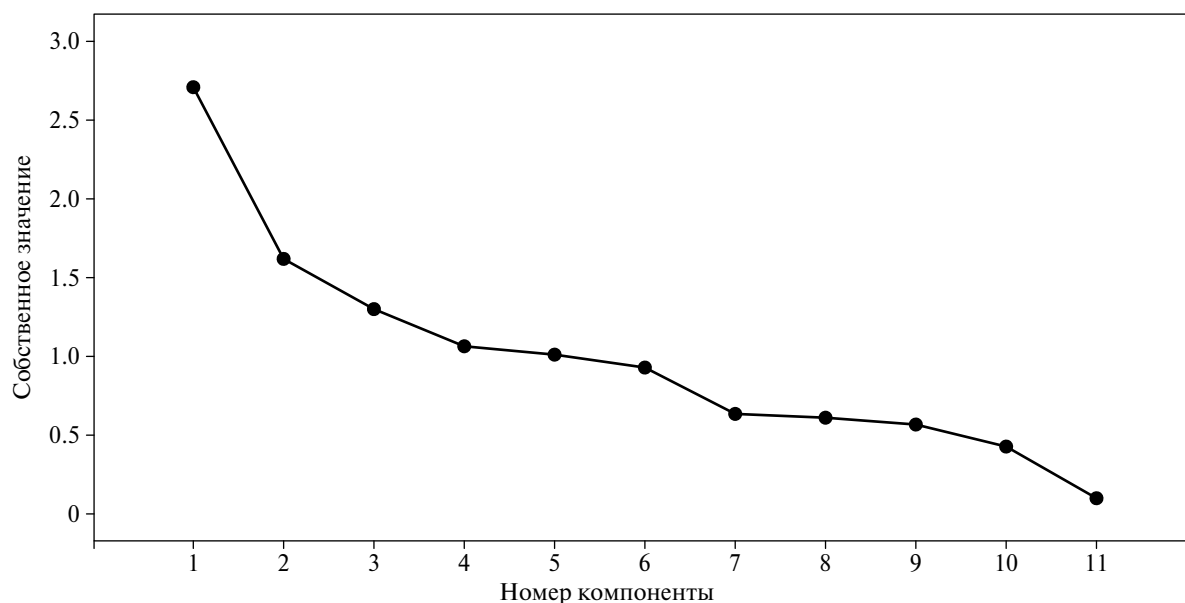

Рис. 3. График собственных значений по выборке текстов экспериментальных и методических статей

синтаксического дерева”, “предикативная основа предложения”, “составные отношения в многословных выражениях”. Он характеризует синтаксическую сложность текста, которая значимо выше в текстах коллабораций.

При сравнении экспериментальных и методологических статей, написанных индивидуально и в коллаборациях, дополнительная переменная наибольшую нагрузку получила в пятом (–0.373), третьем (0.246) и втором (0.199) факторах. Пятый фактор определяется одним показателем (его вес в 3 раза больше, чем у всех остальных) — “доля местоимений 1 лица” — и, скорее всего, он говорит о более выраженной авторской позиции в текстах

коллабораций. Второй и третий факторы описывают лексические и синтаксические предпочтения: индивидуальные авторы чаще используют последовательности слов на иностранном языке, а в текстах коллабораций больше местоименных наречий, копул (связок), клаузуальных дополнений глагола и прилагательного и компонентов, связанных с изменением посессивных отношений.

ОБСУЖДЕНИЕ

Согласно результатам исследовательского интервью, статьи, написанные коллаборативно больше

по объему, чем написанные индивидуально, что, с одной стороны, согласуется с результатами одних исследований [7; 20; 28; 30], и противоречит результатам других [10; 17; 24; 31; 35]. В ходе совместной деятельности происходит обмен идеями и объединение опыта каждого из соавторов, что способствует кумуляции знаний, что положительно влияет на объем текста. В текстах коллабораций в большей мере наблюдается корректность использования терминологии, правильность построения предложений, выше лексическая вариативность, а в индивидуально написанных текстах больше лексических и синтаксических нарушений. Многие исследования показывают, что тексты, написанные в соавторстве, отличаются меньшим числом ошибок по сравнению с текстами с индивидуальным авторством [7; 21; 22; 27; 30; 37].

В текстах, написанных индивидуальными авторами, по мнению респондентов, в большей степени выражено “творческое начало”: в них чаще вводятся новые термины, чаще используются редкие и уникальные понятия, индивидуальные авторы чаще прибегают к метафорам и необычным словосочетаниям. Это согласуется с данными РСА: в текстах индивидуальных авторов больше уникальных слов и слов на иностранном языке. По данным интервью текстам индивидуальных авторов приписывается большая синтаксическая сложность, что опровергает результаты некоторых исследований [7; 20; 28; 31], но подтверждает результаты других [7; 21; 30].

Отмеченная в протоколах респондентов “регуляция совместной деятельности” в коллаборациях при написании статей и «ориентация на “другого”» по идее должны приводить к большей представленности в текстах коллабораций метадискурса, помогающего читателю структурировать, интерпретировать и оценивать текст [9; 34]. Однако по данным исследовательского интервью для текстов коллабораций в большей степени характерна оценочность, в них больше пояснений, чаще раскрывается значение терминов, и они больше ориентированы на читателя. А текстам индивидуальных авторов присущи “диалогичность” и “авторский голос”. Это определенным образом конкретизирует интеракционную модель Хайлэнда [15] — в текстах коллабораций и индивидуальных авторов реализуются различные типы метадискурса: при индивидуальном написании статей преобладает авторская позиция, в случае соавторства — “вовлечение читателя” [19].

Автоматический реляционно-ситуационный анализ (РСА) позволяет рассчитывать различные показатели на морфологическом, синтаксическом

и семантическом уровнях. При этом одна часть показателей относится к отдельным морфемам, словосочетаниям и предложениям, другая, связанная с дискурсивной структурой текста (в рамках теории риторической структуры), выходит за рамки предложения и относится скорее к абзацу и/или целостному смысловому фрагменту текста. Именно такого типа показатели определяют общие для всех жанров статей различия между текстами индивидуальных авторов и коллабораций. Значения двух показателей — “number_of_trees” (количество дискурсивных деревьев) и “suspended_edus_number” (количество элементарных дискурсивных единиц, не входящих ни в одно дерево) — значимо выше в текстах индивидуальных авторов. Элементарные дискурсивные единицы определяют основное содержание высказывания и то, что они не входят ни в одно дерево, говорит о меньшей связности текста. Увеличенное количество дискурсивных деревьев (условно соотносится с целостным смысловым фрагментом) также говорит о меньшей связности текста, но уже на более высоком уровне. Совместное написание научных статей в коллаборациях делает текст более связным, лексически и синтаксически более корректным, что согласуется с результатами комплексной оценки текстов [28; 33; 35].

Полученный в ходе РСА показатель “char_count” — “количество символов без пробелов” для всех жанров статей вносит свой определенный вклад в дискуссию об объемах текстов: тексты индивидуальных авторов по сравнению с текстами коллабораций больше по объему примерно на 9% и составляют 23433 ± 7595 знаков. Другой показатель “syntax: det” (детерминатив) также выше в текстах индивидуальных авторов, что, вероятно, говорит об их стремлении к большей грамматической определенности в своих текстах.

Исходя из данных рис. 1, большинство показателей РСА, определяющих значимые различия между индивидуальными и коллаборативными текстами, имеют жанровую дифференциацию и поэтому рассматриваются отдельно для обзоров и теоретических статей и для экспериментальных и методических работ.

Сравнение теоретических статей и обзоров показало, что в статьях, написанных индивидуально, больше глаголов 1-го лица. Это может свидетельствовать о более развитой авторской позиции [15; 18] в текстах, написанных индивидуально. В текстах коллабораций больше глубина синтаксического и дискурсивного деревьев (показатели “mean_synt_tree” и “average_tree_depth”). Это говорит о большей величине Т-единиц в этих текстах

и подтверждает результаты исследований, указывающих на положительное влияние коллаборативного написания текстов на их “сложность” [7; 20; 28; 31]. Показатели TPC “du_len_imbalance”, “preparation_SN”, “sentence_count” указывают на специфику выражения идей в текстах: при совместном написании статей обычно вначале высказывается идея и затем и более распространено обосновывается с использованием более длинных предложений. При индивидуальном написании высказыванию основной идеи предшествует “подготовка” и чаще используется переформулирование уже сказанного. При этом главное утверждение по количеству слов сопоставимо с пояснениями. В целом для индивидуальных текстов характерны более разнообразные формы дискурсивных отношений: contrast, background, preparation, restatement. Наиболее общие различия между индивидуальным и коллаборативным написанием теоретических статей и обзоров дает метод объединения данных (pooled data method). Первый фактор, определяющий различия, указывает на то, что в текстах коллабораций выше сложность и смысловая связанность текста. При этом превалирует традиционная структура высказывания: кратко постулируется тезис и затем развернуто обосновывается. Второй фактор описывает некоторые лексические и синтаксические предпочтения единичных авторов и коллабораций. Интерпретация этих предпочтений исходя из специфики написания статей (индивидуально или совместно) и теоретических представлений о совместной деятельности пока не найдена. Третий фактор характеризует синтаксическую сложность текста, которая значимо выше в текстах коллабораций.

Число показателей, по которым имеются значимые различия между индивидуальным и коллаборативным написанием эмпирических и методических статей в 2.5 раза меньше по сравнению с корпусом теоретических статей и обзоров (12 против 30). При этом одним из наиболее значимых различий является показатель “доля местоимений 1-го лица”. Он, скорее всего, связан с проявлением авторской позиции и в текстах коллабораций он выше. Таким образом, основываясь на данных РСА, можно говорить о жанровой специфике метадискурса: авторская позиция в обзорах и теоретических статьях в большей степени представлена у индивидуальных авторов, а в эмпирических и методических работах она превалирует в текстах коллабораций. Именно этот показатель определяет первый фактор различий между индивидуальным и коллаборативным написанием эмпирических и теоретических статей. Вторым и третьим факторы различий описывают лексические

и синтаксические предпочтения индивидуальных авторов и коллабораций, не поддающиеся на данном этапе интерпретации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научная статья является базовой формой опосредованной коммуникации институционального научного дискурса, ответственной за конструирование и распространение нового знания. К текстам научных статей, как и ко всему научному дискурсу, предъявляются довольно жесткие требования: регламентированность, структурированность, объективность, точность, абстрактность, полемичность, агональность и интертекстуальность. Статья появляется по ходу и/или в результате научной деятельности и ее авторство может быть как индивидуальным, так и коллаборативным. Научное сотрудничество и соавторство дают ряд преимуществ: более широкий доступ к экспертной оценке и ресурсам, обмен идеями, объединение опыта для решения сложных задач, сосредоточенность на собственной деятельности, освоение новых навыков, повышение продуктивности и качества результата. Однако данные о влиянии способа написания научных статей на характеристики научного дискурса фрагментарны и противоречивы. Мы попытались решить данную проблему, используя методы исследовательского интервью и реляционно-ситуационного анализа текстов, дополнив перечень выявленных различий.

В рамках данного исследования было установлено следующее.

В статьях, написанных в соавторстве, выше лексическая связанность, они более синтаксически корректны и сложны по сравнению с текстами, написанными индивидуально. В текстах, написанных индивидуальными авторами, в большей степени выражено “творческое начало”: в них чаще вводятся новые термины, чаще используются редкие и уникальные понятия, слова на иностранном языке. Это подтверждается как результатами РСА, так и результатами исследовательского интервью.

Объем текстов научных статей по психологии в среднем на 9% больше при индивидуальном авторстве по сравнению с коллаборативным.

Семантико-синтаксические различия текстов статей по психологии с индивидуальным и коллаборативным авторством имеют жанровую дифференциацию: теоретические статьи и обзоры различаются по одним показателям, а экспериментальные и методические статьи — по другим. При этом количество различий по корпусу теоретических

статей и обзоров в 2.5 раза больше по сравнению с эмпирическими и методическими статьями. Только два показателя РСА являются общими для всех статей и указывают на большую “многоядерность” текстов индивидуальных авторов и большую связность текстов коллабораций.

По результатам интервью в текстах с коллаборативным и индивидуальным типами авторства реализуются различные типы интеракционального метадискурса: при индивидуальном написании статей преобладает авторская позиция, в случае соавторства — “вовлечение читателя”. При этом по результатам РСА речь скорее идет о жанровой специфике метадискурса: авторская позиция в обзорах и теоретических статьях в большей степени представлена у индивидуальных авторов, а в эмпирических и методических работах она превалирует в текстах коллабораций. Полученные результаты дают основания для конкретизации интеракциональной модели Хайлэнда как в отношении специфики авторства (индивидуальное или коллективное), так и в отношении жанров статей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баженова Е.А. Структура нового знания в научном тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (210). С. 144–151. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-4-144-151
2. Ван Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
3. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.
4. Осипов Г.С., Смирнов И.В., Тихомиров И.А. Реляционно-ситуационный метод поиска и анализа текстов и его приложения // Искусственный интеллект и принятие решений. 2008. № 2. С. 3–10.
5. Смирнов И.В., Шелманов А.О., Кузнецова Е.С., Храмовин И.В. Семантико-синтаксический анализ естественных языков. Часть II. Метод семантико-синтаксического анализа текстов // Искусственный интеллект и принятие решений. 2014. № 1. С. 11–24.
6. Шейгал Е.И., Дешевцова В.В. Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). С. 145–148.
7. Bueno Alastuey M.C., Martínez de Lizarrondo Larumbe P. Collaborative writing in the EFL Secondary Education classroom: Comparing triad, pair and individual work // Huarte de San Juan. Filología y Didáctica de la Lengua. 2017. № 17. P. 254–275. URL: <https://hdl.handle.net/2454/28503>
8. Bukhova H. Studying Research Collaboration: A Literature Review // Sprouts: Working Papers on Information Systems. 2010. V. 10. № 3. URL: <https://sprouts.aisnet.org/10.3>
9. Crismore A., Markkanen R., Steffensen M.S. Metadiscourse in persuasive writing: A study of texts written by American and Finnish university students // Written Communication. 1993. V. 10. № 1. P. 39–71.
10. Fernandez Dobao A. Collaborative writing tasks in the L2 classroom: Comparing group, pair, and individual work // Journal of Second Language Writing. 2012. V. 21. № 1. P. 40–58. DOI: 10.1016/j.jslw.2011.12.002
11. Giorgi A., Giorgi B. Phenomenological psychology // The SAGE Handbook of Qualitative Research in Psychology / Eds. C. Wilig, W. Stainton-Rogers. L.: Sage Publications Ltd, 2008. P. 165–178.
12. Hyland K. Talking to students: Metadiscourse in introductory course books // English for Specific Purposes. 1999. V. 18. № 1. P. 3–26. DOI: 10.1016/S08894906(97)00025-2
13. Hyland K. Authority and invisibility: Authorial identity in academic writing // Journal of Pragmatics. 2002. V. 34. № 8. P. 1091–1112.
14. Hyland K. Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse // Discourse Studies. 2005. V. 7. № 2. P. 173–192. DOI: 10.1177/1461445605050365
15. Hyland K. Disciplinary voices: Interactions in research writing // English Text Construction. 2008. V. 1. № 1. P. 5–22. DOI: 10.1075/etc.1.1.03hyl
16. Ivanić R., Camps D. I am how I sound Voice as self-representation in L2 writing // Journal of Second Language Writing. 2001. V. 10. № 1–2. P. 3–33. DOI: 10.1016/S1060-3743(01)00034-0
17. Jalili M.H., Shahrokhi M. Impact of collaborative writing on the complexity, accuracy, and fluency of Iranian EFL learners’ L2 writing // Journal of Applied Linguistics and Language Research. 2017. V. 4. № 4. P. 13–28. URL: <http://www.jallr.com/index.php/JALLR/article/view/570/0>
18. Lehman I.M. Authorial presence in English academic texts: A comparative study of student writing across cultures and disciplines. Berlin: Peter Lang Verlag, 2018. 254 p. DOI: 10.3726/b14175
19. Lehman I., Cybulska-Gómez de Celis K., Sułkowski L. Writing to make a difference: Discursive analysis of writer identity in research articles on management // Ibérica. 2022. № 44. P. 155–178. DOI: 10.17398/2340-2784.44.155
20. Malmqvist A. How does group discussion in reconstruction tasks affect written language output? // Language Awareness. 2005. V. 14. № 2–3. P. 128–141. DOI: 10.1080/09658410508668829
21. McDonough K., De Vleeschauwer J., Crawford W. Comparing the quality of collaborative writing, collaborative prewriting, and individual texts in a Thai EFL context // System. 2018. V. 74. № 1. P. 109–120. DOI: 10.1016/j.system.2018.02.010

22. *McDonough K., Fuentes C.G.* The Effect of Writing Task and Task Conditions on Colombian EFL Learners' Language Use // *TESL Canada Journal*. 2015. V. 32. № 2. P. 67–79. DOI: 10.18806/tesl.v32i2.1208
23. *Morton J., Storch N.* Developing an authorial voice in PhD multilingual student writing: The reader's perspective // *Journal of Second Language Writing*. 2019. V. 43. P. 15–23. DOI: 10.1016/j.jslw.2018.02.004
24. *Olovson B.* Are two heads better than one? A process and product analysis of collaborative writing in the Spanish as a foreign language classroom: Doctoral dissertation. Iowa Research Online Iowa, 2020.
25. *Peng J.* Authorial voice constructed in citation in literature reviews of doctoral theses: Variations across training contexts // *Journal of English for Academic Purposes*. 2019. V. 37. P. 11–21. DOI: 10.1016/j.jeap.2018.11.001
26. *Peng J.E., Zheng Y.* Metadiscourse and Voice Construction in Discussion Sections in BA Theses by Chinese University Students Majoring in English // *SAGE Open*. 2021. V. 11. № 2. DOI: 10.1177/21582440211008870
27. *Sarkhosh M., Najafi S.* Collaborative and Individual Writing: Effects on Accuracy and Fluency Development // *Porta Linguarum An International Journal of Foreign Language Teaching and Learning*. 2020. № 33. P. 27–42. DOI: 10.30827/portalin.vi33.18124
28. *Savasci M., Kaygisiz S.* One hand washes the other and both wash the face: Individuality versus collaboration in L2 writing // *Eurasian Journal of Applied Linguistics*. 2019. V. 5. № 1. P. 131–151. DOI: 10.32601/ejal.543789
29. *Sheldon E.* From I to another: Discursive construction of self-representation in English and Castilian Spanish research articles // *English for Specific Purposes*. 2009. V. 28. № 4. P. 251–265. DOI: 10.1016/j.esp.2009.05.001
30. *Stell A.* Exploring the use of collaborative writing in an EFL classroom context // *University of Sydney Papers in TESOL*. 2018. V. 13. P. 63–97. URL: <https://www.sydney.edu.au/content/dam/corporate/documents/faculty-of-arts-and-social-sciences/research/research-centres-institutes-groups/uos-papers-in-tesol/volume-13/article03.pdf>
31. *Storch N.* Collaborative writing: Product, process, and students' reflections // *Journal of Second Language Writing*. 2005. V. 14. № 1. P. 153–173. DOI: 10.1016/j.jslw.2005.05.002.
32. *Storch N.* Collaborative writing // *Language Teaching*. 2019. V. 52. № 1. P. 40–59. DOI: 10.1017/S0261444818000320
33. *Strobl C.* Affordances of web 2.0 technologies for collaborative advanced writing in a foreign language // *CALICO Journal*. 2014. V. 31. № 1. P. 1–18. URL: <https://www.jstor.org/stable/calicojournal.31.1.1>
34. *Vande Kopple W.J.* Some Exploratory Discourse on Metadiscourse // *College Composition and Communication*. 1985. V. 36. № 1. P. 82–93.
35. *Villarreal I., Gil-Sarratea N.* The effect of collaborative writing in an EFL secondary setting. *Language Teaching Research*. 2020. V. 24. № 6. P. 874–897. DOI: 10.1177/1362168819829017
36. *Vold E.T.* Modalité Épistémique et Discours Scientifique: Thèse Pour le Degré de Philosophiae Doctor (PhD). Bergen: Université de Bergen, 2008.
37. *Wigglesworth G., Storch N.* Pair versus individual writing: Effects on fluency, complexity and accuracy // *Language Testing*. 2009. V. 26. № 3. P. 445–466. DOI: 10.1177/0265532209104670

DIFFERENCES IN THE STRUCTURE OF SCIENTIFIC DISCOURSE WITH INDIVIDUAL AND COLLABORATIVE AUTHORSHIP OF PUBLICATIONS

A. N. Voronin^{1,*}, A. S. Rafikova^{1,**}, I. V. Smirnov^{2,***}, M. A. Stankevich^{2,****}

¹*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldg. 1, Russia.*

²*Federal Research Center for Information and Computational Technologies;
119333, Moscow, Vavilova str., 44, bldg. 2, Russia.*

**Doctor of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher.
E-mail: voroninan@bk.ru*

***Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher.
E-mail: antoninaraf@yandex.ru*

****Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Head of the Department.
E-mail: ivs@isa.ru*

*****Research Engineer.
E-mail: stankevich@isa.ru*

Received 13.07.2023

Abstract. Within the framework of scientific discourse, the article occupies a central place in the construction and dissemination of knowledge in the scientific community. At the same time, collaborative authorship is becoming increasingly widespread in the scientific community. The syntactic and semantic differences between the texts of collaborations and individual authors present an urgent problem and remain poorly understood. This determines the purpose of the study — to identify differences in the structure of scientific discourse with individual and collaborative authorship of publications. At the preliminary stage of the study, an unstructured research interview was conducted on the specifics of writing scientific articles individually and as part of author teams. The main research is devoted to the analysis of the semantic and syntactic structure of texts using the method of relational situational analysis (RSA), which allows you to automatically identify the correspondence of the syntaxemic structure of a sentence to the logical structure of the actions described in this sentence. The study compared the texts of 201 scientific articles in Russian from the leading psychological journals included in WoS and Scopus, divided into corpora by type of authorship (individual-collaborative) and genres (theoretical articles and reviews vs empirical methodological articles). During the study, it was revealed that the articles written in collaboration have higher lexical coherence, they are more syntactically correct. The volume of the text of a scientific article on psychology is on average 9% more with individual authorship compared with collaborative writing. The semantic and syntactic differences between the texts of articles by individual authors and collaborations have a genre differentiation. In theoretical articles and reviews of collaborations, the syntactic complexity and semantic coherence of the text are higher, the traditional structure of the statement prevails: the thesis is briefly postulated and then fully justified. With individual authorship, the main idea is more often formulated after the context, while reformulation is more often used in the texts of individual authors. The meta-discourse in theoretical articles also differs significantly: the author's position is more represented by individual authors, and "reader involvement" is in the case of co-authorship. In empirical and methodological articles, the main differences are revealed in the specifics of meta-discourse: the author's position, unlike the genre of theoretical articles, is more inherent in the texts of collaborations.

Keywords: scientific discourse, scientific collaboration, research interview, semantic and syntactic structure of the text, relational situational analysis.

REFERENCES

1. *Bazhenova E.A.* Struktura novogo znanija v nauchnom tekste. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 4(210). P. 144–151. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-4-144-151 (In Russian)
2. *Van Dejk T.A.* Jazyk, poznanie, kommunikacija. Moscow: Progress, 1989. 312 p.
3. *Kvale S.* Issledovatel'skoe interv'ju. Moscow: Smysl, 2003. 301 p. (In Russian)
4. *Osipov G.S., Smirnov I.V., Tihomirov I.A.* Reljacionno-situacionnyj metod poiska i analiza tekstov i ego

- prilozhenija. *Iskusstvennyj intellekt i prinjatje reshenij*. 2008. № 2. P. 3–10. (In Russian)
5. *Smirnov I.V., Shelmanov A.O., Kuznecova E.S., Hramoin I.V.* Semantiko-sintaksicheskij analiz estestvennyh jazykov. Chast' II. Metod semantiko-sintaksicheskogo analiza tekstov. *Iskusstvennyj intellekt i prinjatje reshenij*. 2014. № 1 P. 11–24. (In Russian)
 6. *Shejgal E.I., Deshevoeva V.V.* Agonal'nost' v kommunikacii: struktura ponjatija. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. № 34 (172). P. 145–148. (In Russian)
 7. *Bueno Alastuey M.C., Martínez de Lizarrondo Larumbe P.* Collaborative writing in the EFL Secondary Education classroom: Comparing triad, pair and individual work. *Huarte de San Juan. Filología y Didáctica de la Lengua*. 2017. № 17. P. 254–275. URL: <https://hdl.handle.net/2454/28503>
 8. *Bukhova H.* Studying Research Collaboration: A Literature Review. *Sprouts: Working Papers on Information Systems*. 2010. V. 10. № 3. URL: <https://sprouts.aisnet.org/10.3>
 9. *Crismore A., Markkanen R., Steffensen M.S.* Metadiscourse in persuasive writing: A study of texts written by American and Finnish university students. *Written Communication*. 1993. V. 10. № 1. P. 39–71.
 10. *Fernandez Dobao A.* Collaborative writing tasks in the L2 classroom: Comparing group, pair, and individual work. *Journal of Second Language Writing*. 2012. V. 21. № 1. P. 40–58. DOI: 10.1016/j.jslw.2011.12.002
 11. *Giorgi A., Giorgi B.* Phenomenological psychology. *The SAGE Handbook of Qualitative Research in Psychology*. Eds. C. Wilig, W. Stainton-Rogers. London: Sage Publications Ltd, 2008. P. 165–178.
 12. *Hyland K.* Talking to students: Metadiscourse in introductory course books. *English for Specific Purposes*. 1999. V. 18. № 1. P. 3–26. DOI: 10.1016/S08894906(97)00025-2
 13. *Hyland K.* Authority and invisibility: Authorial identity in academic writing. *Journal of Pragmatics*. 2002. V. 34. № 8. P. 1091–1112.
 14. *Hyland K.* Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse. *Discourse Studies*. 2005. V. 7. № 2. P. 173–192. DOI: 10.1177/1461445605050365
 15. *Hyland K.* Disciplinary voices: Interactions in research writing. *English Text Construction*. 2008. V. 1. № 1. P. 5–22. DOI: 10.1075/etc.1.1.03hyl
 16. *Ivanic R., Camps D.* I am how I sound Voice as self-representation in L2 writing. *Journal of Second Language Writing*. 2001. V. 10. № 1–2. P. 3–33. DOI: 10.1016/S1060-3743(01)00034-0
 17. *Jalili M.H., Shahrokhi M.* Impact of collaborative writing on the complexity, accuracy, and fluency of Iranian EFL learners' L2 writing. *Journal of Applied Linguistics and Language Research*. 2017. V. 4. № 4. P. 13–28. URL: <http://www.jallr.com/index.php/JALLR/article/view/570/0>
 18. *Lehman I.M.* Authorial presence in English academic texts: A comparative study of student writing across cultures and disciplines. Berlin: Peter Lang Verlag, 2018. 254 p. DOI: 10.3726/b14175
 19. *Lehman I., Cybulska-Gómez de Celis K., Sułkowski L.* Writing to make a difference: Discursive analysis of writer identity in research articles on management. *Ibérica*. 2022. № 44. P. 155–178. DOI: 10.17398/2340-2784.44.155
 20. *Mann W.C., Thompson S.A.* Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text organization. *Text: Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. 1988. V. 8. № 3. P. 243–281. DOI: 10.1515/text.1.1988.8.3.243
 21. *McDonough K., De Vleeschauwer J., Crawford W.* Comparing the quality of collaborative writing, collaborative prewriting, and individual texts in a Thai EFL context. *System*. 2018. V. 74. № 1. P. 109–120. DOI: 10.1016/j.system.2018.02.010
 22. *McDonough K., Fuentes C.G.* The Effect of Writing Task and Task Conditions on Colombian EFL Learners' Language Use. *TESL Canada Journal*. 2015. V. 32. № 2. P. 67–79. DOI: 10.18806/tesl.v32i2.1208
 23. *Morton J., Storch N.* Developing an authorial voice in PhD multilingual student writing: The reader's perspective. *Journal of Second Language Writing*. 2019. V. 43. P. 15–23. DOI: 10.1016/j.jslw.2018.02.004
 24. *Olovson B.* Are two heads better than one? A process and product analysis of collaborative writing in the Spanish as a foreign language classroom: Doctoral dissertation. Iowa Research Online Iowa, 2020.
 25. *Peng J.* Authorial voice constructed in citation in literature reviews of doctoral theses: Variations across training contexts. *Journal of English for Academic Purposes*. 2019. V. 37. P. 11–21. DOI: 10.1016/j.jeap.2018.11.001
 26. *Peng J.E., Zheng Y.* Metadiscourse and Voice Construction in Discussion Sections in BA Theses by Chinese University Students Majoring in English. *SAGE Open*. 2021. V. 11. № 2. DOI: 10.1177/21582440211008870
 27. *Sarkhosh M., Najafi S.* Collaborative and Individual Writing: Effects on Accuracy and Fluency Development. *Porta Linguarum An International Journal of Foreign Language Teaching and Learning*. 2020. № 33. P. 27–42. DOI: 10.30827/portalin.vi33.18124
 28. *Savasci M., Kaygisiz S.* One hand washes the other and both wash the face: Individuality versus collaboration in L2 writing. *Eurasian Journal of Applied Linguistics*. 2019. V. 5. № 1. P. 131–151. DOI: 10.32601/ejal.543789
 29. *Sheldon E.* From I to another: Discursive construction of self-representation in English and Castilian Spanish research articles. *English for Specific Purposes*. 2009. V. 28. № 4. P. 251–265. DOI: 10.1016/j.esp.2009.05.001
 30. *Stell A.* Exploring the use of collaborative writing in an EFL classroom context. *University of Sydney Papers in*

- TESOL. 2018. V. 13. P. 63–97. URL: <https://www.syd-ney.edu.au/content/dam/corporate/documents/faculty-of-arts-and-social-sciences/research/research-centres-institutes-groups/uos-papers-in-tesol/volume-13/article03.pdf>
31. *Storch N.* Collaborative writing: Product, process, and students' reflections. *Journal of Second Language Writing*. 2005. V. 14. № 1. P. 153–173. DOI: 10.1016/j.jslw.2005.05.002
 32. *Storch N.* Collaborative writing. *Language Teaching*. 2019. V. 52. № 1. P. 40–59. DOI: 10.1017/S0261444818000320
 33. *Strobl C.* Affordances of web 2.0 technologies for collaborative advanced writing in a foreign language. *CALICO Journal*. 2014. V. 31. № 1. P. 1–18. URL: <https://www.jstor.org/stable/calicojournal.31.1.1>
 34. *Vande Kopple W.J.* Some Exploratory Discourse on Metadiscourse. *College Composition and Communication*. 1985. V. 36. № 1. P. 82–93.
 35. *Villarreal I., Gil-Sarratea N.* The effect of collaborative writing in an EFL secondary setting. *Language Teaching Research*. 2020. V. 24. № 6. P. 874–897. DOI: 10.1177/1362168819829017
 36. *Vold E.T.* Modalité Épistémique et Discours Scientifique: Thèse Pour le Degré de Philosophiae Doctor (PhD). Bergen: Université de Bergen, 2008.
 37. *Wigglesworth G., Storch N.* Pair versus individual writing: Effects on fluency, complexity and accuracy. *Language Testing*. 2009. V. 26. № 3. P. 445–466. DOI: 10.1177/0265532209104670

ДИСКУССИЯ

УДК 159.9

УРОКИ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

© 2024 г. Е. А. Сергиенко

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник.

E-mail: elenas13@mail.ru

Поступила 20.05.2024

Аннотация. Работа посвящена анализу сборника научных трудов “Советская психология: этап истории науки и менталитет” / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. Выделены главные идеи, представленные в 21 статье данной книги. Изучая ретроспективный анализ работ, сформулировано семь основных уроков для современной психологии, позволяющие увидеть значение советского периода для развития науки. Первый урок состоит в том, что, несмотря на идеологическое давление и попытки унификации психологии, в ней с большим опережением реализовывались принципы постмодерна и метамодерна, характерные для современной методологии. Многие идеи и теории опередили свое время. Они актуальны и развиваются сейчас. Урок второй — это становление психологии как признанной научной дисциплины, которая была институционализирована, организована, обрела квалификационный статус. Третий урок учит нас, что пространство научной психологии должно быть восстановлено: заполнены лакуны открытием забытых имен ученых, проанализированы их достижения и вклад в развитие научной мысли. Разработка и решение научных проблем в психологии коренятся в советском периоде, определяя непрерывность научного познания, — в этом четвертый урок. Пятый урок показывает нам, что прикладная психология развивалась интенсивно в советский период, и ее многие достижения остаются актуальными и сегодня. Шестой урок вытекает из анализа психологии советских людей. Реальный, взвешенный анализ указывает на амбивалентность характеристик советских людей, ограниченность их экономического менталитета, наличие двойной морали, доносы, страх перед властью. Наконец современное психологическое сообщество не должно забывать, какую цену заплатили многие ученые за свои убеждения, какой разгром целых направлений в психологии был пережит. Советский период развития отечественной психологии более разнообразен и неоднозначен, чем представлялся ранее. Выполненный проект анализа советского периода психологии с позиций современной науки показал его высокую эффективность и перспективность. Заполнить лакуны в истории отечественной психологии не только принципиально для науки, но также является нравственным долгом перед поколением советских ученых.

Ключевые слова: история психологии, советская психология, уроки советской психологии, неоднозначность развития советской психологии, непрерывность развития психологии, теория и практика, историческая психология.

DOI: 10.31857/S0205959224030116

Исследуемый научный труд объединяет обращение к проблеме роли и значения советского периода в отечественной психологии и характеристики советских людей, их менталитета. Этот коллективный сборник — первая попытка проанализировать научное развитие психологии в советский период с позиций постсоветской науки. Он реализован Институтом психологии РАН и собрал мнения как широко известных авторов в области историко-аналитических исследований, так и ученых, менее известных в данной области. Трудность общения идей данной книги состоит в том, что при

ее большом объеме в 700 страниц невозможно оторваться от чтения статей, настолько они насыщены и открывают новое прочтение нашего научного наследия, при этом все представляется важным и новым. Задача настоящей работы — предложить читателю выделенные значимые идеи, заключенные в работах авторов книги.

Как верно указывают авторы предисловия, отношение к эпохе советского периода до настоящего времени остается поляризованным, однако попытки научного ретроспективного анализа становления научной психологии современного этапа

чрезвычайно важны для понимания преемственности теории, методологии, практики, с одной стороны, и рефлексии тех изменений, которые происходят в постсоветский период, с другой.

Книга включает в себя три основные проблемные темы:

I. Общие процессы в советской психологической науке;

II. Специфические явления в советской психологии;

III. Психология советских людей, которые и представлены в данных разделах.

Все три темы раскрывают для нас различные аспекты, значения, роли непрерывности развития научной мысли от советского периода и до наших дней.

Первый раздел “Общие процессы в советской психологической науке” фактически дает нам первый и важный урок. Советская психология развивалась часто вопреки идеологическому давлению, попыткам унифицировать теоретические основы психологии на базе марксистской теории; процесс развития в этот период трудно считать однозначно оторванным от зарубежных направлений и течений в психологической науке. Постмодерн и метамодерн современной научной психологии был подготовлен именно в этот период развития науки. Для доказательства этого урока обратимся к краткой характеристике работ первого раздела.

Так, в статье С.А. Богданчикова “Советская психология как предмет и проблема историко-психологического исследования: концептуально-историографический подход” автор обосновывает необходимость изучения советской психологии именно в рамках разрабатываемого подхода, где ключевым является понятие “историографическая концепция”. Историографическая концепция — это совокупность наиболее общих представлений, принципов и констатаций (относительно предмета, метода и объяснительных механизмов), абстрактная схема, максимально “очищенная” от эмпирии, с которой исследователь истории подходит к изучаемому объекту.

Используя данное теоретическое основание, Богданчиков выделяет две историографические концепции советского периода: *особая психология* и *репрессированная*. Советская психология рассматривалась как особая (принципиально новая, марксистская, советская) наука о психике (психической деятельности), в соответствии с требованиями государственной идеологии и противопоставляемая всей остальной (как прошлых времен, так

и современной зарубежной) психологии. В постсоветский период советская психология стала описываться как история “репрессированной науки”, развивающейся не столько благодаря, сколько вопреки господствовавшей государственной идеологии. Рассматривая разные взгляды сквозь призму двух концепций, автор указывает, что с 1980—1990-х годов начался период деидеологизированности, который показал непрерывность и неразрывность развития разных периодов психологии, неотторванность ее от зарубежных концепций и течений и необходимость непредвзятого анализа.

Значительная аргументация в анализе этих двух концепций советской психологии детально проанализирована в работе М.С. Гусельцевой “Неканоническая история советской психологии: постановка проблемы”. Прежде всего автор обращается к метафоре айсберга, где за видимой и известной частью истории советского периода в психологии (канонической частью) скрывается “основательная, но не попадающая в поле зрения, неотрефлексированная часть” [3, с. 36], и делает вывод, что наряду с другими пластами жизни и творчества в тот период существовали ускользающие от объективного анализа пласты непроработанных культурно-психологических травм субъектов советской эпохи, а также проблемы саморефлексии науки. М.С. Гусельцева представила разносторонний и обширный обзор современной неканонической истории советской психологии. Она подчеркивает важность архивного поворота, который открывает нам забытые и неизвестные имена, факты, теории, тем самым “латая дыры” в общем пространстве развития психологической науки. Она приводит истории создания и закрытия институтов и журналов, популярных и важных, но идеологически неудобных. Гусельцева дополняет схему анализа Богданчиковым “особой науки”, “репрессированной” науки еще одной концепцией развития “*науки в авторитарных системах*”. Она также обращает внимание на латентные, скрытые, маргинальные идеи, содержащиеся в теориях, подавляемые государством, которые не исчезают, а всплывают в смежных науках, самоорганизуются, реализуясь в творческие продукты. На примере педологии и развития идей С.Л. Рубинштейна продемонстрировано “прорастание” идей сквозь толщу политического давления.

Продолжает эту линию анализа работа Т.В. Зеленковой “Зарождение идей пост- и метамодерна в советской психологии”. Автор выделяет основные черты методологии в разные периоды развития научного знания, в психологии. Она отмечает, что направленность метамодерна — это интеграция

различных идей, теорий или концепций в науке, даже таких противоречивых, как мозг и психика, субъект и объект, внешнее и внутреннее, индивидуальное и коллективное, процесс и структура, сеть и иерархия. Методологическими принципами разрешения этих противоречий выступают холизм, холярхический подход (объединяющая парадигма должна превосходить, добавляя новое знание, и включать в свернутом виде знания своих предшественников, которые продолжают активно функционировать, но уже в контексте этой более общей парадигмы), аперспективизм (принцип выражает идею существования различных, часто взаимоисключающих решений какой-либо проблемы, причем ни одно из них не имеет никакого преимущества перед другими), энактивизм (относительно новый интеграционный принцип, допускающий существование перекрестных взаимозависимостей, например, между психическими и физиологическими процессами, организмом и средой и т.п.), учет позиции исследователя (участника/наблюдателя), используемые, по возможности, совместно. В постмодерне на первый план выступает познающий субъект, конструирующий картину мира. Основной период развития советской психологии пришелся на эпоху позднего модерна, тогда как остальной научный мир с начала XX в. уже шел под флагом постмодерна. Это создавало объективные условия для проникновения новых идей и нового способа мышления в советскую психологию. Зеленкова пишет, что “к сожалению, многие глубокие идеи, высказанные классиками отечественной психологии и имеющие прямое отношение к метамодерну, остаются практически не востребованными в современной российской психологической науке” [7, с. 111]. Восполняя этот пробел, она анализирует теорию Н.А. Бернштейна о построении движений, культурно-семиотическую концепцию психики М.М. Бахтина и философско-психологические взгляды С.Л. Рубинштейна, выделяя в них все методологические принципы, характерные для метамодерна. Детальный и доказательный анализ вызывает восхищение глубиной научных поисков. На примере теории Н.А. Бернштейна автор показывает, как его идеи отражают этап развития постмодерна, опережая многие открытия. Так, открытие Ф. Варелой явления аутопоэза тождественно идее, которую высказывал Бернштейн о непрерывном самовоспроизводстве и самопостроении организма. При рассмотрении культурно-семиотической концепции психики М.М. Бахтина Зеленкова также демонстрирует те признаки опережающих решений на основе постмодерна и метамодерна на материале психосемиотики, исследующей знаковую деятельность человека. Интегрирующие

идеи С.Л. Рубинштейна также опередили свое время и отражают основные принципы постмодерна и метамодерна.

Дискуссионной становится часть статьи Т.В. Зеленковой об элементах сетевого подхода в системе психологических понятий А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. Здесь мы находим пересечения с нашей гипотезой о системно-сетевой организации понятий [6]. Она пишет: “Задача сетей в целостной системе — обеспечение полноты, динамики и разнообразия входящих в нее элементов. Задача иерархий — обеспечение их точности и упорядоченности. В сочетании сети и иерархии — проявление одной из форм принципа дополнительности Бора. Сети при этом находятся во внутренней позиции участника, иерархии — во внешней позиции рефлексирующего наблюдателя. При совместном функционировании сеть и иерархия, дополняя систему до целого, ведут себя как двуликий Янус, как две стороны одной сущности, рассматриваемой под разными углами” [7, с. 145]. Пересечение этой идеи с нашей гипотезой о системно-сетевой организации понятий находит свое дальнейшее развитие. Однако, представляя нашу гипотезу, мы аргументировали возможность не противопоставления, а взаимодополнения сетевого и иерархического принципов, что и нашло свое отражение в работе Т.В. Зеленковой. Более того, описывая понятийную сетку Петровского и Ярошевского, мы подчеркивали, что авторы приводят сравнение “взаимоотношения категорий внутри плеяды со взаимоотношениями лейбницанских монад: каждая отражает каждую, сообщая ей дополнительное определение” [12, с. 3]. Здесь уместно напомнить голографический принцип, иллюстрируя взаимоотношение базисных и метапсихологических категорий: “часть голограммы (базисная категория) включает в себе целое (метапсихологическая категория), достаточно взглянуть на любой фрагмент голограммы под определенным углом зрения” [Там же, с. 13]. Категориальная сетка воплощает принцип системности, чертами которого становятся связанность и взаимообусловленность категорий, выделение иерархии их развития, выделение уровней нисходящего и восходящего детерминизма, соединяющих в единое целое онтогенез и социогенез психики. Мы отмечали, что “приведенная категориальная система А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского имеет общие принципы организации с идеями К.К. Платонова: выделение понятий разных уровней, образование плеяд и кластеров, иерархичность построения, единство понятий и принципов психологии. Следует признать, что в работе Петровского и Ярошевского система категорий наиболее разработана

и детальна, но основные идеи, положенные в ее основу, безусловно, имеют общность с системой категорий и понятий К.К. Платонова” [5, с. 9]. Однако системная связанность понятий не тождественна их сетевой организации, что также отмечалось нами [6]. Следует при этом напомнить, что если идеи К.К. Платонова были сформулированы в 1972 г., то систематизация понятий Петровского и Ярошевского — в постсоветский период, в 1998 и 2001 г. Но все это действительно подтверждает наличие тенденций реализации постмодерна в психологии.

Интересной в рамках общего раздела представляется работа В.И. Коннова “Психологическая теория в контексте научной политики позднего советского периода”, в которой он раскрывает становление научного направления Института психологии РАН и полемику между Б.Ф. Ломовым и А.Н. Леонтьевым. Проработав непрерывно в Институте психологии РАН более 50 лет, это исследование позволило мне, как автору данной дискуссионной статьи, увидеть логику научного становления нашего Института, а также те сложные процессы, которыми оно сопровождалось. Описывая становление теоретического направления созданного в 1972 г. академического Института психологии, Коннов подчеркивает, что это была борьба за обновление психологической науки не только как гуманитарной и идеологической дисциплины, но и как сплава естественнонаучного и гуманитарного оснований, как науки, не только фундаментальной, но и прикладной, практикоориентированной. Эти процессы нашли свое отражение и в структуре Института, и в его теоретическом становлении. “В результате в новом академическом учреждении сошлись представители трех сильно различающихся психологических течений науки. И одна из немногих объединявших их черт заключалась в том, что все они (каждое по своим причинам) расходилось с центральной для советской психологии теорией деятельности, автором которой был декан психологического факультета МГУ Алексей Леонтьев” [8, с. 186]. Такое расхождение было обусловлено, с одной стороны, разногласиями между теорией деятельности А.Н. Леонтьева и теорией деятельности С.Л. Рубинштейна (напомним, что в состав Института вошел сектор философских проблем психологии Института философии АН СССР, основанный С.Л. Рубинштейном). С другой стороны, у представителей ленинградской школы, наследником и последователем которой был организатор Института психологии Б.Ф. Ломов, существовали разногласия с теорией деятельности Леонтьева, а также разногласия со школой Б.М. Теплова, ученик и последователь которого

В.Д. Небылицын возглавил лабораторию “Психофизиология индивидуальных различий”. В качестве сильного нового направления в психофизиологии была лаборатория В.Б. Швыркова, ученика П.К. Анохина, чья теория шла вразрез с учением И.П. Павлова. Суть разногласий с теорией деятельности А.Н. Леонтьева сводилась к деятельностной детерминации психики, теории уподобления, пониманию психического отражения, предмета психологии. По известной исторической аналогии А.Н. Леонтьева можно условно обозначить для того времени как “почвенника”, а Б.Ф. Ломова — как “западника”, впитавшего современные ему идеи отечественной и зарубежной психологии. Непростые процессы становления нового теоретического направления — системного подхода в психологии — разрабатывались Б.Ф. Ломовым, сочетались с приоритетными задачами прикладных исследований. Статья В.И. Коннова вскрывает истоки становления теоретического направления Института психологии РАН и тот непростой социально-политический контекст, в котором происходил поиск путей обновления психологической науки, утверждения ее теоретико-практической значимости.

Еще один урок анализа советской психологии дают работы, посвященные биографиям отечественных ученых и истории зарождения психологического сообщества в СССР. Так, Богданчиков проводит анализ биографий выдающихся советских психологов и показывает, что за редким исключением это поле скорее остается также слабо проработанным. К восьми биографиям, проанализированным Н.А. Логиновой (Б.Г. Ананьева, В.М. Бехтерева, Л.С. Выготского, А.А. Крогиуса, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна и К.К. Платонова), автор добавил еще десять. Мы можем указать на 16 биографических очерков о выдающихся ученых Института психологии РАН [2]. Автор предлагает открыть серию книг с научным анализом идей и биографий отечественных психологов.

О.А. Артемьева [1] подчеркивает, что необходимо изучение становления научного сообщества в целом в противовес анализу вкладов отдельных ученых и социальных противодействий науке. В основу анализа автор положила субъектный подход, а точнее, представления о коллективном субъекте, разрабатываемые А.Л. Журавлевым [4]. При изучении становления научного сообщества как коллективного субъекта автор использует стадии, выделенные Журавлевым: предсубъектность, становление собственно субъектности и стадия развитого субъекта. Ее анализ показал, что за период 1922–1953 гг. можно выделить три стадии:

на стадии предсубъектности 1922–1931 гг. отмечается поиск методологических основ психологии и ее общих принципов. На стадии становления субъектности 1932–1939 гг. — уточнение конкретных теоретических ориентиров, создание научных журналов, институтов, относительный разрыв с зарубежной, буржуазной психологией, подчеркивание отечественных достижений. 1940–1953 гг. — стадия развитого субъекта — означает становление самостоятельности психологии как науки в ходе “Павловской сессии”, работу специализированных ученых советов по защитах диссертаций, организацию прикладной и практической психологии.

Эти две работы ясно указывают на очень слабое знание истории нашей науки, оформления ее в самостоятельную дисциплину и тех персоналий, которые внесли значительный вклад в ее развитие.

Важные уроки дает нам и второй раздел книги “Специфические явления в советской психологии”. Название раздела представляется неудачным, поскольку, в чем же состоит специфика всех этих разных работ, остается не очевидным. Скорее, речь идет о конкретных теоретико-практических разработках в тот период.

Работы О.Г. Носковой посвящены изучению наследия А.А. Богданова и сравнительному анализу теории деятельности А.Н. Леонтьева и модифицированной концепции Е.А. Климова. Автор, предлагая анализ работ Богданова, выделяет те проблемы психологии, которые актуальны и сегодня, но были сформулированы им около 100 лет назад. Опираясь на социогенетический метод, он предлагал систематизацию психологических знаний, выделяя принцип развития, энергетический принцип, принцип непрерывности в рассмотрении изучаемых явлений, принцип причинности, принцип приспособления живой формы к среде обитания, организационный принцип, включающий психические процессы в целостную психическую систему регуляции жизнедеятельности человека. Кроме того, сопоставляются представления Богданова о непрерывности развития психики в эволюции, включая критерий ее появления — чувствительность у низших организмов (что соответствует и представлениям А.Н. Леонтьева о происхождении психики), говоря о возникновении речи, он указывает на необходимость трудовой совместной деятельности людей (аналогично решается вопрос и у Леонтьева). «Положения “Тектологии” А.А. Богданова могут использоваться при разработке идей системной методологии научного познания в любой отрасли психологической науки» [11, с. 251]. Он вводит понятие “психологического подбора” (сравнивая с естественным отбором) как

механизма формирования личностных типов. О.Г. Носкова заключает, что научное творчество А.А. Богданова — это “важный научно-методологический вклад в становление отечественной психологии конца XIX — начала XX в.... для многих научных направлений” таких, как общая психология, сравнительная психология, психофизиология, когнитивная психология, психология личности, психология развития, дифференциальная психология, клиническая психология, социальная психология, психология воздействия, психология воспитания, психология религии, организационная и экономическая психология, психология труда и др. [11, с. 251–252]. В должной мере идеи А.А. Богданова не отрефлексированы современной научной психологией, что важно не только для исторического анализа, но и для теоретико-методологического развития науки.

О.Г. Носкова проводит детальное сравнение концепций деятельности А.Н. Леонтьева и Е.А. Климова на основе содержательного анализа основных понятий и их наполнения и показывает наличие новаций в теории деятельности Е.А. Климова, причина которых кроется в своеобразии решения практических задач, тогда как философские основания и Климова, и Леонтьева, были едины. Следовательно, требования психологии труда и конкретная реализация теории деятельности способствовали развитию и модификации самой теории. Подобное сравнение важно для понимания соотношения теорий и подходов, что нами было предпринято в более общем виде [10].

Е.А. Климов известен своими работами в области психологии труда. Именно развитие этой отрасли имело драматическую историю в советский период. Н.Ю. Стоюхина в статье “Обсуждение вопросов советской психотехники и психологии труда на психологических съездах первой половины XX в.” собрала и проанализировала большой материал становления психотехники, отраженной в проведенных съездах и конференциях. Автор выделила этапы развития данной области психологии, обретение ею реального потенциала, силы и фактическое прекращение этого направления в 1936 г. Впоследствии к вопросам психологии труда как новому обозначению психотехники широко обратились лишь на совещании 1957 г.

В психологии развития, да и в общей психологии природа психики человека была и остается одним из центральных вопросов. И.А. Мироненко в статье “Биосоциальная проблема в советской психологии” подчеркивает, что «в контексте социальных конфликтов первых десятилетий этого периода и последующего противостояния в мире двух

политических систем, “капиталистического лагеря” и “лагеря социалистического”, вопрос о соотношении *nature and nurture* — один из самых идеологически заряженных. Научные теории и факты здесь непосредственно соотносятся с уровнем социальной мобильности, существующим в обществе, с принципами рекрутации в те или иные социальные группы. Структура соотношения различных школ в психологии XX в. во всей полноте отразила историческую эпоху сосуществования антагонистических социальных систем с их обостренной чувствительностью к идеологическим аспектам научного знания» [9, с. 272]. То есть вопрос о становлении человеческой личности благодаря природе или обществу приобрел политический характер. Автор статьи раскрывает истоки зарубежных поисков решения данной проблемы, их развитие в дореволюционный и советский периоды. Перестройка психологии на основе марксистской теории привела к пониманию человека как полностью социального существа, однозначно обусловленного общественными отношениями, устройством общества в определенный исторический период. Борьба теорий, принимавших природное в человеческом развитии и подчинявших его только общественным условиям, велась в рамках разных научных школ. И.А. Мироненко раскрывает логику разногласий между И.П. Павловым и И.М. Сеченовым, между двумя традициями, заложившими противостоящие друг другу взгляды на природу человека: Н. Чернышевский — В. Соловьев. Она анализирует развитие идей о природе психического Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, московской и ленинградской психологической школ, теорию А.Ф. Лазурского, разработку проблемы биологического и социального в русле структурно-функциональных моделей личности в российской психологии 1960—1980-х годов: модели А.Г. Ковалева и К.К. Платонова. Данная работа дает глубокое научное представление о неоднозначности понимания человеческой природы в советский период, столкновении мнений, борьбы за понимание природы человека.

Проблема развития морали и нравственности как психологическая проблема стала изучаться сравнительно недавно. Но статья А.Л. Журавлева и А.А. Костригина “Разработка проблем психологии нравственности в Институте психологии АН СССР в 1972—1991 гг.” показала становление данной проблематики за 20-летний период работы Института. При этом психология нравственности развивалась внутри других областей психологии: социальной психологии, психологии труда, психологии личности, общетеоретических проблем психологии, постепенно оформляясь

в самостоятельное и важное направление научного изучения, сыгравшее значимую роль в более поздние периоды жизнедеятельности ИП РАН.

Поучительны также и результаты работы В.А. Мазилова и Ю.Н. Слепко “Век психологии в Ярославле”, в которой авторы прослеживают становление и развитие психологии, анализируя институционализирующие психологическую науку научные или образовательные учреждения; расширение и углубление проблематики психологии; формирование коллектива исследователей и преподавателей. Также в пример можно привести статью А.М. Двойнина по сравнению культурно-исторической теории развития психики Л.С. Выготского, как наиболее распространенной в психологии, с психологией религии. Автор отмечает, что, несмотря на такое непересечение, данная теория имеет значительные перспективы в анализе религиозного сознания как культурно-исторического средства овладения собственным поведением и обстоятельствами.

Еще один урок дает нам анализ В.А. Чикер, статья которой посвящена разработке, апробации и внедрению методов оценки персонала в советское время (1970—1990 гг.). Автор показывает, что разработанные в этот период модели применяются и в настоящее время, сохраняя свои базовые принципы. По своему содержанию, структуре и процедурам они соответствуют методу, известному сегодня как ассесмент-центр. “Ассесмент-центр отражает принципы системности и комплексности оценки персонала на базе имитации (моделирования) сложных ситуаций профессиональной деятельности” [14, с. 510]. Тема развития прикладной психологии раскрывается также в работе А.А. Грачева “Фундаментальное и прикладное психологическое знание в деятельности психологической службы промышленного предприятия конца советского периода”. В настоящее время уже не надо доказывать роль прикладной психологии в результативности и организационной эффективности производственных предприятий и частных компаний. В зависимости от численности сотрудников в рамках предприятия или фирмы существуют психологические службы, отделы, специальные подразделения, осуществляющие социально-психологическое функционирование и организацию труда. Однако к сегодняшнему состоянию организационной психологии в нашей стране привели значительные усилия, реализованные в предыдущий период. Преодолеть разгром психотехники удалось далеко не сразу. Важнейшим шагом в этом направлении была ориентация Института психологии АН СССР, даже по его уставу, на прикладные работы, которые

базировались на фундаментальных достижениях. Автор статьи показывает, какие задачи и в какой последовательности решались Институтом совместно с “Курганприбором”. Важно было доказать эффективность внедрения психологии в работу предприятий. Значительное число сотрудников Института принимали участие в данной работе, которая не только увенчалась успехом, но и привела к ряду государственных постановлений об организации труда на основе психологических служб. Институт психологии доказал, что фундаментальная наука может и должна быть использована в решении прикладных проблем (подробнее см.: [13; и др.]).

Таким образом, анализ второго раздела книги позволяет нам вынести уроки понимания и учета теорий, которые создавались в советский период, их возможного развития и модификации, понимания сложности решения фундаментальных проблем психологии (например, биологического и социального), понимания основ и непрерывности развития решений прикладных задач, значительный багаж которых был приобретен в советское время.

Наиболее эмоционально насыщенным для восприятия становится третий раздел — “Психология советских людей”, который не только дает нам уроки “спокойного” научного анализа советского человека, но и подчас приводит к горьким выводам.

Так, Д.А. Китова и А.Л. Журавлев, анализируя “следы” психологических предпочтений в экономическом менталитете, показали ориентацию на заработную плату россиян как результат преимущественного распространения наемного труда, по сравнению со странами с классической рыночной экономикой (Германия, США, Япония), ориентированными в большей степени на инвестиции и предпринимательские доходы. Следовательно, россияне в своем большинстве серьезно ограничены в распределении своих доходов, что и отражается в их экономическом менталитете.

Три темы изучения психологии советских людей представлены в работах А.В. Юревича: “Советский человек как социокультурный тип”, «Межличностные отношения в СССР: квинтэссенция “развитого социализма”», и “Нравственность в СССР как отражение особенностей советской эпохи”. Описывая различные определения советского человека, автор выделяет три направления в исследовании его психологических особенностей советского менталитета. “Первое направление исходит из того, каким он должен быть, дабы идеологические тезисы получали психологическое дополнение...

Второе направление представлено работами противников советской системы и всего, что с ней связано, в том числе и психологии советского человека, которая предстает как череда психологических нелепостей. В реальной жизни ее представителя было так же трудно встретить, как и носителя во всем идеальной психологии... Третье направление в изучении психологии советского человека делало объектом анализа реальную психологию в переплетении ее положительных и отрицательных сторон, каковой она и являлась” [15, с. 638]. Проводя содержательный анализ межличностных отношений, А.В. Юревич подчеркивает, что отношения “человек—человек” заменялись на “государство—человек”, что и вызывало целый ряд их особенностей. Анализируя нравственность в СССР, автор приходит к выводу, что «экскурс в “оазис нравственности” в советскую эпоху — свидетельствует о том, что такого “оазиса” не существует, каждое время создает свою нишу для безнравственных людей, и советский период нашей истории не является исключением. Кроме того, необходимо учитывать историческую изменчивость критериев нравственного и безнравственного. Нравственное в одно время может оказаться безнравственным в другое, а формы типового проявления безнравственности определяются социальной системой. На ранних этапах истории советского государства такими формами были массовые доносы, на поздних — “двойная мораль”, но всегда безнравственные личности находили область применения своей безнравственности. И, наверное, так будет и впредь» [16, с. 670].

Без преувеличения можно сказать, что данный раздел обладает особенной притягательностью, поскольку за характеристиками людей той эпохи просвечивает и повседневный опыт читателей, успевших пожить в те времена, поэтому оторваться от чтения просто невозможно.

Уроки, которые дает нам описание менталитета советских людей, состоят в том, что реальный, взвешенный анализ советских людей указывает на сосуществование положительных и отрицательных характеристик. Другой урок состоит в том, что горько вспоминать о двойной морали и доносах, “любви к ближнему”, давлении государства на индивидуальность, ограниченности экономических возможностей. Но, с другой стороны, многие люди в те времена сохраняли свое достоинство, были высокоморальны, совестливы, находили возможности самореализации, о чем свидетельствуют жизнь и творчество наших учителей [2].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги чтения коллективного труда о столь сложном советском периоде развития психологии, выделим те уроки, которые оно дает.

Первый урок состоит в том, что, несмотря на давление и попытки унификации психологии под марксистскую идеологию, в советской психологии были реализованы принципы постмодерна, метамодерна, значительно опередившие свое время. Несмотря на изолированность психологии в тот период, идеи мировой науки проникали либо интуитивно рефлексировались и находили свое отражение в психологических теориях и прикладных решениях. М.С. Гусельцева так описывает возможность сохранения идей и теорий: «Представление о латентных изменениях фокусирует внимание на малых и маргинальных исследовательских традициях, неочевидном движении идей, и это влечет за собой ревизию канонических представлений. Если в постсоветской российской историографии педологию, как и иные антропологически ориентированные дисциплины, принято относить к “репрессированной науке”, то с позиции интерпретационных моделей развития науки в авторитарных и тоталитарных системах показано, что в отличие от невозвратно погубленных жизней ученых, научные идеи не исчезают даже после разгрома научных школ, расформирования коллективов, запрета институций, но перетекают в проблемные поля смежных наук, маскируются, эволюционируют, вливаются в новые исследовательские традиции» [3, с. 89].

Урок второй — это становление психологии как признанной научной дисциплины, которая была институализирована, организована, обрела квалификационный статус.

Урок третий. Необходимо открывать и изучать не только биографии забытых или мало известных психологов, но и понимать, что пространство науки создают люди, чья жизнь, посвященная науке, становится почвой для следующих поколений, следующего этапа развития психологии.

Урок четвертый. Решение проблем в современной психологии коренится в их разработках в советский период. Так, решение проблемы биологического и социального в тот период показало сложную борьбу идей, возможности и пути их использования в решении проблемы природы человека.

Урок пятый состоит в том, что психология как прикладная наука, важность которой уже нет необходимости доказывать, также берет свое начало в советский период. Многие известные решения

остаются актуальными и в современной психологии.

Урок шестой. Описание менталитета советских людей состоит в том, что реальный, взвешенный их анализ указывает на амбивалентность характеристик советских людей, ограничения их экономического менталитета, наличие двойной морали, доносы, страх перед властью.

Наконец, урок седьмой. Современное психологическое сообщество, выделяя опережающее во многих областях развитие науки в советское время, не должно забывать, какую цену заплатили многие ученые за свои убеждения, какой разгром целых направлений в психологии был пережит. Необходимо понимать их причины и следствия. Травмированное поколение советских людей и ученых не изжило этой травмы, и ее анализ еще далеко не завершен. М.С. Гусельцева заключила, что “советский период развития отечественной психологии оказывается более разнообразным и неоднозначным, нежели его представляла прежняя историография” [3, с. 90].

В завершение хотелось бы подчеркнуть, что данный научный труд — это первая попытка проанализировать разные стороны в развитии отечественной психологии в советский период. Уровень представленных научных статей чрезвычайно высок, что позволяет говорить о новом качестве историко-психологического анализа, инициатором и во много исполнителем которого стал Институт психологии РАН. Полагаю, что данную книгу можно отнести к научным достижениям, которые имеют важнейшее значение для всего психологического сообщества, для рефлексии не только прошлого науки, но его настоящего состояния и будущего потенциала. Считаю необходимым продолжать данный проект, показавший свою научную перспективность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артемьева О.А.* История зарождения психологического сообщества в СССР // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. С. 211–223.
2. *Выдающиеся ученые Института психологии РАН: биографические очерки* / Под ред. А.Л. Журавлева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020.
3. *Гусельцева М.С.* Неканоническая история советской психологии: постановка проблемы // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. С. 35–100.

4. Журавлев А.Л. Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 116–161.
5. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Анализ современных понятий в психологии. Часть I. Опыт систематизации понятий // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 5–15.
6. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников Института психологии РАН) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 5–14.
7. Зеленкова Т.В. Зарождение идей пост- и метамодерна в советской психологии // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. С. 101–154.
8. Коннов В.И. Психологическая теория в контексте научной политики позднего советского периода // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. С. 181–210.
9. Мироненко И.А. Биосоциальная проблема в советской психологии // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. С. 270–307.
10. Научные подходы в современной отечественной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023.
11. Носкова О.Г. Психологическое наследие А.А. Богданова // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. С. 225–255.
12. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология: учебное пособие для студ. псих. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001.
13. Служба социального развития предприятия: практическое пособие. М.: Наука, 1989.
14. Чикер В.А. Оценка персонала в советской организационной социальной психологии 1970 — начала 1990-х годов: концепция и ключевые идеи // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. С. 496–515.
15. Юревич А.В. Советский человек как социокультурный тип // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. С. 626–642.
16. Юревич А.В. Нравственность в СССР как отражение особенностей советской эпохи // Советская психология: этап истории науки и менталитет / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2024. С. 658–672.

LESSONS OF SOVIET PSYCHOLOGY

E. A. Sergienko

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldg. 1, Russia.
Doctor of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher.
E-mail: elenas13@mail.ru*

Received 20.05.2024

Abstract. The work is devoted to the analysis of the collection of works “Soviet psychology: the stage of the history of science and mentality” // Responsible. ed. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Publishing house “Institute of Psychology RAS”, 2024. The main ideas presented in 21 articles of this book are highlighted. By studying a retrospective analysis of the works, seven main lessons for modern psychology are formulated, allowing us to see the significance of the Soviet period for the development of science. The first lesson is that despite the ideological pressure and attempts to unify psychology, it implemented the principles of postmodernity and metamodernity, characteristic of modern methodology, with great anticipation. Many ideas and theories were ahead of their time and are relevant and are still being developed today. Lesson two is the formation of psychology as a recognized scientific discipline, which was institutionalized, organized, and acquired a qualifying status. The third lesson teaches us that the space of scientific psychology must be restored: the gaps are closed by the discovery of forgotten names, their achievements and their contribution to

the development of scientific thought are analyzed. The development and solution of scientific problems in psychology is rooted in the Soviet period, determining the continuity of scientific knowledge — this is the fourth lesson. The fifth lesson shows us that applied psychology developed intensively during the Soviet period and many of its achievements remain relevant today. The sixth lesson follows from an analysis of the psychology of Soviet people. A real, balanced analysis points to the ambivalence of the characteristics of Soviet people, the limitations of their economic mentality, the presence of double morality, denunciations, and fear of power. Finally, the modern psychological community should not forget what price many scientists paid for their beliefs, what destruction of entire directions in psychology was experienced. The Soviet period of development of Russian psychology is more diverse and ambiguous than previously imagined. The completed project of analyzing the Soviet period of psychology from the perspective of modern science showed its high efficiency and promise. Filling the gaps in the history of Russian psychology is not only fundamental for science, but it is also a moral duty to the generation of Soviet scientists.

Keywords: Soviet psychology, lessons of Soviet psychology, ambiguity in the development of Soviet psychology, continuity in the development of psychology, theory and practice.

REFERENCES

1. *Artem'eva O.A.* Istoriya zarozhdeniya psikhologicheskogo soobshhestva v SSSR. Sovetskaya psikhologiya: e'tap istorii nauki i mentalitet. Eds. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2024. P. 211–223. (In Russian)
2. Vy'dayushhiesya ucheny'e Instituta psikhologii RAN: biograficheskie ocherki. Ed. A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN". 2020. (In Russian)
3. *Gusel'ceva M.S.* Nekanonicheskaya istoriya sovetskoy psikhologii: postanovka problemy'. Sovetskaya psikhologiya: e'tap istorii nauki i mentalitet. Eds. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2024. P. 35–100. (In Russian)
4. *Zhuravlev A.L.* Kollektivny'j sub'ekt kak fenomen i ponyatie v sovremennoj psikhologii. Razrabotka ponyatij sovremennoj psikhologii. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2018. P. 116–161. (In Russian)
5. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Analiz sovremenny'h ponyatij v psikhologii Chast' I. Opy't sistematizacii ponyatij. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 3. P. 5–15. (In Russian)
6. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Sistemno-setevaya organizaciya sovremenny'h ponyatij psikhologii (na primere razrabotok sotrudnikov Instituta psikhologii RAN). Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 3. P. 5–14. (In Russian)
7. *Zelenkova T.V.* Zarozhdenie idej post- i metamoderna v sovetskoy psikhologii. Sovetskaya psikhologiya: e'tap istorii nauki i mentalitet. Eds. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2024. P. 101–154. (In Russian)
8. *Konnov V.I.* Psikhologicheskaya teoriya v kontekste nauchnoj politiki pozdnego sovetskogo perioda. Sovetskaya psikhologiya: e'tap istorii nauki i mentalitet. Eds. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2024. P. 181–210. (In Russian)
9. *Mironenko I.A.* Biosocial'naya problema v sovetskoy psikhologii. Sovetskaya psikhologiya: e'tap istorii nauki i mentalitet. Eds. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2024. P. 270–307.
10. Nauchny'e podhody' v sovremennoj otechestvennoj psikhologii. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko i dr.; eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, G.A. Vilenskaya. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2023. (In Russian)
11. *Noskova O.G.* Psikhologicheskoe nasledie A.A. Bogdanova. Sovetskaya psikhologiya: e'tap istorii nauki i mentalitet. Eds. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2024. P. 225–255. (In Russian)
12. *Petrovskij A.V., Yaroshevskij M.G.* Teoreticheskaya psikhologiya: Uchebnoe posobie dlya stud. psikh. fak. vy'ssh. ucheb. zavedenij. Moscow: Akademiya, 2001. (In Russian)
13. Sluzhba social'nogo razvitiya predpriyatiya: prakticheskoe posobie. Moscow: Nauka, 1989. (In Russian)
14. *Chiker V.A.* Ocenka personala v sovetskoy organizacionnoj social'noj psikhologii 1970 — nachala 1990-h godov: koncepciya i klyuchevy'e idei. Sovetskaya psikhologiya: e'tap istorii nauki i mentalitet. Eds. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2024. P. 496–515. (In Russian)
15. *Yurevich A.V.* Sovetskij chelovek kak sociokul'turny'j tip. Sovetskaya psikhologiya: e'tap istorii nauki i mentalitet. Eds. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2024. P. 626–642. (In Russian)
16. *Yurevich A.V.* Nравственность в СССР как отражение особенностей советской эпохи / Sovetskaya psikhologiya: e'tap istorii nauki i mentalitet. Eds. A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, A.V. Yurevich. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2024. P. 658–672. (In Russian)

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ВЛАДИМИРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ БАРАБАНЩИКОВУ — 75 ЛЕТ

В этом году отмечает свое 75-летие Владимир Александрович Барабанщиков, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, один из ярких представителей отечественной психологии.

В самом начале своего научного пути В.А. Барабанщиков оказался в среде таких замечательных представителей отечественной психологической науки, как Д.А. Ошанин, А.Н. Леонтьев, А.И. Миракян, сыгравших значительную роль в его становлении как ученого. В 1972 г. В.А. Барабанщиков заканчивает факультет психологии МГУ, и его дальнейшая научная жизнь оказывается надолго связана с Институтом психологии Академии наук СССР и его директором Б.Ф. Ломовым. Первые годы работы В.А. Барабанщикова в институте были отмечены тесным сотрудничеством с Н.Ю. Вергилесом, благодаря которому был получен неоценимый опыт экспериментального исследования глазодвигательной активности в восприятии. В 1978 г. В.А. Барабанщиков защищает кандидатскую диссертацию “Движения глаз в условиях положительной зрительной обратной связи”, предлагает оригинальные методы исследования микропроцесса зрительного восприятия, позволяющие получить ряд новых научных результатов. В 1991 г. получает докторскую степень за работу “Динамика зрительного восприятия: системно-генетический анализ”, в которой определяется основная линия его исследований чувственного восприятия с позиций системного подхода. В этом же году становится

руководителем лаборатории системных исследований психики, а затем лаборатории познавательных процессов и математической психологии.

Являясь учеником и последователем Б.Ф. Ломова, В.А. Барабанщиков внес значительный вклад в развитие идей системного исследования психики. Создана и успешно развивается системно-генетическая концепция перцептивного процесса. Рассмотрение динамики чувственного восприятия с позиций принципов системного подхода привело к разработке онтологического подхода к исследованию восприятия, что стало одним из важных результатов исследований В.А. Барабанщикова, проведенных в Институте психологии. Новый системный взгляд на проблему восприятия представлен в его монографии “Восприятие и событие”, опубликованной в 2001 г. Внимание автора фокусируется не на отдельных феноменах или аспектах восприятия, а на “перцептивном событии”, которое вписано во внутренний мир индивида и становится конкретным жизненным актом индивида. Перцептивное событие организовано в пространстве и времени, включено в цепь других событий и может анализироваться в различных системах координат. В результате такого анализа вводится понятие “восприятие как событие” и дается его эмпирическая экспликация. Проведенные В.А. Барабанщиковым исследования демонстрируют конкретное воплощение системного подхода в разработке целостного представления о природе восприятия.

Продолжая и развивая теоретические и методологические работы Б.Ф. Ломова, В.А. Барабанщиков уделяет значительное внимание вопросам экспериментального метода. Он внес большой вклад в то, что отечественная экспериментальная психология заняла существенное место в мировой науке. Организация Центра экспериментальной психологии МГППУ, а затем и Института экспериментальной психологии, создание журналов “Экспериментальная психология” и “Познание и переживание”, разработка многочисленных курсов и практикумов по экспериментальной психологии, колоссальные усилия по совершенствованию и выведению на современный уровень технологической базы психологического исследования — это только несколько примеров организационной и научной деятельности В.А. Барабанщикова. В 2011 г. за цикл трудов “Инновационные подходы и методы экспериментальной психологии” В.А. Барабанщиков становится лауреатом Премии Правительства РФ в области образования.

В.А. Барабанщиковым предложены и апробированы оригинальные методы исследования зрительного восприятия; выявлены его новые закономерности и феномены. В его исследованиях

и в исследованиях его учеников получен большой эмпирический материал, касающийся, в частности, закономерностей восприятия экспрессивных состояний человека и оценки индивидуально-психологических особенностей человека по выражениям его лица. Под руководством В.А. Барабанщикова защищено множество кандидатских диссертаций.

В.А. Барабанщиков является одним из основателей и первым вице-президентом Российского психологического общества. Он внес значительный вклад в организацию крупных национальных и международных научных форумов, на которых успешно представляет отечественную психологическую науку. Является лауреатом премии им. С.Л. Рубинштейна Президиума РАН и отмечен многочисленными научными наградами. Результаты его исследований представлены в 8 монографиях и в более 400 научных статьях.

Коллеги по работе в Институте психологии РАН, редакция и редколлегия “Психологического журнала” сердечно поздравляют Владимира Александровича с днем рождения и желают ему здоровья и новых ярких достижений на ниве российской психологической науки!

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ МАЗИЛОВ

В.А. Мазиллов родился 21 июня 1954 г. в г. Ярославле. После окончания школы в 1971–1976 гг. обучался на отделении психологии факультета психологии и биологии Ярославского государственного университета, где работал лаборантом кафедры (1973–1976 гг.). Во время обучения на В.А. Мазилова оказало значительное влияние знакомство с выдающимися российскими психологами — М.С. Роговиным, В.Д. Шадриковым, А.Л. Журавлевым, Н.П. Ерастовым, В.В. Новиковым и др. Знакомство с ними заложило основы будущих историко-психологических, методологических, общепсихологических исследований, реализованных В.А. Мазилловым. Окончив факультет с отличием, получил квалификацию “Психолог. Преподаватель”, работал младшим научным сотрудником, ассистентом кафедры педагогики и педагогической психологии факультета психологии ЯрГУ, где параллельно обучался в аспирантуре по общей психологии.

Начиная с 1982 г. В.А. Мазиллов связал всю последующую профессиональную деятельность с Ярославским государственным педагогическим университетом им. К.Д. Ушинского, работая ассистентом кафедры педагогики (1982 г.), заместителем декана и деканом факультета начальных классов (1983–1986 гг.), старшим преподавателем, доцентом, профессором, заведующим кафедрой педагогики и психологии начального обучения (1984–2003 гг.). С 2004 г. и по сей день работает заведующим

кафедрой общей и социальной психологии педагогического университета.

Оценивая вклад В.А. Мазилова в психологическую науку, необходимо сказать, что его профессиональная научная деятельность началась с защиты в 1982 г. в Институте психологии АН СССР кандидатской диссертации на тему “Психологический анализ ограничения зоны поиска в процессе решения мыслительных задач” (научный руководитель — Н.П. Ерастов, оппоненты — А.В. Брушлинский и В.В. Рубцов). Отметим, что проблематика психологии мышления не только стала одним из первых направлений научно-исследовательской работы В.А. Мазилова, но и сопровождает его на всех этапах творческого пути: им проведен глубокий исторический и методологический анализ проблемы мышления в гештальтпсихологии, проблемы творческого мышления, места и роли мышления в структуре общепсихологического знания, в профессиональной деятельности и развитии человека.

Опираясь в том числе на результаты изучения проблемы мышления в психологии, В.А. Мазиллов пришел к центральной теме своих теоретических, методологических и историко-психологических исследований — разработке современной структуры методологии психологической науки и модели соотношения теории и метода в психологии. В систематическом виде последняя была представлена в 2000 г., когда в Московском педагогическом государственном университете В.А. Мазилловым была

защищена докторская диссертация на тему “Теория и метод в психологии: Период становления психологии как самостоятельной науки” (научный консультант — В.Д. Шадриков, оппоненты — А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова, С.Д. Смирнов).

В.А. Мазилловым предложена трехкомпонентная структура современного методологического знания, включающая когнитивную методологию, коммуникативную методологию и методологию психологической практики. Кроме того, обозначена необходимость решения проблемы предмета психологии (его понимания как целостного и совокупного), метода психологии (соотнесение уровней предтеории с уровневой структурой метода), объяснения (нередуцированное объяснение психического психологическим), психологического факта (выделение идеологического, предметного и процедурного его уровней), разработки методологии комплексных и междисциплинарных исследований

в психологии, интеграции психологического сообщества и психологического знания.

В.А. Мазиллов продолжает активную образовательную и научно-исследовательскую деятельность. В 2020 г. ему была присуждена премия имени С.Л. Рубинштейна за серию научных работ по теме “Методология и история современной психологии” за заслуги в разработке и решении актуальных проблем психологической науки. В ЯГПУ им. К.Д. Ушинского он читает лекции по истории и методологии психологии, проводит занятия для аспирантов психологических специальностей. Им опубликовано свыше 800 учебных и научных работ по проблемам теории, истории, методологии психологии, общей психологии, психологии образования, личности, способностей, творчества. Под его руководством успешно защищены 5 докторских и 20 кандидатских диссертаций.

Поздравляем В.А. Мазилова с юбилеем и желаем ему крепкого здоровья, творческих и профессиональных успехов!